

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

ТОМ 8
ВЫПУСК 1

2025

ISSN 2686-7419

**Типология морфосинтаксических параметров
том 8, выпуск 1**

Издаётся с 2018 года

Периодичность издания: 2 выпуска в год

Учредитель:

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Адрес редакции:

Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Электронная почта:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Свидетельство о регистрации:

ЭЛ № ФС 77-76307 от 19.07.2019

© Авторы, 2025

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2025

Pushkin State Russian Language Institute

TYPOLOGY OF MORPHOSYNTACTIC PARAMETERS

VOLUME 8
ISSUE 1

2025

ISSN 2686-7419

Typology of Morphosyntactic Parameters
volume 8, issue 1

First published in 2018

Two issues per year

The founder:

Pushkin State Institute for the Russian Language

Editorial office:

Ac. Volgin Str., 6 (ulitsa Akademika Volgina, 6), Moscow, 117485, Russia

Website:

<https://tmp.sc/index.php/eng>

E-mail:

tmp.2018.moscow@gmail.com

Mass media registration certificate:

ЭЛ № ФС 77-76307 as of 19.07.2019

© The authors, 2025

© Pushkin State Institute for the Russian Language, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Екатерина Анатольевна Лютикова —

доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Заместитель главного редактора

Антон Владимирович Циммерлинг —

доктор филологических наук; главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, Москва, Россия

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Личная страница на сайте ИЯ РАН](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

[Личная страница на Researchgate.net](#)

Ответственный секретарь

Ксения Павловна Семёнова —

специалист, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

[Личная страница в системе ИСТИНА МГУ](#)

[Личная страница на Academia.edu](#)

Редколлегия

Джон Фредерик Бейлин —

Ph.D.; профессор университета Стоуни Брук, Нью-Йорк, США

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Олег Игоревич Беляев —

кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Яцек Виткощ —

Ph.D.; профессор университета г. Познань, Польша

http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos_Jacek

Анастасия Алексеевна Герасимова —

кандидат филологических наук; научный сотрудник Лаборатории автоматизированных лексикографических систем Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Павел Валерьевич Гращенков —

доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Атле Грённ —

Ph.D.; профессор университета г. Осло, Норвегия

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Нерея Мадарьяга —

Ph.D.; доцент университета Страны Басков, Витория, Испания

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Владимир Александрович Плунгян —

доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Мария Полинская —

Ph.D.; профессор университета Мэриленда и Гарвардского университета, США

<http://www.mariapolinsky.com/>

Андрей Владимирович Сидельцев —

доктор филологических наук; заместитель директора Института языкознания РАН

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Яков Георгиевич Тестелец —

доктор филологических наук, доцент; профессор учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; ведущий научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва, Россия

<https://istina.msu.ru/profile/Testelets/>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Ekaterina A. Lyutikova —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0003-4439-0613](https://orcid.org/0000-0003-4439-0613)

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://academia.edu)

Deputy chief editor

Anton V. Zimmerling —

Dr. Phil. Hab.; principal research fellow at Pushkin State Russian Language Institute; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute; principal research fellow at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

[ORCID: 0000-0002-5996-2648](https://orcid.org/0000-0002-5996-2648)

[Personal page on The Institute of Linguistics RAS Website](https://www.ling.ras.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://academia.edu)

[Personal page on Researchgate.net](https://www.researchgate.net)

Executive secretary

Xenia P. Semionova —

specialist at the Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russia

[Personal page on Istina.msu.ru](https://istina.msu.ru)

[Personal page on Academia.edu](https://academia.edu)

Editorial staff

John Frederick Bailyn —

Ph.D.; professor at the Stony Brook University, New York, USA

<https://linguistics.stonybrook.edu/faculty/john.bailyn/>

Oleg I. Belyaev —

Ph.D.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/belyaev/>

Jacek Witkoś —

Ph.D.; professor at the Poznań University, Poland

<http://wa.amu.edu.pl/wa/Witkos/Jacek>

Anastasia A. Gerasimova —

Ph.D.; research fellow at the Laboratory for Computational Lexicography, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Gerasimova/>

Pavel V. Grashchenkov —

Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/gra-paul/>

Atle Grønn —

Ph.D.; professor at the Oslo University, Norway

<https://www.hf.uio.no/ilos/english/people/aca/atleg/index.html>

Nerea Madariaga —

Ph.D.; professor at the University of the Basque Country, Vitoria, Spain

<https://ehu.academia.edu/NereaMadariaga>

Vladimir A. Plungian —

Dr. Phil. Hab., Professor, RAS full member; deputy director of the Vinogradov Russian Language Institute RAS; Head of Section of Linguistic Typology of the Institute of Linguistics RAS; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

<https://www.ruslang.ru/publica/plungyan>

Maria Polinsky —

Ph.D.; professor at the University of Maryland, professor at the Harvard University, USA

<http://www.mariapolinsky.com/>

Andrei V. Sideltsev —

Dr. Phil. Hab.; deputy director of the Institute of Linguistics RAS) Moscow, Russia

<http://iling-ran.ru/main/scholars/sidelcev>

Yakov G. Testelelets —

Dr. Phil. Hab.; professor at the Center for Linguistic Typology of the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities; leading researcher at the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

<https://istina.msu.ru/profile/Testelelets/>

СОДЕРЖАНИЕ

П.Н. Астафьев

Местоимения на *-нибудь*
как положительно поляризованные единицы..... 13

П.В. Гращенков

Нивхский каузатив в формально-типологической перспективе..... 32

И.В. Калякин

Цикличность дистантного согласования в муиринском даргинском.... 56

С.А. Оскольская

Конструкции контроля и подъема в нанайском языке:
предварительный обзор..... 75

Ю.В. Сеницына

Симилятивная конструкция с глаголом *кæнын* 'делать'
в осетинском языке 99

Д.Б. Тискин

Полусвязанные дейктики в русском языке 112

О.В. Тужик, Н.В. Сердобольская

Агентивность прямого дополнения и
дифференцированное объектное маркирование
в иронском диалекте осетинского языка 130

CONTENTS

Pavel Astafiev

Russian *-nibud'* indefinites are positive polarity items 13

Pavel Grashchenkov

The Nivkh causative from a formal and typological perspective 32

Ivan Kalyakin

Cyclicity of Long-Distance Agreement in Muira Dargwa..... 56

Sofia Oskolskaya

Control and raising constructions in Nanai: A preliminary overview 75

Julia Sinitsyna

Similative construction with the verb *kenən* 'do' in Ossetic..... 99

Daniel Tiskin

Semi-fake indexicals in Russian 112

Olga Tuzhik, Natalia Serdobolskaya

Agentivity of the direct object and differential object marking
in Iron Ossetic 130

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.19.42.001

МЕСТОИМЕНЕНИЯ НА *-НИБУДЬ* КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПОЛЯРИЗОВАННЫЕ ЕДИНИЦЫ*

П.Н. Астафьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» /
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Аннотация: Любопытную проблему для анализа русских местоимений на *-нибудь* представляет тот факт, что они, как правило, не лицензируются отрицанием в той же клаузе. В этой статье я утверждаю, что указанная проблема исчезает, если признать, что местоимения на *-нибудь* относятся к классу локальных положительно поляризованных единиц. Я показываю, что местоимения на *-нибудь* могут иметь узкую сферу действия относительно отрицания в тех же контекстах, где доступна узкая сфера действия таких положительно поляризованных единиц, как англ. *some* и рус. *или*, причем в некоторых случаях грамматичность *-нибудь* можно отнести только на счет отрицания.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, неспецифичность, положительная поляризация, неверидикативность, анафорическая доступность

Для цитирования: Астафьев П.Н. Местоимения на *-нибудь* как положительно поляризованные единицы // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 1. С. 13–31. doi:10.37632/PI.2025.19.42.001

---

* Я хотел бы поблагодарить Марко Дегано, Наталью Ивлиеву, Дениса Писаренко, Ясу Судо, слушателей конференции ТМП 2025, а также анонимных рецензентов журнала ТМП за ценные советы. Это исследование было выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии» (ГосИРЯ им. А.С. Пушкина).

RUSSIAN *-nibud'* INDEFINITES ARE POSITIVE POLARITY ITEMS^{*}

Pavel Astafiev

HSE University / Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: The fact that Russian *-nibud'* indefinites are not typically licensed by clausemate negation poses a problem for their analysis. In this paper, I point out that this problem has a simple solution: *-nibud'* indefinites are local positive polarity items. I show that *-nibud'* indefinites can take scope below negation in the same cases where the narrow scope of such positive polarity items as the English *some* or the Russian simple disjunction *ili* is available. Moreover, in some of these cases, the grammaticality of *-nibud'* can only be attributed to the presence of negation.

Keywords: marked indefinites, non-specificity, positive polarity, non-veridicality, anaphoric accessibility

For citation: Astafiev P. Russian *-nibud'* indefinites are positive polarity items. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 1. Pp. 13–31. (In Rus.) doi:10.37632/PL.2025.19.42.001

1. Введение

Эта статья посвящена проблеме взаимодействия русских неопределенных местоимений на *-нибудь* с отрицанием. Как известно, местоимения на *-нибудь* имеют ограниченную дистрибуцию. Считается, что они неграмматичны в эпизодических предложениях (1a), однако грамматичны в присутствии дистрибутивного квантора (1b) или модального оператора (1c). Мы будем говорить, что местоимения на *-нибудь* лицензируются некоторым оператором, если присутствие этого оператора делает предложение с *-нибудь* грамматичным.

- (1) a. **Маша прочитала какую-нибудь статью.*
       b. *Каждый студент прочитал какую-нибудь статью.*
       c. *Маша должна прочитать какую-нибудь статью.*

---

^{*} I would like to thank Marco Degano, Natalia Ivlieva, Denis Pisarenko, Yasu Sudo, the audience at TMP 2025, and the anonymous TMP reviewers for their valuable advice. This research has been supported by the Russian Science Foundation, project 25-18-00222 “Control and Raising in the languages of Eurasia” realized at Pushkin State Russian Language Institute.

Согласно гипотезе, выдвинутой в [Astafiev 2025] (вслед за более ранними обсуждениями в [Haspelmath 1997; Dahl 1999]), грамматичность местоимений на *-нибудь* зависит от их анафорической доступности. Конкретнее, местоимения на *-нибудь* допустимы в контекстах, которые блокируют анафору к употребленным в них неопределенным именным группам. Действительно, анафора к неопределенным именным группам в эпизодических предложениях возможна, в то время как дистрибутивные кванторы и модальные операторы обычно не допускают анафору единственного числа к неопределенным именным группам в их сфере действия. Таким образом, анафорическая доступность верно предсказывает неграмматичность местоимений на *-нибудь* в эпизодических предложениях и их лицензирование в сфере действия дистрибутивных кванторов и модальных операторов.

Как мы увидим, гипотеза анафорической недоступности верно предсказывает (не)допустимость *-нибудь* и во многих других случаях. Однако она сталкивается с серьезной проблемой. Местоимения на *-нибудь*, как правило, неграмматичны в сфере действия отрицания в той же клаузе:

(2) **Маша не встретила кого-нибудь.*

[ожд.: 'Маша не встретила никого.']

Гипотеза анафорической неверно предсказывает допустимость *-нибудь* в примерах вроде (2), поскольку отрицание, как известно, не допускает анафору к неопределенным именным группам в своей сфере действия ([Karttunen 1976; Groenendijk, Stokhof 1991] и др.).

В этой статье я постараюсь показать, что проблема отрицания исчезает, если признать, что местоимения на *-нибудь* принадлежат к классу так называемых локальных положительно поляризованных единиц. Положительно поляризованные единицы определяются как выражения, которые, как правило, недопустимы в сфере действия отрицания в той же клаузе; локальные положительно поляризованные единицы обладают в дополнение к этому рядом других нетривиальных свойств [Szabolcsi 2004; Spector 2014]. Я продемонстрирую, что местоимения на *-нибудь* могут иметь узкую сферу действия относительно отрицания в тех же случаях, что и такие локальные положительно поляризованные единицы, как англ. *some* 'какой-то' и рус. *или*. Что интересно, в некоторых из этих случаев допустимость *-нибудь* в контексте можно отнести только на счет отрицания. Эти факты

получают естественное объяснение, если предположить, что местоимения на *-нибудь* сочетают требование анафорической недоступности и свойство положительной поляризации, ответственное за их антилицензирование отрицанием.

Работа построена следующим образом. В разделе 2 мы рассмотрим ряд ключевых наблюдений, касающихся дистрибуции местоимений на *-нибудь*, и мотивируем гипотезу, связывающую дистрибуцию местоимений на *-нибудь* с их анафорической доступностью. В разделе 3 мы обсудим, почему отрицание представляет проблему для этой гипотезы, а также покажем, что существующие подходы к взаимодействию *-нибудь* и отрицания не решают эту проблему удовлетворительным образом. Раздел 4 демонстрирует, что проблема может быть решена, если принять, что местоимения на *-нибудь* являются локальными положительно поляризованными единицами. Дополнительная мотивация для этого будет дана в разделе 5, где показывается, что местоимения на *-нибудь* в ряде случаев лицензируются отрицанием. Итоги работы подводятся в разделе 6.

2. Местоимения на *-нибудь* и анафорическая недоступность

Мы начнем с разбора основных контекстов употребления местоимений на *-нибудь*. Затем мы сформулируем нашу рабочую гипотезу, согласно которой *-нибудь* является маркером анафорической недоступности.

2.1. Лицензирование местоимений на *-нибудь*

Местоимения на *-нибудь* не употребляются в эпизодических предложениях (3a), в том числе в тех, которые содержат другую неопределенную именную группу единственного числа (3b) или коллективный квантор (3c):

- (3) а. **Маша посмотрела какой-нибудь фильм.*
      б. **Один студент прочитал какую-нибудь статью.*
      с. **Все студенты собрались в какой-нибудь аудитории.*

Контексты, в которых местоимения на *-нибудь* грамматичны, включают сферу действия дистрибутивного квантора (4a), квантифицирующего наречия (4b), компоненты модальных предикатов (4c) и некоторых нефактивных предикатов пропозициональной установки (4d), а также условные

предложения (4e–f), дизъюнкции (4g), предложения в будущем времени (4h), императивы (4i) и общие вопросы (4j). (Подробнее о дистрибуции *-нибудь* см. [Падучева 1985, 2015a, 2015b; Pereltsvaig 2008]).

- (4) а. *Каждый студент прочитал какую-нибудь статью.*
б. *По вечерам я всегда читаю какую-нибудь книгу.*
в. *Маша должна прочитать какую-нибудь статью.*
г. *Маша хочет посмотреть какой-нибудь фильм.*
д. *Если бы ты посмотрел какой-нибудь фильм, тебе бы не было так грустно.*
е. *Если бы мне было нечего делать, я бы посмотрел какой-нибудь фильм.*
ж. *Маша сейчас спит или читает какую-нибудь книгу.*
з. *Вечером я посмотрю какой-нибудь фильм.*
и. *Посмотри какой-нибудь фильм!*
й. *Маша сейчас читает какую-нибудь книгу?*

Важно отметить, что местоимения на *-нибудь* всегда интерпретируются в сфере действия лицензирующего их оператора, что дополнительно подтверждается результатами экспериментов в работе [Martí, Ionin 2019].

2.2. Гипотеза анафорической недоступности

Что общего имеют контексты, лицензирующие местоимения на *-нибудь*? Е.В. Падучева [Падучева 1985, 2015a, 2015b] предположила, что местоимения на *-нибудь* грамматичны только в неверидикативных контекстах, или контекстах со снятой утвердительностью (см. также [Gerasimova 2020]).

- (5) **Гипотеза неверидикативности:** местоимения на *-нибудь* лицензируются в неверидикативных контекстах.

Неверидикативные контексты [Zwarts 1995; Giannakidou 1998] характеризуются тем, что не имплицируют существование индивида, удовлетво-

ряющего предикатам рестриктора и сферы действия квантора существования, вводящегося неопределенным местоимением. Такими контекстами являются, например, комплемент модального предиката или нефактивного предиката пропозициональной установки, условное предложение, дизъюнкция, предложение в будущем времени (см. обсуждение в [Giannakidou 1998: 138]), императив и общий вопрос. Как мы видели, все эти контексты действительно лицензируют *-нибудь*. В то же время местоимения на *-нибудь* не лицензируются в эпизодических предложениях, которые относятся к веридикативным контекстам. Эти наблюдения говорят в пользу гипотезы (5).

Проблему для гипотезы неверидикативности представляют экстенсиональные дистрибутивные кванторы, поскольку по крайней мере некоторые из них создают веридикативные контексты. Рассмотрим, например, следующее предложение:

(6) *Каждый студент прочитал какую-нибудь статью.*

Интуитивно, (6) имплицирует существование прочитанных студентами статей. (Это связано с тем, что универсальный квантор вводит пресуппозицию существования индивидов, удовлетворяющих его рестриктору.) Таким образом, в рамках гипотезы неверидикативности следует ожидать, что *-нибудь* в примерах типа (6) недопустимо, что, по-видимому, неверно.

Чтобы справиться с этой проблемой, [Astafiev 2025] (вслед за [Haspel-math 1997: 37-45; Dahl 1999]) предположил, что допустимость местоимений на *-нибудь* связана с их анафорической доступностью¹:

(7) **Гипотеза анафорической недоступности:** местоимения на *-нибудь* допустимы в контекстах, которые делают именные группы единственного числа недоступными для анафоры с использованием местоимений единственного числа.

Нас интересует недоступность анафоры непосредственно после интерпретации рассматриваемого контекста, т.е. случаи вроде квантификационной и модальной субординации [Roberts 1987; Brasoveanu 2013b] не считаются контрпримерами.

---

¹ Первое систематическое обсуждение анафорической доступности неопределенных именных групп в различных контекстах содержится в классической статье [Karttunen 1976]. Недавний обзор литературы по этой теме представлен в [Hofmann 2025b].

Гипотеза анафорической недоступности воспроизводит верные предсказания гипотезы неверидикативности, поскольку все неверидикативные контексты блокируют анафору [Chatain 2025; Hofmann 2025a, 2025b]. Однако экстенциональные дистрибутивные кванторы, как правило, также блокируют анафору единственного числа [Karttunen 1976; Roberts 1987; Brasoveanu 2013b]:

(8) а. *Каждый студент написал эссе_i.*

б. *[#]Мне оно_i кажется очень интересным.*

Заметим, что в (7) проверяется именно недоступность анафоры единственного числа, поскольку анафора множественного числа к неопределенным именным группам в сфере действия дистрибутивных кванторов допустима [van den Berg 1996; Brasoveanu 2013b], как показывают примеры типа (9). (Подробнее см. [Astafiev 2025].)

(9) а. *Каждый игрок вытащил по [одной карте]_i.*

б. *Ведущий перемешал их_i.*

Таким образом, анафорическая недоступность, в отличие от неверидикативности, верно предсказывает грамматичность *-нибудь* в сфере действия дистрибутивных кванторов. По этой причине мы примем именно (7) в качестве нашей рабочей гипотезы касательно дистрибуции местоимений на *-нибудь*².

[Astafiev 2025] показывает, что требование анафорической недоступности можно эксплицировать в рамках композициональной динамической семантики как постсуппозицию [Brasoveanu 2013a; Charlow 2021]. Впро-

---

² Я не буду обсуждать семейство подходов, формализующих идею, что местоимения на *-нибудь* лицензируются только в сфере действия экстенционального или интенционального дистрибутивного квантора [Yanovich 2005; Pereltsvaig 2008; Brasoveanu, Farkas 2011; Degano 2024, 2025; Degano, Aloni 2025]. Очевидной проблемой этих подходов является то, что не все лицензоры местоимений на *-нибудь* допускают трактовку в терминах дистрибутивной квантификации. В качестве контрпримеров естественно рассматривать дизъюнкцию и общие вопросы [Degano 2024; Astafiev 2025]. Что интересно, отрицание представляет проблему и для некоторых из этих подходов, см. [Brasoveanu, Farkas 2011; Degano 2024; Degano, Aloni 2025].

чем, для наших целей детали этого подхода являются нерелевантными, поэтому здесь мы не будем на них останавливаться³.

3. Проблема отрицания

В этом разделе мы рассмотрим проблему отрицания, а также критически разберем имеющиеся подходы к взаимодействию местоимений на *-нибудь* с отрицанием. Как мы увидим, удовлетворительного решения для проблемы отрицания они не предоставляют.

3.1. Местоимения на *-нибудь* и отрицание

Как мы видели, гипотеза анафорической доступности верно предсказывает (не)грамматичность местоимений на *-нибудь* во многих случаях. Однако отрицание представляет проблему. Как неоднократно отмечалось, местоимения на *-нибудь* не лицензируются в сфере действия отрицания в той же клаузе:

- (10) **Маша не встретила кого-нибудь.*
[ожид.: 'Маша не прочитала ни одной статьи.']

Гипотеза анафорической недоступности делает здесь неверное предсказание, поскольку отрицание не допускает анафору к неопределенным именным группам в своей сфере действия ([Karttunen 1976; Groenendijk, Stokhof 1991] и др.):

- (11) а. *Маша не написала эссе_i.*
      б. #*Оно_i показалось мне интересным.*

---

³ Динамическая семантика — подход к семантике, согласно которому значением предложения является его потенциал обновления контекста [Nouwen et al. 2022]. Анализы ряда феноменов (среди которых модифицированные числительные и некоторые неопределенные местоимения) в рамках динамической семантики используют понятие постсуппозиции [Brasoveanu 2013a; Charlow 2021]. Постсуппозиция — это ограничение на контекст, которое проверяется после обновления контекста при помощи основного значения предложения. Согласно [Astafiev 2025], местоимения на *-нибудь* вводят нового дискурсивного референта и в дополнение к этому кодируют постсуппозицию недоступности дискурсивного референта в контексте. Таким образом, постсуппозиция *-нибудь* может быть удовлетворена, только если *-нибудь* находится в сфере действия оператора, делающего введенных в его сфере действия дискурсивных референтов недоступными для дискурсивной референции вне его сферы действия.

Мы назовем это наблюдение проблемой отрицания.

(12) **Проблема отрицания:** местоимения на *-нибудь* в матричной клаузе не лицензируются отрицательной частицей *не* в той же клаузе.

Можем ли мы ли спасти гипотезу анафорической доступности, найдя независимое объяснение отсутствию лицензирования *-нибудь* отрицанием? Ниже мы бегло рассмотрим два возможных подхода, обсуждавшихся в предшествующей литературе, и покажем, что они оба сталкиваются с серьезными проблемами.

3.2. Блокирование отрицательными местоимениями?

В работе [Pereltsvaig 2004] было высказано предположение, что отсутствие ожидаемого лицензирования маркированных неопределенных местоимений в сфере действия отрицания в той же клаузе может быть вызвано конкуренцией с отрицательными местоимениями (серия на *ни*-). Отрицательные местоимения в русском языке в норме грамматичны только в присутствии отрицания в той же клаузе. Условия лицензирования местоимений на *-либо* и на *-нибудь* удовлетворяются в гораздо более широком круге контекстов. А. Перельцвайг [Pereltsvaig 2004] предполагает, что отрицательные местоимения имеют более специфичный набор грамматических признаков и по этой причине блокируют другие неопределенные местоимения в сфере действия отрицания. В работе дается набросок формальной имплементации этой идеи в рамках распределенной морфологии [Halle, Marantz 1993].

Комбинируя условие анафорической недоступности для местоимений на *-нибудь* с идеями [Pereltsvaig 2004], мы выводим предсказание, что местоимения на *-нибудь* должны лицензироваться во всех контекстах, делающих неопределенные именные группы недоступными для анафоры, за исключением сферы действия отрицания в той же клаузе. Однако это предсказание неверно. Как показывает [Падучева 2015а, 2015б], в ряде случаев *-нибудь* может употребляться в сфере действия отрицания во вложенной клаузе. Это происходит, в частности, в комплементе предиката пропозициональной установки, который в свою очередь находится в сфере действия отрицания (13а), в antecedенте условного предложения (13б) и в целевой клаузе (13с).

(13) а. *Я не верю, что Маша не позвала кого-нибудь на помощь.*

б. *Если Маша не позовет кого-нибудь на помощь, она не справится.*

с. *Я шла медленно, чтобы не задеть кого-нибудь.*

Предложения в (13) в наиболее естественной интерпретации эквивалентны соответствующим предложениям, где местоимение на *-нибудь* заменено на отрицательное:

(14) а. *Я не верю, что Маша не позвала никого на помощь.*

б. *Если Маша не позовет никого на помощь, она не справится.*

с. *Я шла медленно, чтобы не задеть никого.*

Неясно, каким образом подход в духе [Pereltsvaig 2004] мог бы объяснить, почему в некоторых случаях местоимения на *-нибудь* все-таки могут иметь узкую сферу действия по отношению к отрицанию в той же клаузе и не блокируются отрицательными местоимениями.

3.3. Нестандартное отрицание?

Другой подход к проблеме *-нибудь* и отрицания был предложен в [Падучева 2015а, 2015б]. Согласно Падучевой, местоимения на *-нибудь* не могут находиться в сфере действия стандартного отрицания в той же клаузе, однако способны находиться в сфере действия нестандартного отрицания. Нестандартное отрицание по Падучевой — это омоним частицы *не* с семантикой сентенциального отрицания, имеющий ограниченную дистрибуцию: нестандартное отрицание грамматично только в неверидикативных контекстах.

Попробуем вслед за Падучевой предположить, что *-нибудь* лицензируется во всех контекстах, блокирующих анафору, за исключением непосредственной сферы действия стандартного отрицания. Рассмотрим предсказания такого подхода. Прежде всего, мы корректно предсказываем, что *-нибудь* не может находиться в сфере действия невложенного отрицания. Поскольку отрицательная частица *не* в этом случае не находится в сфере действия какого-либо оператора, она может соответствовать только стандартному отрицанию, которое, как мы допустили, *-нибудь* не лицензирует.

В то же время мы верно предсказываем и допустимость *-нибудь* в сфере действия отрицательной частицы, вложенной в комплемент глагола пропозициональной установки под отрицанием (13a), в антецедент условного предложения (13b) или в целевую клаузу (13c). Действительно, во всех этих случаях *не* находится в неверидикативном контексте (комплемент нефактивного глагола пропозициональной установки под отрицанием, условное предложение и целевая клауза являются неверидикативными контекстами), а значит, может соответствовать нестандартному отрицанию. Таким образом, *-нибудь* оказывается допустимо.

Нетрудно заметить, что определение дистрибуции нестандартного отрицания нуждается в уточнении. Не в любом неверидикативном контексте возможна узкая сфера действия *-нибудь* относительно отрицания. К примеру, комплемент глагола *думать* является неверидикативным контекстом, однако в нем узкая сфера действия *-нибудь* относительно отрицания недопустима (15).

(15) *Я думаю, что Маша не позвала кого-нибудь на помощь.*

$\times$ думать > $\neg$ > $\exists$

Дистрибуцию нестандартного отрицания можно уточнить. Однако даже в этом случае подход Падучевой неизбежно сталкивается с серьезной концептуальной проблемой — отсутствием веских независимых оснований для постулирования нестандартного отрицания [Gerasimova 2020]. Действительно, пока мы не предоставили никакой независимой мотивации для этого шага. [Падучева 2015a, 2015b] по этому поводу замечает, что отрицание в рассмотренных неверидикативных контекстах может иметь более широкую сферу действия, чем обычно. Однако, как мы вскоре увидим, это наблюдение естественнее объяснять через особые свойства взаимодействующих с отрицанием операторов (которые относятся к классу т. н. локальных положительно поляризованных единиц, см. [Szabolcsi 2004; Spector 2014] и др.), а не вложенного отрицания. Во всяком случае, можно обойтись без понятия нестандартного отрицания. Следовательно, достаточно веские независимые причины для его постулирования отсутствуют.

Я заключаю, что подход Падучевой также не предоставляет удовлетворительного решения проблемы взаимодействия *-нибудь* и отрицания. Таким образом, гипотеза анафорической недоступности остается под сомнением. В следующем разделе я предложу решение, которое кажется мне более удовлетворительным.

4. Решение: положительная поляризация

В этом разделе я покажу, что местоимения на *-нибудь* взаимодействуют с отрицанием точно так же, как и определенные положительно поляризованные единицы. Таким образом, проблема отрицания может быть решена следующим образом: местоимения на *-нибудь* требуют анафорической недоступности и одновременно маркированы как положительно поляризованные. В результате *-нибудь* оказывается грамматичным только в тех контекстах, которые, во-первых, блокируют анафору, во-вторых, допускают употребление определенных положительно поляризованных единиц.

Напомним, что положительно поляризованные единицы (далее ППЕ) определяются как выражения, сопротивляющиеся употреблению в сфере действия отрицания в той же клаузе. Существует ряд типов ППЕ [van der Wouden 1997; Spector 2014]. Здесь нас будут интересовать так называемые локальные положительно поляризованные единицы (термин введен в работе [Spector 2014]). Классический пример — английский неопределенный детерминатор *some* ‘какой-то’ и образованные от него неопределенные местоимения (*someone* ‘кто-то’, *somebody* ‘кто-то’, *something* ‘что-то’, *somewhere* ‘где-то’). Как известно, *some* не может иметь узкую сферу действия относительно отрицания в той же клаузе:

(16) *John didn't see someone.*

$\times \neg > \exists$

‘Джон не увидел кого-то.’

В то же время *some* в зависимой клаузе может иметь сферу действия относительно отрицания в матричной клаузе :

(17) *I don't believe that you saw someone.*

$\checkmark \neg > \text{полагать} > \exists$

‘Я не верю, что ты увидел кого-то/кого-нибудь.’

Кроме того, как показывает [Szabolcsi 2004] (см. также [Homer 2020]), *some* может иметь узкую сферу действия относительно отрицания, которое в свою очередь вложено под оператор, лицензирующий слабые отрицательно поляризованные единицы (далее ОПЕ). В частности, это возможно в комплементе нефактивного предиката пропозициональной установки в сфере действия отрицания (18a), а также в протасисе условного предложения (18b). Это явление известно как «спасение» (rescuing) ППЕ (термин [Szabolcsi 2004]).

(18) a. *I don't believe that you didn't see someone.*

✓ $\neg >$ полагать $> \neg > \exists$

‘Я не верю, что ты не увидел кого-то/никого.’

b. *If someone doesn't help Mary, she won't be able to finish the task.*

✓ если $> \neg > \exists$

‘Если кто-то/никто не поможет Мэри, она не сможет закончить задание.’

Помимо *some*, к локальным ППЕ в английском языке относятся такие выражения, как *still* ‘все еще’ и *already* ‘уже’ [Spector 2014]. В русском языке свойства локальных ППЕ проявляет, например, простая дизъюнкция *или*: она обычно не употребляется в сфере действия отрицания (19a), за исключением случаев, когда *или* находится в зависимой клаузе, а отрицание — в матричной (18b), а также случаев, когда отрицание находится в контексте, где лицензируются слабые ОПЕ (19c-d).

(19) a. *Маша не сдала алгебру или геометрию.*

✗ $\neg > \vee$

b. *Я не верю, что Маша сдала алгебру или геометрию.*

✓ верить $> \neg > \vee$

c. *Я не верю, что Маша не сдала алгебру или геометрию.*

✓ $\neg >$ верить $> \neg > \vee$

d. *Если Маша не сдаст алгебру или геометрию, ее отчислят.*

✓ если $> \neg > \vee$

Я предполагаю, что местоимения на *-нибудь* также относятся к классу локальных ППЕ⁴. Действительно, как и локальные ППЕ, местоимения на *-нибудь* в матричной клаузе не могут иметь узкую сферу действия по отношению к отрицанию в той же клаузе. Однако для *-нибудь* в зависимой клаузе доступна узкая сфера действия по отношению к отрицанию в матричной клаузе:

⁴ Насколько мне известно, ранее возможность того, что местоимения на *-нибудь* являются положительно поляризованными единицами, обсуждалась только в работе [Pisarenko 2021], где она в итоге была отвергнута. Денис Писаренко (л.с.) проинформировал меня, что с тех пор он пересмотрел свое мнение и теперь согласен с тем, что местоимения на *-нибудь* проявляют свойства ППЕ.

(20) *Я не думаю, что Маша позвала кого-нибудь на помощь.*

✓ верить > ¬ > ∃

Далее, как и локальные ППЕ, местоимения на *-нибудь* могут иметь узкую сферу действия относительно отрицания, находящегося в контексте, где лицензируются слабые ОПЕ, например в комплементе нефактивного глагола пропозициональной установки под отрицанием или в антецеденте условного предложения. Для удобства я повторяю релевантные примеры ниже:

(21) а. *Я не верю, что Маша не позвала кого-нибудь на помощь.*

✓ ¬ > верить > ¬ > ∃

б. *Если Маша не позовет кого-нибудь на помощь, она не справится.*

✓ если > ¬ > ∃

Как показывает [Падучева 2015а, 2015b], *-нибудь* также могут иметь узкую сферу действия по отношению к отрицанию в целевой клаузе (22а). Примечательно, что для локальной ППЕ *или* в этом контексте также доступна узкая сфера действия по отношению к отрицанию (22б).

(22) а. *Я шла медленно, чтобы не задеть кого-нибудь.*

✓ чтобы > ¬ > ∃

б. *Я шла медленно, чтобы не задеть Машу или Катю.*

✓ чтобы > ¬ > ∃

Таким образом, есть все основания относить местоимения на *-нибудь* к классу локальных ППЕ. В таком случае проблема отрицания может быть решена следующим образом: местоимения на *-нибудь* требуют анафорической недоступности и одновременно маркированы как локальные ППЕ. Этот «гибридный» подход к *-нибудь* сформулирован ниже:

(23) **Гибридный подход к *-нибудь*:** местоимения на *-нибудь* кодируют требования анафорической недоступности и локальной положительной поляризации и являются грамматичными, только когда оба эти требования удовлетворены.

Было предложено несколько объяснений дистрибуции локальных ППЕ. Согласно [Szabolcsi 2004], локальные ППЕ кодируют «сильный» и «сла-

бый» ОПЕ-признаки, которые по умолчанию неактивны. Лицензоры сильных ОПЕ, такие как отрицание, в локальной конфигурации активируют оба признака локальных ППЕ, однако лицензируют только один, что приводит к неграмматичности, если нет другого оператора, который лицензирует второй активированный признак. [Nicolae 2012] предлагает подход к ППЕ в рамках теории чувствительности к поляризации как эффекта обязательных импликатур [Chierchia 2013] с использованием предположения, что локальные ППЕ активируют супердоменные альтернативы. [Nomer 2020] утверждает, что локальные ППЕ чувствительны к нисходящему следованию, которое должно проверяться в определенном локальном домене. Аргументация в пользу какой-либо из существующих теорий локальных ППЕ или разработка новой теории выходят за рамки этой работы. Насколько я могу судить, наш гибридный подход к *-нибудь* совместим с любой успешной теорией локальных ППЕ.

Гибридный подход предсказывает, что местоимения на *-нибудь* будут грамматичны в сфере действия отрицания, если и только если отрицание в данном контексте допускает узкую сферу действия локальных положительно поляризованных единиц. Примеры, которые мы до сих пор разбирали, это предсказание полностью подтверждают. Это дает нам основание надеяться, что гибридный подход успешно решает проблему отрицания.

Отметим, что гибридный подход к *-нибудь* является не столь привлекательным с теоретической точки зрения, как можно было бы надеяться: дистрибуция местоимений на *-нибудь* регулируется двумя условиями (анафорическая недоступность и положительная поляризация), а не одним. На мой взгляд, фатальной проблемой это не является. Во-первых, подход все еще не является стипулятивным: дистрибуция местоимений на *-нибудь* объясняется с обращением к независимо засвидетельствованным феноменам (анафорическая доступность и положительная поляризация). Во-вторых, в литературе уже обсуждались случаи, когда дистрибуция некоторой единицы регулируется более чем одним условием: так, [van der Wouden 1997] и [Spector 2012] описывают единицы «двойной поляризации» (bipolar items), сочетающие свойства сильных ОПЕ и ППЕ. Тем не менее я готов согласиться, что гибридный подход нуждается в дополнительной мотивации. Задача следующего раздела — предоставить ее.

5. Лицензирование *-нибудь* отрицанием

Гибридный подход, предложенный в предыдущем разделе, предсказывает, что если местоимение на *-нибудь* находится в сфере действия отрицания в контексте, который не делает локальные ППЕ недопустимыми, то оно будет грамматично вне зависимости от наличия других операторов, лицензирующих *-нибудь*. Причина в том, что сфера действия отрицания сама по себе удовлетворяет требование анафорической недоступности, которое кодирует *-нибудь*. Можем ли мы проверить это предсказание?

В примерах, которые мы рассматривали до сих пор, *-нибудь* имеет узкую сферу действия относительно отрицания только в таких контекстах, которые лицензируют местоимения на *-нибудь* и сами по себе. Таким образом, лицензирование *-нибудь* можно списать на свойства этих контекстов, в то время как нас интересуют случаи, где грамматичность *-нибудь* можно отнести только на счет отрицания.

Оказывается, что такие случаи находятся. Одним из них является *-нибудь* в комплементе экстраклаузного отрицания. Как утверждает [Падучева 2015a], *-нибудь* в принципе может лицензироваться экстраклаузальным отрицанием. Наш гибридный подход легко это объясняет: экстраклаузальное отрицание блокирует анафору к неопределенным именным группам в своей сфере действия и в то же время допускает узкую сферу действия локальных ППЕ (24b), так что оба требования *-нибудь* оказываются удовлетворены.

(24) а. ?*Это неправда, что Маша кого-нибудь убедила.*

б. *Это неправда, что Маша убедила Васю или Петю.*

✓ ¬ > √

Пожалуй, более интересный случай представляет отрицание в комплементе фактивного предиката эмоции (вроде *жаль* или *рад*), которое также лицензирует *-нибудь* (25a) — как можно заметить, удаление отрицания приводит к неграмматичности. Гибридный подход к *-нибудь* проливает свет и на это наблюдение. Во-первых, как замечает [Szabolcsi 2004], отрицание в комплементе фактивного предиката эмоции допускает узкую сферу действия локальных ППЕ (25b). Во-вторых, как мы знаем, отрицание блокирует анафору. Таким образом, оба требования *-нибудь* вновь оказываются удовлетворены, так что мы корректно предсказываем грамматичность (25a).

(25) а. Жаль, что Маша *(не) позвала кого-нибудь на помощь.

б. Жаль, что Маша не позвала на помощь Петю или Васю.

✓ ¬ > √

Таким образом, мы рассмотрели два случая, где грамматичность *-нибудь* связана с присутствием отрицания, и убедились, что наш гибридный подход (23) успешно с ними справляется. Я полагаю, что рассмотренные случаи явно свидетельствуют в пользу верности гибридного подхода к местоимениям на *-нибудь*.

6. Заключение

В этой статье я предложил простое решение проблеме взаимодействия русских местоимений на *-нибудь* с отрицанием. Оно сводится к тому, что в дополнение к своему условию лицензирования — требованию анафорической недоступности — местоимения на *-нибудь* кодируют требование локальной положительной поляризации, которое препятствует их употреблению в сфере действия отрицания в той же клаузе, за исключением ряда специальных случаев. Предложенный подход проливает свет на некоторые загадочные, на первый взгляд, свойства местоимений на *-нибудь*, включая возможность лицензирования местоимений на *-нибудь* во вложенной клаузе отрицанием в матричной клаузе, а также лицензирование *-нибудь* отрицанием в комплементе эмотивного фактивного глагола.

Список источников / References

- Падучева 1985 — Падучева Е.В. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. Москва: Наука, 1985. [Paducheva E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its relation to reality]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Падучева 2015а — Падучева Е.В. Нереперентные местоимения на *-нибудь*. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. Москва, 2015. [Paducheva E.V. *Nereferentnye mestoimaniya na -nibud'* [Non-specific *nibud'* indefinites]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* (<http://rusgram.ru>). Ms. Moscow, 2015.]
- Падучева 2015b — Падучева Е.В. Русские местоимения и снятая утвердительность. *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Москва: Языки славянской культуры, 2015. Стр. 215–238. [Paducheva E.V. *Russkie mestoimeniya i snyataya utverditel'nost'* [Russian indefinites and non-veridicality]. *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. Pp. 215–238.]

- Astafiev 2025 — Astafiev P. *Non-specificity as anaphoric inaccessibility: explaining the distribution of Russian nibud' indefinites*. Ms. 2025.
- van den Berg 1996 — van den Berg M. *Some aspects of the internal structure of discourse. The dynamics of nominal anaphora*. Ph.D. diss. University of Amsterdam, 1996.
- Brasoveanu 2013a — Brasoveanu A. Modified numerals as post-suppositions. *Journal of Semantics*. 2013. Vol. 30. Pp. 155–209.
- Brasoveanu 2013b — Brasoveanu A. The grammar of quantification and the fine structure of interpretation contexts. *Synthese*. 2013. Vol. 190. Pp. 3001–3051.
- Brasoveanu, Farkas 2011 — Brasoveanu A., Farkas D. How indefinites choose their scope. *Linguistics & Philosophy*. Vol. 34. Pp. 1–55.
- Charlow 2021 — Charlow S. *Post-suppositions and semantic theory*. Ms. 2021.
- Chierchia 2013 — Chierchia G. *Logic in grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Dahl 1999 — Dahl Ö. Book review: Martin Haspelmath, *Indefinite Pronouns*. *Linguistics & Philosophy*. 1999. Vol. 22. Pp. 663–678.
- Degano 2024 — Degano M. *Indefinites and their values*. Ph.D. diss. University of Amsterdam, 2024.
- Degano 2025 — Degano M. Non-specific and dependent indefinites: when *-nibud'* meets *po*. *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 29. 2025. Pp. 370–385.
- Degano, Aloni 2025 — Degano M., Aloni M. How to be (non-)specific? *Linguistics & Philosophy*. 2025.
- Gerasimova 2020 — Gerasimova A. When *ni-* and *-nibud'* are logically equivalent: Evidence from Russian nominalizations. *Rhema*. 2020. No. 1. Pp. 9–23.
- Giannakidou 1998 — Giannakidou A. *Polarity sensitivity as (non)veridical dependency*. Amsterdam: John Benjamins, 1998.
- Groenendijk, Stokhof 1991 — Groenendijk H., Stokhof M. Dynamic predicate logic. *Linguistics & Philosophy*. 1991. Vol. 14. Pp. 39–100.
- Halle, Marantz 1993 — Halle, M., Marantz, A. Distributed Morphology and the pieces of inflection. *The view from building 20*. Hale, K., Keyser, S. J. (eds.). Cambridge, MA: The MIT Press, 1993. Pp. 111–175.
- Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Hofmann 2025a — Hofmann L. Anaphoric accessibility with flat update. *Semantics & Pragmatics*. 2025. Vol. 18.
- Hofmann 2025b — Hofmann L. *The semantics of anaphora*. Ms., 2025.
- Homer 2020 — Homer V. Domains of polarity items. *Journal of Semantics*. 2020. Vol. 38. No. 1. Pp. 1–48.
- Karttunen 1976 — Karttunen L. Discourse referents. *Syntax and semantics: Notes from the linguistic underground*, vol. 7. J. McCawley (ed.). New York: Academic Press. Pp. 363–386.
- Martí, Ionin 2019 — Martí L., Ionin T. Wide scope indefinites in Russian: an experimental investigation. *Glossa*. 2019. Vol. 4. No. 4.
- Nicolae 2012 — Nicolae A. Positive polarity items. *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 16. 2012. Pp. 475–488.
- Nouwen et al. 2022 — Nouwen R., Brasoveanu A., van Eijck J., Visser A. Dynamic semantics. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2022 Edition)*. Zalta E. N., Nodelman U. (eds.). Metaphysics Research Lab, Stanford University.
- Pereltsvaig 2004 — Pereltsvaig A. Negative polarity items in Russian and the 'bagel problem'. *Negation in Slavic*. A. Przepiorkowski, S. Brown (eds.). Bloomington: Slavica Publishers, 2004.

- Pereltsvaig 2008 — Pereltsvaig A. Russian *nibud'*-series as markers of co-variation. *Proceedings of WCCFL* 27. 2008. Pp. 370–378.
- Pisarenko 2022 — Pisarenko D. Russian *nibud'*-indefinites and Neg-Raising. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. Vol. 5. No. 1. Pp. 72–90.
- Roberts 1987 — Roberts C. *Modal subordination, anaphora, and distributivity*. Ph.D. diss. UMass Amherst, 1987.
- Spector 2012 — Spector B. Being simultaneously an NPI and a PPI: a bipolar item in French. *Snippets*. 2012. Vol. 25. Pp. 21–22.
- Spector 2014 — Spector B. Global positive polarity items and obligatory exhaustivity. *Semantics & Pragmatics*. Vol. 7. No. 11.
- Szabolcsi 2004 — Szabolcsi A. Positive polarity – negative polarity. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2004. Vol. 22. No. 2. Pp. 409–452.
- van der Wouden 1997 — van der Wouden T. *Negative contexts: Collocation, polarity and multiple negation*. London: Routledge, 1997.
- Yanovich 2005 — Yanovich I. Choice-functional series of indefinite pronouns and Hamblin semantics. *Proceedings of SALT* 15. 2005. Pp. 309–326.
- Zwarts 1995 — Zwarts F. Nonveridical contexts. *Linguistic Analysis*. Vol. 25. No. 3–4. Pp. 286–312.

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was received on 17.11.2025; approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Павел Николаевич Астафьев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Pavel Astafiev

HSE University / Pushkin State Russian Language Institute

pastafev760@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.20.97.002

НИВХСКИЙ КАУЗАТИВ В ФОРМАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ*

П.В. Гращенков

МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению дистрибутивных и семантических характеристик каузативных суффиксов в нивхском языке. Мы начнем с введения в типологию каузативизации, особо пристально рассматривая языки алтайской семьи. После этого мы остановимся на признаках нивхских каузативов, основываясь преимущественно на предшествующих исследованиях, а также на примерах из текстов. Как мы покажем, нивхские каузативы отличаются от аналогичных конструкций в тюркских языках по некоторым свойствам. В частности, они не рекурсивны, не способны к вербализации и не допускают контактного прочтения с неакузативами. Данная работа основана на анализе, предлагавшемся ранее для тюркских и ряда других языков. Как мы покажем, нивхский каузатив может быть проанализирован подобно каузативам других языков в терминах декомпозиционного подхода. Мы продемонстрируем, что каузативный показатель в действительности образуется двумя функциональными вершинами. Однако в отличие от тюркских языков, нивхский располагает отдельными синтаксическими позициями для каждого из двух показателей каузативизации.

Ключевые слова: Нивхский язык, типология, синтаксис, морфология, каузативизация, структура *vP*

Для цитирования: Гращенков П.В. Нивхский каузатив в формально-типологической перспективе // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 1. С. 32–55. doi:10.37632/PI.2025.20.97.002

---

* Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

THE NIVKH CAUSATIVE FROM A FORMAL AND TYPOLOGICAL PERSPECTIVE*

Pavel Grashchenkov

Lomonosov Moscow State University

Annotation: The paper discusses the distributional and semantic characteristics of causative suffixes in Nivkh. It begins by introducing the typology of causation, focusing particularly on languages belonging to the Altaic family. Subsequently, it outlines the features of Nivkh causatives based primarily on prior research and textual illustrations. The study demonstrates that Nivkh causatives diverge from their counterparts in Turkic languages in several ways. Specifically, they are not recursive, can not verbalize and do not allow contact reading with unaccusatives. Following an analytical framework previously applied to Turkic and certain other languages, this work elucidates the properties of Nivkh causatives. It establishes that, similar to some other languages within and in accordance with the compositional perspective, Nivkh employs a dual voice marker for its causatives. However, unlike Turkic, Nivkh allows distinct syntactic positions for each of the two voice heads.

Keywords: Nivkh, typology, syntax, morphology, causativization, vP structure

For citation: Grashchenkov P. The Nivkh causative from a formal and typological perspective. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 1. Pp. 32–55. (In Rus.) doi: 10.37632/PI.2025.20.97.002

1. Постановка проблемы

Работа посвящена исследованию структуры каузативов в нивхском языке. Нивхский язык, см. [Gruzdeva 1998] и др., ареально определяемый как принадлежащий к палеоазиатской семье, обладает рядом свойств, сближающих его с алтайскими языками, с которыми он имел определенные контакты. Среди явных структурных параллелей — левое ветвление в синтаксисе, агглютинация и (почти)¹ последовательная суффиксация. Кауза-

---

* The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

¹ «Почти», т.к. имеются случаи префиксации посессора и прямого объекта, которые, однако, могут быть представлены как инкорпорация личных местоимений, а не аффиксация.

тивизация в нивхском языке получила детальное описание в работе [Недялков и др. 1969]. Настоящее исследование призвано дополнить приведенные там факты некоторыми новыми данными и представить анализ имеющихся закономерностей в терминах современной формальной грамматики.

Статус и свойства каузативных показателей многократно обсуждались в литературе, в т.ч. и на материале алтайских языков, см. [Tomioka 2006; Lyutikova, Tatevosov 2014; Harley 2017; Tatevosov и др. 2017; Nie 2020, 2022; Sigurðsson, Wood 2021; Wood, Sigurðsson 2021] и приведенные там ссылки. В области семантики каузативности различается непосредственная / прямая каузация или опосредованная / косвенная, см. [Shibatani 1976], [Холодович 1969] и др. Для английского и японского языка установлено, что лексическая каузативизация связана с прямой каузацией, [Tomioka 2006]. Так, в примерах ниже наречная модификация относится сразу и к каузирующему, и к основному событиям, отдельно модифицировать какое-либо одно из них невозможно, [Tomioka 2006: 117]:

- (1) a. *Kotaro opened the door slowly.*

‘Котаро медленно открывал дверь.’

- b. *Kotaro made the girl sad gradually.*

‘Котаро постепенно расстраивал девушку.’

- (2) a. *Kotaro-ga isu-o yukkurito tao-si-ta.*

Котаро-NOM кресло-ACC медленно опускаться-CAUS-PAST

‘Котаро медленно опускал кресло.’

- b. *Kotaro-ga bo:ru-o sotto koroga-si-ta.*

Котаро-NOM мяч-ACC осторожно крутиться-CAUS-PAST

‘Котаро осторожно вращал мяч.’

Более того, в японском языке лексическая каузативизация посредством показателя *-si* ограничена зоной лексической VP и может применяться лишь к неаккузативным предикатам. Синтаксическая каузативизация посредством *-sase*, напротив, предполагает возможность наречной модификации отдельно каузирующего и основного событий, [Tomioka 2006: 118]:

- (3) a. *Kotaro caused the ship to sink slowly (by chewing a small hole in its hull).*

‘Котаро заставил корабль тонуть медленно (проделав небольшую дыру в его корпусе).’

b. *Kotaro quickly caused the ship to sink (slowly).*

‘Котаро быстро заставил корабль (медленно) затонуть.’

(4) a. *Kotaro-ga Naoko-o yukkuri taore-sase-ta.*

Котаро-NOM Наоко-ACC медленно падать-CAUS-PAST

‘Котаро заставил Наоко медленно падать (только Наоко действует медленно).’

b. *Kotaro-ga Naoko-ni inu-o sotto okos-ase-ta.*

Котаро-NOM Наоко-DAT собака-ACC осторожно будить-CAUS-PAST

‘Котаро попросил Наоко осторожно разбудить собаку (осторожно действует Наоко).’

Как видно из примеров выше, лексическая каузативизация связана с контактным воздействием, а синтаксическая — с опосредованным. Подобное наблюдение было сделано и для нивхского языка, см. [Недялков и др. 1969: 183]: «ЛК (лексическая каузативизация — ПГ) имеет контактно-фактитивное значение ..., а МК (морфологическая каузативизация — ПГ) — дистантно-фактитивное ...»:

(5) a. *Леп че-д.*

хлеб сохнуть-IND

‘Хлеб засох.’

b. *Иф леп се-у-дъ.*

он хлеб сохнуть-TR-IND

‘Он засушил хлеб (на сухари).’

c. *Иф леп ытудохқаур че-гу-дъ.*

она хлеб не.укрыв сохнуть-CAUS-IND

‘Она, не укрыв хлеб, дала ему засохнуть.’

(6) a. *Иф пол-дъ.*

он падать-IND

‘Он упал.’

b. *Иф п’-атик вол-у-дъ.*

он REFL-мл.брат падать-TR-IND

‘Он повалил младшего брата.’

c. *Иф п’-атик ыхт-р, й-ах пол-гу-дъ.*

он REFL-мл.брат толкать-CONV.3.SG он-CAUSEE падать-CAUS-IND

‘Он подтолкнул младшего брата, и тот упал.’

Описанное для японского языка различие в поведении с адвербиалами обнаруживается и в карачаево-балкарском языке (тюркские, кыпчакские). С одной стороны, каузатив от непереходных неаккузативов предполагает только нераздельное прочтение модификации основного события и под-события каузации, см. [Lyutikova, Tatevosov 2014: 295]:

- (7) *Алим терк чоюн-ну тол-дур-ду.*
 Алим быстро чайник-АСС наполняться-CAUS-PST.3.SG
 1. 'Алим быстро наполнил чайник.'
 2. *'Алим сделал так, чтобы чайник наполнился быстро.'
 3. *'Алим быстро сделал так, чтобы чайник (возможно, медленно) наполнился.'

С другой — каузатив от переходных глаголов и каузатив от неаккузативного глагола могут интерпретироваться и как модификация основного события, и как модификация подсобытия каузации, [Lyutikova, Tatevosov 2014: 291]:

- (8) *Алим джангыдан эшик-ни ач-ты.*
 Алим снова дверь-АСС открывать-PST.3SG
 1. 'Алим снова открыл дверь (дверь открывалась дважды).'
 2. 'Снова Алим открыл дверь (Алим дважды открывал дверь).'
- (9) *Алим джангыдан иллеу-ню сын-дыр-ды.*
 Алим снова игрушка-АСС ломаться-CAUS-PST.3SG
 1. 'Алим снова сломал игрушку (игрушка ломалась дважды).'
 2. 'Снова Алим сломал игрушку (Алим ломал игрушку дважды).'

Свойствами, которые объединяют лексические каузативы в английском и японском с одной стороны и каузативизацию неаккузативов в карачаево-балкарском с другой, являются возможность контактного прочтения и неспособность разделять подсобытия при наречной модификации. Иначе ведут себя синтаксические каузативы в английском и японском, равно как каузативы от переходных глаголов и неэргативов в карачаево-балкарском языке: данные глаголы могут разделять подсобытия, модифицируемые адвербиалами. Различия в интерпретации при модификации обстоятельством образа действия позволяют авторам диагностировать, сколько событий (одно или более) представлено каузативной структурой.

Согласно [Tomioaka 2006], в японском языке синтаксическая каузативизация затрагивает уровень расширенной проекции νP . Как утверждается в [Lyutikova, Tatevosov 2014, Tatevosov и др. 2017, Гращенков 2018] и др., в тюркских языках каузативизация также связана с проекцией малого ν . Каузативный показатель, прикрепляясь к неагентивным непереходным глаголам, де факто образует лексический каузатив. В то же время, присоединяясь к переходным глаголам или неэргативам, каузативы допускают только дистантное прочтение, см. [Lyutikova, Tatevosov 2014, Tatevosov и др. 2017]. Для объяснения этого факта в [Lyutikova, Tatevosov 2014] предлагается анализ с «разделением труда» между отдельными частями каузирующей ν . Различные интерпретации одной и той же каузирующей морфемы связаны с тем, что в случае неаккузативных глаголов добавление каузативизатора приводит к образованию структуры с одной νP , а в случае переходных и неэргативных глаголов — двух. Именно этот факт демонстрирует интерпретация адвербиалов, присоединяющихся на уровне νP .

Если каузативный показатель — уровня νP , можно ожидать, что его употребление может быть рекурсивным: [νP [νP ...]]. Действительно, каузативные показатели в некоторых тюркских языках, см. [Татевосов и др. 2017: 227–249] для мишарского диалекта татарского или [Nie 2022] для турецкого, допускают более чем однократное употребление.

С другой стороны, каузативы в некоторых языках мира анализируются как задающие только участников, но не (под)события, см. [Nie 2020] и упомянутую там литературу. В последнем случае каузативную морфологию ассоциируют с вершиной Voice, не обладающей способностью к рекурсии. В работах [Sigurðsson, Wood 2021; Wood, Sigurðsson 2021] дистантный каузатив в исландском также анализируется как VoiceP. Данная VoiceP надстраивается над другой VoiceP, вводящей имплицитного каузируемого. Наряду с этим возможен анализ, где VoiceP принимает компонентом νP , если последняя допускает синтаксическое выражение косвеннопадежного агенса, совпадающего с каузируемым, см. [Sigurðsson, Wood 2021] и упомянутые там ссылки.

2. Нивхский каузатив: базовые факты

Согласно всем грамматическим описаниям, нивхский язык демонстрирует фиксированный набор глагольных грамматических категорий, имеющих регулярные способы выражения, см. [Панфилов 1962: 24, Недалков, Отаи-

на 2012: 29] и др. Каждый суффикс, выражающий ту или иную грамматическую категорию в нивхском языке, обладает определенной позицией в составе словоформы.

Глаголы располагают категориями не/финитности, лица-числа (у кон-вербов), «согласовательного»² числа (у финитных форм), вида и залога. Инвентарь аспектуальных показателей включает комплетив, результатив, прогрессив, узитатив/хабитуалис и дезидератив/инцептив, см. [Панфилов 1965: 65–79; Неद्याлков, Отаина 2012: 98–100].

Почти все нивхские глаголы (переходные и непереходные, любого семантического класса и т.д.) могут присоединять каузативные показатели *-г/г̣/к/ку*, см. [Неद्याлков и др. 1969]. В отличие от тюркских языков, в нивхском два показателя каузатива подряд недопустимы, в т.ч. на непереходных неагентивных глаголах, ср.: «Искусственно образованные формы типа *кыпр-гу-гу-д* (от МК *кыпр-гу-д* ‘поставить’, восходящего к *кыпр-д* ‘стоять’) с предполагаемым значением ‘велеть / позволить поставить’ непонятны информанту», [Неद्याлков и др. 1969: 187].

Далее, показатель *-г/г̣/к/ку* нигде (в т.ч. в словарях и текстах) не обнаруживает способности присоединяться к неглагольным основам и производить глаголы. Обнаруживаются лишь деривационные цепочки, в которых от имени образуется некаузативизированный глагол, который, в свою очередь, может принимать показатель каузатива: *эгркад* ‘грязь’, *эгркыд* ‘быть грязным’, *(п)ежр̣куд* ‘пачкать(ся)»; *амран* ‘вкус’, *амрад* ‘пробовать на вкус’, *амрагудь*, ‘дать отведать’, ‘угощать’.

В нивхском также невозможны пары типа ‘умирать’ — ‘убивать’ (только ‘умирать’ — ‘губить’), т.е. нивхский каузатив имеет дистантное прочтение, см. [Неद्याлков и др. 1969].

Если говорить о позиции каузативной морфемы, то она не может располагаться после показателя будущего времени (и, следовательно, финитности): «... залоговому суффиксу не может предшествовать временной суффикс», [Панфилов 1965: 8].

Что касается взаимного расположения каузатива и аспектуальных морфем, оно может варьировать. Согласно [Неद्याлков, Отаина 2012: 102], каузатив *-гу-* предшествует показателю дезидератива *-ины/-йны-*:

---

² Согласование с субъектом можно условно назвать факультативным, граммемы числа на подлежащем и глаголе не обязаны совпадать.

- (10) *Иф нь-ах п'ры-гу-йны-дь.*

он я-CAUSEE приходить-CAUS-DES-IND

‘Он собирается заставить меня прийти.’ [Недялков, Отаина 2012: 71]

В.З. Панфилов, напротив, указывает: «Видовым суффиксам не могут предшествовать залоговый и временной суффиксы», [Панфилов 1965: 8]. В то же время, в [Панфилов 1965: 68–69] приводятся примеры как порядка ASP-CAUS, так и возможного обратного расположения морфем. Такая вариативность объясняется в [Панфилов 1965: 68–69] тем, что и аспектальный показатель, и каузатив могут быть и словообразовательными (более левая позиция), и словоизменительными (более правая позиция).

- (11) *Ымык п'-огла-ах охт ғаў-ғыт-ку-дь.*

мать REFL-ребенок-CAUSEE лекарство глотать-COMPL-CAUS-IND

‘Мать своего ребенка заставила проглотить лекарство.’

[Панфилов 1965: 68]

- (12) *Иф нь-ах п'-садо айма-гу-ғыт-ть.*

он я-CAUSEE REFL-нож смотреть-CAUS-COMPL-IND

‘Он показал мне нож.’ [Панфилов 1965: 69]

- (13) *Ч-нанак ғатэ ч-ах кинз Һарғодь-рох ви-ив-гу-д-ра.*

2.SG-сестра EMPH ты-CAUSEE дух ловушка-DAT идти-PROG-CAUS-IND-FOC:PRED

‘Твоя старшая сестра-то тебя в ловушку черта посылает.’

[Панфилов 1965: 69]

Если обратиться к материалу текстов на нивхском языке, примеры расположения до и после каузатива можно найти почти для всех аспектуальных показателей (см. также примеры на комплетив выше):

- (14) *Чиғр паркывр т'а-рә-гу-вэ пыгай-гу-вэ.*

дерево только рубить-USIT.3.PL-CAUS-IMP готовить-CAUS-IMP

‘Позвольте ему хотя бы дрова заготавливать, пищу готовить.’

[Панфилов 1965: 247]

- (15) *Ньың инвестор-ку п'ры-гу-ины-ф-тох к'ингула*

мы.EXCL инвестор-PL приходить-CAUS-DES-NMN:L-DAT быть.приятным

условие-гу ны-дь-гу...

условие-PL делать-IND-PL

‘Мы стремимся приводить инвесторов, создавать привлекательные условия...’ [Нивх диф]

- (16) *им-гу очередь-гу-ух кыр-ку лыж-ку-т, пандемия-ух*
 он-PL очередь-PL-ABL очередь-PL играть-CAUS-CONV.3.PL пандемия-ABL
- коронавирус-кир т'а му-йны-гу-дь*
 коронавирус-INST не умирать-DES-CAUS-IND
- ‘...(чтобы) они не заражались коронавирусом в очередях в разгар пандемии.’ [Нивх диф]

В то время как субъект и прямой объект в нивхском языке не имеют морфологически выраженных показателей, одушевленный каузируемый может быть маркирован показателем *-ах*³:

- (17) *п'хал-ах пил-а-во-н*
 REFL-род-CAUSEE быть.большим-ATR-стойбище-LOC
- к'ал му-гу-та.*
 род становиться-CAUS-EMPH.3.PL
- ‘...большого стойбища родом стали (=это сделало их род родом большого стойбища).’ [Shiraishi 2002–2015]

Итак, нивхский каузатив не допускает рекурсию, не является вербализатором, всегда дистантный, употребляется как до, так и после видовых показателей, может приписывать падеж одушевленным каузируемым.

3. Нивхский каузатив: первый подход к анализу

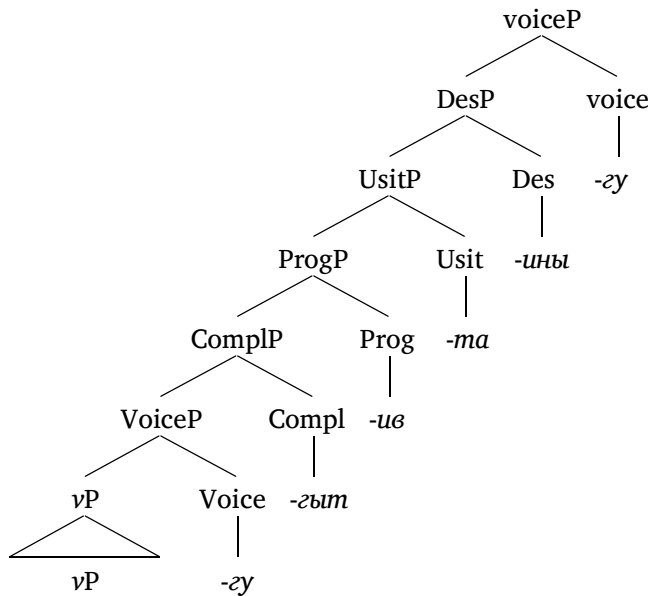
Основываясь на перечисленных выше свойствах, мы предлагаем следующий (предварительный) вариант анализа нивхского каузатива.

Чтобы примирить запрет на рекурсивное употребление каузативного показателя и возможность его расположения до или после видовых морфем, предположим следующее (более подробные объяснения будут представлены на следующем этапе анализа). Будем считать, что возможность употребления каузативного показателя в двух разных позициях связана с двумя вершинами Voice. Каузативная вершина Voice может располагаться выше или ниже в структуре, что мы будем объяснять ее возможным озвучиванием в более высокой или более низкой позиции. Таким образом, аспектуальные и каузативные проекции образуют следующую структуру:

³ Что влияет на маркированность таких одушевленных участников — вопрос, требующий дополнительного исследования.

(18)

Итак, мы предлагаем считать, что для нивхского языка релевантны две каузативных вершины Voice, а аспектуальные проекции могут располагаться между ними. Мы предполагаем, что каузативная вершина может оставаться *in situ* в нижнем Voice, а может подниматься в верхнюю позицию. Приписывание признака падежа может происходить в спецификаторе любой из этих позиций, что видно по примерам (11–12), где маркированный -ах каузируемый наблюдается и при порядке COMPL-CAUS, и при порядке CAUS-COMPL. Ниже будет представлен пример (27), где каузативный показатель присваивается в отсутствие каузативного значения. Это, как мы покажем в дальнейшем анализе, демонстрирует способность нижней каузативной вершины присваивать падеж независимо от верхней.

Итак, на данный момент нам необходимо объяснить природу следующих свойств нивхского каузатива: а) существование двух позиций; б) отсутствие рекурсии; в) неспособность к функционированию в качестве вербализатора; г) обязательное дистантное прочтение; д) роль каждой из вершин в синтаксической деривации. В следующем разделе мы дополним описание свойств нивхского каузатива некоторыми новыми характеристиками, а затем сформулируем окончательный анализ.

4. Нивхский каузатив: особенности употребления

Рассмотрим возможности интерпретации каузатива в низкой и высокой позициях. Рассмотрим случай, когда один и тот же показатель (в нашем

случае — дезидератива) употребляется и с низким, и высоким расположением каузатива. Будучи употреблен в низкой позиции, каузатив вводит внешнего участника и задает ситуацию (опосредованной) каузации:

- (19) *Ньыу инвестор-ку п'ры-гу-ины-ф-тох к'ингула*
 мы.EXCL инвестор-PL приходит-CAUS-DES-NMN:L-DA быть.приятным

условие-гу ны-дь-гу...
 условие-PL делать-IND-PL

‘Мы стремимся приводить инвесторов, создавать привлекательные условия для инвесторов...’ [Нивх диф]

В данном примере каузатив от глагола ‘приходить’ производит ситуацию ‘приводить’, а надстраиваемый выше дезидератив дает значение ‘хотим, стремимся приводить’. Обратный порядок следования морфем можно наблюдать в примере ниже:

- (20) *Ны-йны-гу-дь-ра падеж-ку-дох ётёт-к-ку*
 делать-DES-CAUS-IND-FOC падеж-PL-DAT спрашивать-NMN:A-PL

раю-гыт-ны-дь...
 писать-COMPL-FUT-IND

‘Предлагаю дописать в падежи вопросы...’ [Gruzdeva, Bugaeva 2022]

Здесь дезидератив от ‘делать’ — ‘захотеть, собраться сделать’. Над ним надстраивается каузатив, что дает значение ‘побудить сделать, предложить’. Отметим, что каузативизация словоформы с дезидеративом в данном случае приводит лишь к появлению каузируемого участника у ситуации, связанной с намерением / желанием (‘я делаю так, чтобы вы захотели’). Каузатив в данном случае не связан с введением нового участника в исходную ситуацию (≠ ‘я вынуждаю кого-то сделать’). Таким образом, мотивация употребления более высокого каузатива в данном случае — требуемая сфера действия его показателя.

Рассмотрим также лексические значения с различным расположением каузатива, примеры которых обнаруживаются в словарях [Савельева, Таксами 1965; Полетьева 2011] и текстах, вновь приведем парадигму с дезидеративом/инхоативом⁴:

⁴ Вклад дезидеративного значения проще установить по переводу, и оно более частотно. В ряде случаев дезидератив имеет значение начала процесса или состояния (инхоатив).

Таблица 1. Сочетание каузативных и дезидеративных показателей в глагольных формах

	1. CAUS	2. DES	3. CAUS-DES	4. DES-CAUS
ны-дъ 'делать'	ны-гу-дъ 'заставить сделать'	ны-ины-дъ 'затеять, попытаться'	ны-гу-ины-дъ 'представлять, предписывать'	ны-ины-гу-дъ 'предложить, пожелать сделать'
му-дъ 'умирать'	му-гу-дъ 'губить'	му-ины-дъ 'заболеть, заразиться'	му-гу-ины-дъ 'умерщвлять'	му-ины-гу-дъ 'расстроить здоровье'
йим-дъ 'знать'	йим-гу-дъ 'знакомить'	йим-ины-дъ 'заинтересоваться'	йим-гу-ины-дъ 'стремиться научить'	йим-ины-гу-дъ 'заинтересовать'

Приведенные в таблице 1 значения представляются композиционными. Граммемы каузатива и дезидератива/инхоатива в столбцах 1 и 2 дополняют основы соответствующими значениями. Столбец 3 содержит дезидеративные формы от каузатива ('стремиться вынудить'). В столбце 4 содержатся каузативы от дезидератива ('вынудить стремиться').

Представленные наблюдения о различиях в интерпретации каузатива в зависимости от его расположения следуют из предложенной нами структуры. Каузативная вершина может вставляться в нижнюю или верхнюю позицию Voice в зависимости от того, должна ли его сфера действия захватывать какое-либо из аспектуальных значений.

Итак, мы видим, что нивхская каузативизация не допускает рекурсии, но при этом есть две позиции, где может быть употреблен каузативный показатель. В некоторых случаях могут быть заполнены обе позиции, что выражается в дублировании каузатива до и после аспектуального маркера и, как представляется, не сказывается на интерпретации:

(21) Тыйй   н-яқр   поручение — мобилизовай-гыт-қху-дох
этот   один-CL   поручение   мобилизованный-COMPL-PL-DAT

чха   юски-ф   150 немқа-немқа   рубль-гу
деньги   платить-NMN:L   150   тысяча-тысяча   рубль-PL

т'а хыск-ку-ины-гу-дъ.

не   быть.МАЛЫМ-CAUS-DES-CAUS-IND

'Еще одно поручение связано с обеспечением (= контролем гарантирования неуменьшения) региональных выплат мобилизованным гражданам в размере не менее 150 тысяч рублей.' [Нивх диф]

- (22) 150 немқа-немқа рубльгу т'а жыск-ку-ины-гу-ф-тоҳ
 150 тысяча-тысяча рубль-PL не быть.малым-CAUS-DES-CAUS-NMN:L-DAT
- ыдын-ыдын юски-нын...
 как.угодно-как.угодно платить-FUT
- ‘... разовая помощь в размере 150 тысяч рублей должна быть оказана в любом случае...’ [Нивх диф]

Как показывают русские переводы, в случае двойной каузативизации добавляется не более одной пары каузирующего и каузируемого участника. В примерах (21–22) каузатив инхоатива от отрицания дает значение ‘сделать не менее’.

Как мы видим, нивхский «двойной», т.е. расположенный до и после видового показателя, каузатив отличается от тюркского, где при двойном употреблении каузатива (как минимум с неаккузативными глаголами) доступно прочтение с двойной каузацией. Ниже мы постараемся дополнительно обосновать предложенный выше анализ, при котором оба показателя каузатива соответствуют в нивхском введению одного каузирующего события.

В нивхском есть еще один пример подобного плеонастического употребления каузатива. Так, каузативный показатель в сочетании с согласуемым конвербом на -р/т регулярно выступает в качестве адвербиализатора:

- (23) потюр-потюр-ку-р вета-р
 быть.красивым-быть.красивым-CAUS-CONV.3.SG одеваться-CONV.3.SG
- ‘... красиво-красиво одевалась...’ [Shiraishi 2002–2015]
- (24) Сык подрядчик-гу нама-гу-р сык ны-гыр-ть-гу.
 все подрядчики-PL быть.хорошим-CAUS-CONV.3.SG все делать-COMPL-IND-PL
- ‘Все подрядчики сделали все качественно.’ [Нивх Диф]
- (25) Аўн пуйна ул-гу-р к'лы-ух пуй-д.
 тот птица быть.высоким-CAUS-CONV.3.SG небо-ABL летать-IND
- ‘Та птица летает высоко в небе.’ [Санги и др. 2025]

Важно, что в подобной функции могут употребляться не только глаголы, соответствующие адвербиалам образа действия и не имеющие выраженных участников. В [Недялков, Отаина 2012] приведено существенное количество примеров, представленных агентивными глаголами, ср.:

(26) *Ытык му эт' йижи-гу-т*
отец лодку вытащить не.мочь-CAUS-CONV.1.SG

н'и ви-т п'-ытык ро-д'.
я идти-CONV REFL-отец помогать-IND

‘Отец лодку вытащить не мог, я пошел.’ (= ‘Отец лодку вытащить не мог, я пошел и помог ему’) [Недялков, Отаина 2012: 150].

(27) *Имң й-ахңаңың-гу-т маңгу-д'-ра.*
они он-CAUSEE зверь промыслить-CAUS-CONV.3.PL уважать-IND-FOC

‘Они его уважают (за то, что) он хорошо охотится.’

[Недялков, Отаина 2012: 151]

Работа, которую выполняет тут комплекс CAUS-CONV, фактически сводится к тому, что две ситуации объединяются в единое событие (‘быть красивым’ & ‘одеваться’; ‘быть хорошим’ & ‘делать’; ‘быть высоким’ & ‘летать’; ‘тащить’ & ‘придя помогать’; ‘промыслить & уважать’)⁵. Ниже мы предложим анализ, который помогает понять, почему роль связывания двух ситуаций отводится каузативной морфеме. Интересной представляется также стратегия маркирования падежом каузируемого подлежащего зависимой предикации в (27).

5. Нивхский каузатив: уточнение анализа

В [Татевосов и др. 2017: 227–249] рассмотрены примеры множественной каузативизации в (мишарском) татарском. На уровне интерпретации выделяются случаи двойной и «фальшивой» каузации. При двойной каузации количество каузирующих и каузируемых участников соответствует числу каузативных показателей. При фальшивой каузации также есть два каузативных показателя, но каузатор и каузируемый только один. Авторы связывают фальшивый каузатив с введением особого типа проекции, обеспечивающей отношение инкрементальности (параллельного протекания)

⁵ По замечанию рецензента, разносубъектные ситуации плохо совместимы с однособытийностью. Признавая справедливым такое замечание, можно сделать следующую оговорку. Основная масса встречаемых в текстах примеров (если не все) связаны с адвербиалами образа действия от стативных предикатов (*красиво, высоко, ...*), см. (23)–(25). Примеры на разносубъектные ситуации встречаются в основном в [Недялков, Отаина 2012]. Как представляется, для того, чтобы лучше представлять себе временные отношения между событиями, нужен доступ к суждению носителя, что делает невозможным точный анализ однособытийности таких случаев в рамках данной работы. Утверждение об однособытийности непереходных предикатов при этом кажется достаточно надежным.

между подсобытием каузации и основным событием, но не вводящей при этом дополнительного каузатора. Таким образом, в ряде случаев, см. [Lyutikova, Tatevosov 2014, Татевосов и др. 2017, Nie 2022] и др., *v*-каузативизация связана с введением нового события, но не обязательно — с введением новых участников.

В [Sigurðsson Wood, 2021] предлагается считать, что дистантная каузация является результатом взаимодействия двух проекций Voice. Более высокая VoiceP задает каузирующего участника (дистантного каузатора), принимая компонентом более низкую VoiceP, содержащую имплицитного каузируемого. Ключевым для данного анализа является необходимость одной VoiceP надстраиваться над другой, только так может быть получено значение имплицитной (= дистантной) каузации. Данный анализ развит в [Wood, Sigurðsson 2021], где обсуждаются случаи употребления плеонастического каузатива. При наличии каузативной вершины (исландского глагола ‘позволять’) у некоторых неагентивных глаголов появляется возможность проецирования инициатора в верхней Spec, VoiceP.

Основной идеей анализа [Lyutikova, Tatevosov 2014, Татевосов и др.] является наличие в составе каузативной проекции вершины, ответственной за отношение между каузирующим и каузируемым событиями. Благодаря ей обеспечивается трактовка, при которой каузатор, задаваемый еще одной вершиной, надстраиваемой выше, управляет процессом реализации каузируемой ситуации. Согласно предлагаемому анализу, каузатив является малым *v*, которое, присоединяясь к неаккузативному глаголу, образует «обычную» переходную *v*P. Присоединяясь к переходным или неэргативным *v*P, каузатив получает дистантную интерпретацию за счет того, что проекция, ответственная за отношение между подсобытиями, принимает компонентом другую ответственную за подсобытия проекцию (агентивную *v*P) и фактически лишается непосредственного доступа к ситуации, связанной с изменением пациента (VP).

В [Sigurðsson, Wood 2021; Wood, Sigurðsson 2021] и работах, на которые они опираются, ключевым моментом также является двусоставная природа каузатива. Верхняя Voice вводит каузатора, а нижняя ответственна за каузируемого, который, в свою очередь, совпадает с внешним аргументом проекции лексического глагола (‘DOER’ в терминологии обсуждаемых работ). Подобное условие коаргументности фактически обеспечивает связь между каузирующим и каузируемым событием и эквивалентно вершине, ответственной за связь между событиями, из предыдущего анализа.

Как можно заметить, ряд употреблений нивхского каузатива, а именно, двойная каузативизация до и после аспектуального показателя и оформление адвербиала, напоминают фальшивый тюркский каузатив [Татевосов и др. 2017] или плеонастический каузатив в исландском [Wood, Sigurðsson 2021]. Далее мы покажем, что нивхский каузатив хорошо согласуется с идеей двусоставности данной функциональной вершины, при которой нижняя проекция отвечает за соотнесение каузирующего и лексического событий.

Наш анализ состоит в следующем. Каузатив в нивхском языке включает две подпроекции и надстраивается над (агентивной или неаккузативной) *vP*. Нижняя каузативная вершина, Voice, вводит каузируемого и задает процесс контроля над реализацией каузируемого события. Данный каузируемый должен совпадать с агенсом *vP* или пациенсом неаккузативного глагола. Вторая часть каузативной вершины, *voice*, располагается выше и отвечает за фазу инициации каузирующего события и вставление каузатора (в *Spec, voiceP*).

Важным отличием нивхского каузатива от каузатива тюркских языков является «расщепленность» каузативной морфемы, в результате которой между нивхскими каузативными показателями могут располагаться аспектуальные вершины. Причина такой расщепленности — характер нивхского каузатива, который, согласно нашему предположению, не является малым *v*, который обычно считается «монолитным»: в простой предикации не может быть двух *v*.

Наличие именно Voice (а не *v*) в нивхском языке следует из целого ряда фактов. Во-первых, это указанная выше способность каузатива доминировать над аспектуальными проекциями, позициями, традиционно рассматриваемыми как внешние по отношению к *vP*.

Во-вторых, о нетождественности каузатива малому *v* говорит невозможность употребления каузативных вершин в функции вербализатора, т.е. показателя, изменяющего тип проекции. В функциях и каузатива, и вербализатора может выступать, например, глагол *каенын* ‘делать’ в осетинском языке. Данный глагол может функционировать и как малое *v*, образуя не-/переходные глаголы от адъективных стативов (*грустный* — *грустить* / *расстроить*), и в качестве (контактного) каузативного показателя, см. [Lyutikova, Tatevosov 2013; Гращенков 2017: 171–246].

В-третьих, как указано в [Недялков и др. 1969: 188–189], каузативизация в нивхском «не работает» с некоторыми неаккузативами. Таковы «качественные глаголы» (*к’е-δ*, ‘быть худым’) и стихийные предикаты (*теб-δ*, ‘дуть

(о ветре)'). Если бы нивхский каузатив обладал статусом *v*, он не имел бы подобных ограничений, ср. похожий аргумент в пользу Voice в исландском в [Sigurðsson, Wood 2021], где обсуждается несочетаемость каузатива с неаккузативными глаголами. Каузативизация подобных предикатов допустима, например, посредством *канын* 'делать' в осетинском языке (см. там же).

В-четвертых, в нивхском имеется лексический каузатив, см. (5–6.b), который, употребляясь с неаккузативным глаголом, дает контактное прочтение, что контрастирует с последовательно дистантным прочтением при морфологической каузативизации.

Наконец, как обсуждалось выше, нивхский морфологический каузатив не допускает рекурсивного употребления, что предполагалось бы возможным в случае, если бы данный показатель представлял собой *v*.

Обсудим причину отсутствия контактной интерпретации. Каузативизация неаккузативных глаголов в тюркских языках связана, как это предлагалось в [Lyutikova, Tatevosov 2014, Татевосов и др.], с введением малой *v* над лексической VP. Доступность контактного прочтения в данном случае следует именно из того, что тюркский каузатив локализуется в *vP* и структура с каузативизированным неаккузативом представляет собой единое событие. Это условие не может быть выполнено для тюркских агентивных глаголов, при каузативизации которых каузативная *vP* надстраивается над лексической глагольной проекцией, что приводит к двусобытийному прочтению. Агентивный участник во встроенной *vP* является инициатором и исполнителем в ситуации, задаваемой лексическим глаголом. В терминах [Wood, Sigurðsson 2021] такой участник, ответственный за реализацию лексического события, определяется как DOER. Этот же участник является каузируемым в ситуации, задаваемой (выше) каузативной *vP*. Множественность ролей данного участника и их распределение по разным событиям в ситуации каузации и ситуации, стоящей за лексическим глаголом, приводит к дистантному прочтению.

В нивхском причины дистантного прочтения аналогичны с той лишь разницей, что вместо *vP* здесь используется VoiceP. Именно это обстоятельство приводит к тому, что и неаккузативные глаголы при морфологической каузативизации дают дистантное прочтение. Нивхский в данном случае образует структуру, где компонентом Voice выступает (неаккузативная) *vP*. В случае, если каузатив лексический, см. (5–6.b), контактное прочтение допустимо.

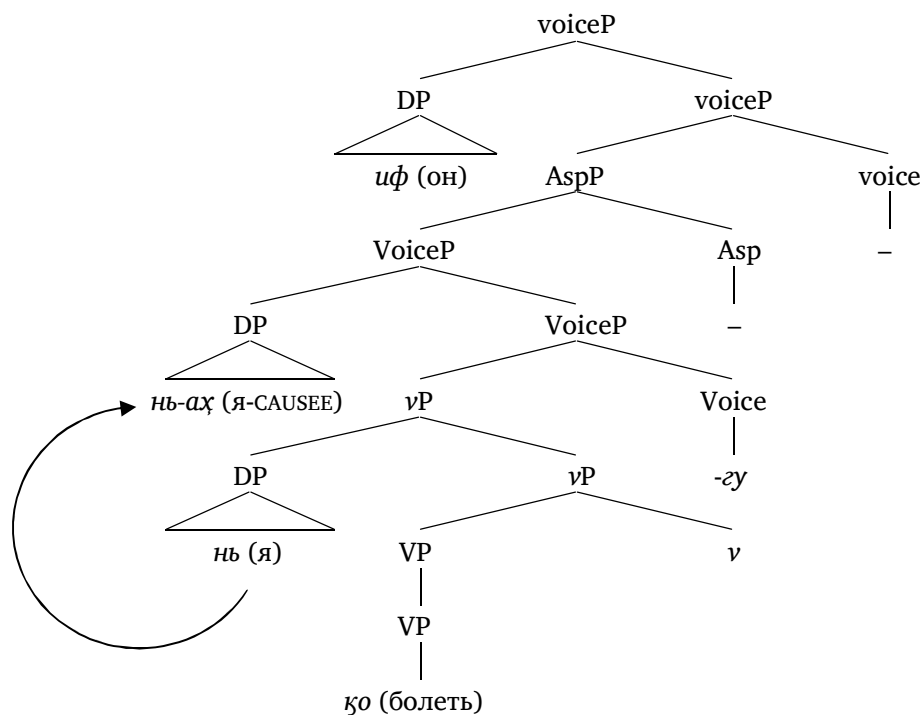

Наконец, нам осталось объяснить природу адвербиального употребления нивхских каузативов. Ее можно было бы считать некоторым «нелинейным» диахроническим развитием каузативного показателя либо источника его грамматикализации. Мы, однако, не наблюдаем никаких других подобных проявлений такой нелинейности и, как представляется, в рамках предложенного нами анализа она может получить совершенно композиционную трактовку. Мы предлагаем анализ, во многом повторяющий таковой для фальшивого каузатива в тюркских из [Татевосов и др. 2017] или плеонастического каузатива в исландском из [Wood, Sigurðsson 2021].

Как мы условились считать выше, VoiceP берет комплементом (агентивную или неаккузативную) *vP*. Voice (как VP) проецирует спецификатор, где вводится участник ситуации каузации, а *voiceP* (подобно *vP*) задает внешнего участника, каузатора⁶.

В случае агентивных глаголов в *Spes*, VoiceP поднимается внешний участник лексической *vP*, где он получает падеж каузируемого:

(28)

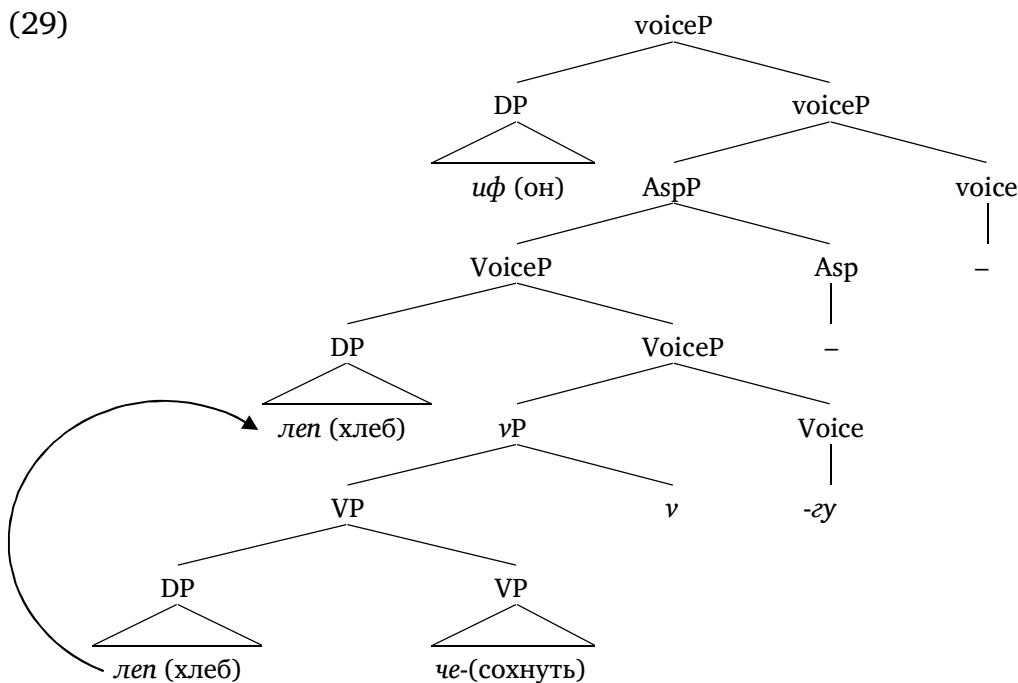
Иф нь-ах ко-гу(-т)
'Он меня заразил.'

⁶ Как заметил рецензент, если перед нами всегда два каузативных показателя, нужны специальные механизмы для различия сфер действия относительно аспекта. Осознавая тот факт, что для доказательства подобного подхода требуется отдельная серьезная аргументация, мы предлагаем считать, что сфера действия может определяться только фонологически представленной вершиной.

В случае неаккузативов в Spес, VoiceP поднимается внутренний участник, см. (29) ниже.

Что касается семантической роли каузируемого, она может быть представлена как некоторая дефолтная роль участника ситуации. Действительно, каузируемый не специфицирован как активный либо пассивный участник, скорее — как соучастник некоторого действия, контролируемого каузатором в Spес, voiceP. Главное требование к позиции Spес, VoiceP, задающей, по сути, отношение между двумя ситуациями, — чтобы она была заполнена.

(29)

Иф леп че-гу(-дъ)

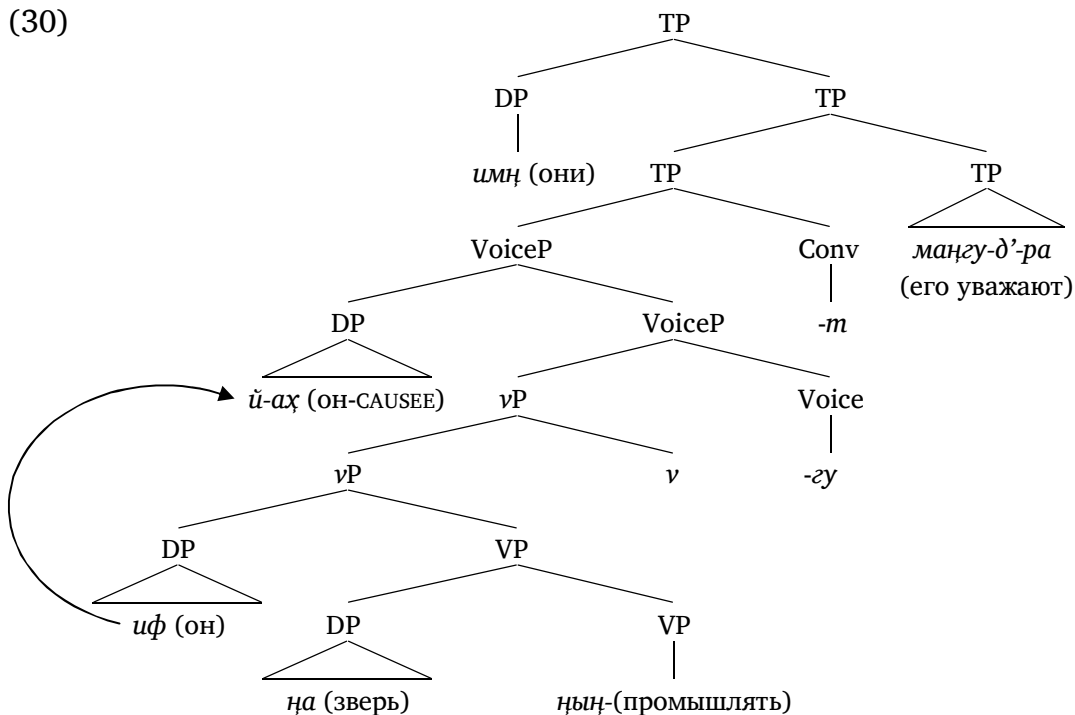
‘Он позволил хлебу засохнуть.’

Что касается семантической роли каузируемого, она может быть представлена как некоторая дефолтная роль участника ситуации. Действительно, каузируемый не специфицирован как активный либо пассивный участник, скорее — как соучастник некоторого действия, контролируемого каузатором в Spес, voiceP. Главное требование к позиции Spес, VoiceP, задающей, по сути, отношение между двумя ситуациями, — чтобы она была заполнена.

Перейдем теперь к анализу адвербиального употребления каузативов. В тех случаях, когда такое употребление связано с агентивным глаголом, мы фактически имеем две ситуации: матричного глагола и глагола,

оформленного показателями каузатива и конверба. Конверб отвечает за синтаксическую селекцию (матричным предикатом зависимого), а нижняя проекция каузатива Voice оказывается ответственной за инкрементальность двух событий, обоснованную для тюркских языков в [Lyutikova, Tatevosov 2014, Татевосов и др. 2017] и др. Верхняя проекция voice при этом отсутствует, что приводит к некаузативному употреблению каузатива. Как мы видели в примере (27), на наиболее верхнем участнике зависимой ситуации может быть падежный показатель каузируемого:

(30)

Имң й-ах на ның-гу-т маңгу-д'ра

‘Он хорошо зверя промышляет, они его уважают.’

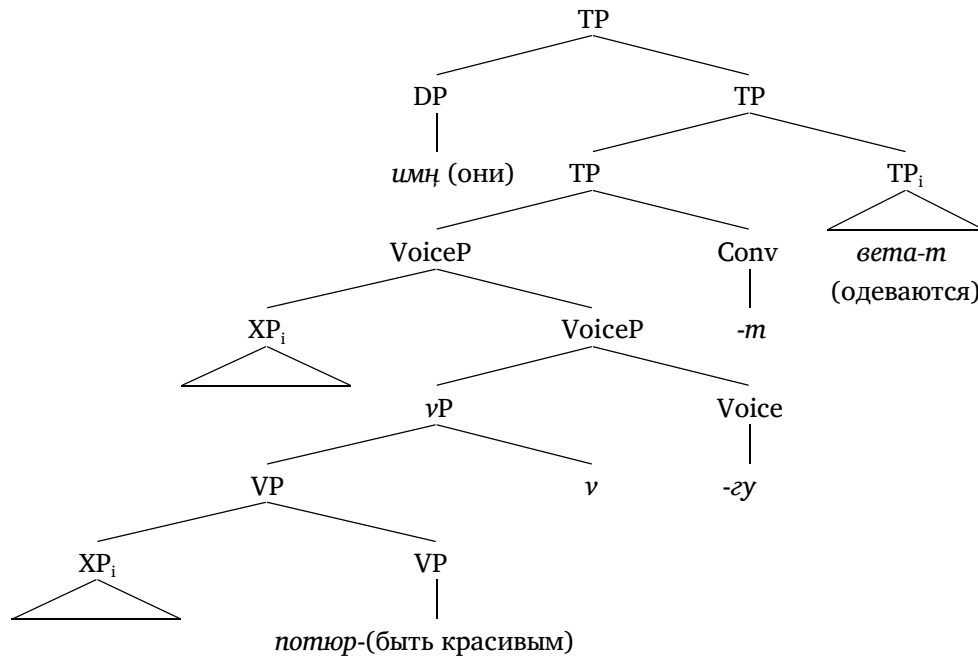
В случаях, когда глагол неаккузативный, мы имеем собственно адвербиал, как правило, — образа действия, см. (31) ниже.

В подобных случаях позиция спецификатора заполняется не аргументом, а переменной, кореферентной событию главной клаузы. Как следствие — зависимый предикат становится функцией над этим событием, модифицируя специфику его протекания.

Семантическая недоспецифицированность аргумента VoiceP позволяет реализовываться в данной позиции различным типам аргументов: агентивному или пациентивному участнику или событию. Установленное в предыдущих исследованиях для других языков свойство нижней кауза-

тивной проекции задавать (инкрементальное) отношение между каузацией и основным событием приводит к возможности адвербиального употребления каузатива.

(31)

Имң потюр-ку-т вета-т
'Они красиво одеваются.'

6. Заключение

Каузативизация — доступная во многих языках мира трансформация лексического значения. Она может ассоциироваться с разными уровнями синтаксической деривации и происходить внутри *vP* или за ее пределами. Мы начали обсуждение нивхского каузатива с важных фактов, установленных предыдущими исследователями этого языка, прежде всего это дистантность и нерекурсивность. Дополняя фактологическую сторону исследований по нивхскому каузативу, мы установили, что невзирая на невозможность употребления двух каузативных показателей подряд, нивхский допускает употребление каузативов до или после аспектуальных показателей (а иногда встречаются и две каузативные морфемы, расположенные выше и ниже аспектуальных).

Для объяснения этих фактов мы предположили, что нивхский каузатив представляет собой расщепленную VoiceP. Подход к каузативу как двусоставному показателю был развит другими исследователями для объяснения фактов тюркских, исландского и некоторых других языков. Мы пока-

зали также, что свойства нивхского каузатива отличаются от каузативов тюркских языков, где данная морфема ассоциируется с уровнем vP. В отличие от других языков, в нивхском мы можем наблюдать каждую из каузативных вершин в своей (отдельной) позиции.

Наконец, мы предложили анализ для адвербиального употребления каузативного показателя, в котором каузация как таковая отсутствует. В данном случае наш анализ опирался на предложенную в работах по тюркской каузативизации идею о наличии каузативной (под)проекции, обеспечивающей инкрементальность двух событий. Подобный результат кажется интересным по двум причинам: во-первых, нивхский каузатив «материально» подтверждает инкрементальный анализ. Во-вторых, предлагаемый нами подход позволяет объяснить «плеонастическое» («фальшивое» и т.д.) употребление каузатива, которое лишь констатировалось предыдущими работами по нивхскому языку.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ASP — вид; ATR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; CAUSEE — каузируемый; COMPL — комплетив; COND — условное наклонение; CONV — конверб; DAT — датив; DES — деизидератив; EMPH — эмпфаза; EXCL — эксклюзивность; FOC — фокус; FUT — будущее время; IMP — императив; IND — индикатив; INST — инструменталис; NEG — отрицание; NMN:A — актантная номинализация; NMN:L — локативная номинализация; PL — множественное число; PRED — предикативность; PROG — прогрессив; PRON:ANY — местоимение свободного выбора; PST — прошедшее время; REFL — рефлексивное местоимение; SG — единственное число; TR — переходность (= лексический каузатив); USIT — узитатив.

Список источников / References

- Гращенко 2017 — Гращенко П.В. Композициональность в лексической и синтаксической деривации разноструктурных языков. Дисс. на соискание уч. ст. доктора филологических наук. 28.06.2017. Москва, МГУ. 672 с. [Grashchenkov P.V. Kompozitsional'nost' v leksicheskoy i sintaksicheskoy derivatsii raznostrukturnykh yazykov [Compositionality in lexical and syntactic derivation of differently structured languages]. PhD Habil. Diss. 28.06.2017. Moscow, MSU. 672 p.]
- Гудан 2020 — Гудан Е.П. Горе-охотник // Вейсалова Н.Г., Рябчикова З.С., Чернышова С.Л., Бельды Е.Н., Рудинская В.Н. (ред.-сост.). Голос Севера: сборник произведений участников Второго литературного конкурса «Голос Севера». СПб.: Президентская библиотека, 2020. С. 235–252. [Gudan E.P. Gore-okhotnik [The unfortunate hunter]. Veysalova N.G., Ryabchikova Z.S., Chernyshova S.L., Beldy E.N., Rudinskaya V.N. (comps., eds.). Golos Severa: sbornik proizvedeniy uchastnikov Vtorogo literaturnogo konkursa «Golos Severa» [Voice of the North: anthology of works by participants of the Second literary competition "Voice of the North"]. St. Petersburg.: Prezidentskaya biblioteka, 2020. Pp. 235–252.]

- Недялков и др. 1969 — Недялков В.П., Отаина Г.А., Холодович А.А. Морфологический и лексический каузативы в нивхском языке // Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, Ленингр. отделение, 1969. С. 179–199. [Nedjalkov V.P., Otaina G.A., Kholodovich A.A. Morfologicheskij i leksicheskij kauzativy v nivkhskom yazyke [Morphological and lexical causatives in Nivkh]. Kholodovich A.A. (ed.). Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy. Morfologicheskij kauzativ [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad: Nauka, Leningrad department, 1969. Pp. 179–199.]
- Недялков, Отаина 2012 — Недялков В.П., Отаина Г.А. Очерки по синтаксису нивхского языка. М: Знак, 2012. [Nedjalkov V.P., Otaina G.A. Ocherki po sintaksisu nivkhsogo yazyka [A Syntax of the Nivkh Language]. Moscow: Znak, 2012.]
- Нивх диф — Нивх диф (Нивхское слово) (электронный ресурс). [Nivkh dif (Nivkhs koye slovo) [Nivkh Dif (Nivkh word)]. Available at: <https://morningislands.ru>]
- Панфилов 1965 — Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка 2. М.; Л.: Наука, 1965. [Panfilov V.Z. Grammatika nivkhsogo yazyka 2 [The Grammar of Nivkh 2]. М.; Л.: Nauka, 1962.]
- Полетьева 2011 — Полетьева С.Ф. Нивхско-русский словарь к школьным учебникам. Сахалин: Сахалинская областная типография, 2011. [Poletyeva S.F. Nivkhsko-russkiy slovar k shkolnym uchebnikam [Nivkh-Russian dictionary for school textbooks]. Sakhalin: Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya, 2011.]
- Савельева, Таксами 1965 — Савельева В.Н., Таксами Ч.М. Русско-нивхский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965. [Savelyeva V.N., Taksami Ch.M. Russko-nivkhskiy slovar [Russian-Nivkh dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1965.]
- Санги и др. 2025 — Нивхский язык. Учебник для третьего класса. Сахалинский диалект, Санги Н.В., Санги В.М., Красильникова И.В. 2025. Готовится к печати. [Nivhskiy yazyk. Uchebnik dlya tret'ego klassa. Sahalinskij dialekt [The Nivkh language. The textbook for the third class], Sangi N.V., Sangi V.M., Krasil'nikova I.V. 2025, in press.]
- Татевосов и др. (ред.) 2017 — Татевосов С.Г., Пазельская А.Г., Сулейманов Д.Ш. (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2017. [Tatevosov S.G., Pazel'skaia A.G., Suleimanov D.Sh. (eds.). Elementy tatarskogo iazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialect [Elements of Tatar from typological perspective. The Mishar dialect]. Moscow: Buki Vedi, 2017.]
- Холодович (ред.) 1969 — Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. [Xolodovich A.A. (ed.). Tipologiya kauzativnykh konstruktsiy. Morfologicheskij kauzativ [Typology of causative constructions. Morphological causative]. Leningrad: Nauka, 1969.]
- Шкалыгина 2021 — Шкалыгина Е.Н. Из воспоминаний от автора // Завьялова Ю.А., Дериведмидь Т.П., Семитко М.В. (ред.). Сила традиций. Красноярск: Б. и., 2021. С. 20–23, 38–39. [Shkalygina E.N. Iz vospominaniy ot avtora [From memoirs from the author]. Zav'yalova Yu.A., Derivedmid' T.P., Semitko M.V. (ed.). Sila traditsij [The power of tradition]. Krasnoyarsk: B. i., 2021. Pp. 20–23, 38–39.]
- Gruzdeva 1998 — Gruzdeva E. Nivkh (Gilyak): Languages of the world/Materials 111. Munich: Lincom Europa, 1998.
- Gruzdeva, Bugaeva 2022 — Gruzdeva E., Bugaeva A. A unique linguistic text in Nivkh by A. A. Yushkina. Journal of Ainu and indigenous studies. 2022. № 2. Pp. 161–223.
- Harley 2017 — Harley H. The “bundling” hypothesis and the disparate functions of little v. D'Alessandro R., Franco I., Gallego A.J. (eds.). The verbal domain. Oxford: Oxford University Press, 2017. 1. Pp. 3–28.

- Lyutikova, Tatevosov 2013 — Lyutikova E., Tatevosov S. Complex predicates, eventivity, and causative-inchoative alternation. *Lingua*. 2013. 135. Pp. 81–111.
- Lyutikova, Tatevosov 2014 — Lyutikova E., Tatevosov S. Causativization and event structure. Copley B., Martin F. (eds.). *Causation in grammatical structures*. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 279–327.
- Nie 2020 — Nie Y. Morphological causatives are Voice over Voice. *Word structure*. Vol. 13, No. 1. Edinburgh University Press. Pp. 102–126.
- Nie 2022 — Nie Y. Turkish causatives are recursive: A response to Key 2013. *Linguistic Inquiry*. 2022. 56(2). Pp. 401–414.
- Shiraishi 2002–2015 — Shiraishi H. Sound materials of the Nivkh language, 2002–2015. URL: <http://ext-web.edu.sgu.ac.jp/hidetos/HTML/SMNStitle.html>
- Sigurðsson, Wood 2021 — Sigurðsson E.F., Wood J. On the implicit argument of Icelandic indirect causatives unavailable. *Linguistic Inquiry* (2021) 52 (3). Pp. 579–626.
- Wood, Sigurðsson 2021 — Wood J., Sigurðsson E.F. On the interaction of reflexives and periphrastic causatives in Icelandic. *U. Penn Working Papers in Linguistics*, Volume 27.1, 2021. Pp. 257–266.
- Tomioka 2006 — Tomioka N. The morphology of transitivity. *Toronto Working Papers in Linguistics* 26, 2006. Pp. 115–122.

Статья поступила в редакцию 23.11.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was received on 23.11.2025; approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Павел Валерьевич Гращенко

доктор филологических наук; МГУ имени М. В. Ломоносова

Pavel Grashchenkov

Dr. Phil. Hab.; Lomonosov Moscow State University

pavelvalgra@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.39.63.003

ЦИКЛИЧНОСТЬ ДИСТАНТНОГО СОГЛАСОВАНИЯ В МУИРИНСКОМ ДАРГИНСКОМ^{*}

И.В. Калякин

*Институт языкознания РАН / Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина*

Аннотация: В данной статье рассматриваются свойства дистантного согласования в муиринском языке даргинской группы (<нахско-дагестанские), представляющие значительный теоретический и типологический интерес. Демонстрируется, что дистантное согласование возможно при всех существующих в языке стратегиях клаузуальной комплементации и что оно коррелирует с информационно-структурными свойствами цели согласования, варьируя с дефолтным согласованием. В статье обсуждаются существующие подходы к дистантному согласованию и делается вывод, что лишь подход, опирающийся на механизм циклического согласования, способен адекватным образом объяснить свойства рассматриваемой конструкции.

Ключевые слова: согласование, локальность, дистантное согласование, цикличность, даргинские языки, нахско-дагестанские языки

Для цитирования: Калякин И.В. Цикличность дистантного согласования в муиринском даргинском // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 1. С. 56–74. doi:10.37632/PI.2025.39.63.003

---

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-18-00222, реализуемый в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина. Автор выражает сердечную благодарность носителям муиринского языка: Абдулле Абдуллаеву, Маликат Абдуллаевой, Асият Абдуллаевой. Автор также признателен Е.А. Лютиковой, Д.С. Ганенкову, Л.И. Паско, Д.Е. Касенову и Н.Р. Сумбатовой за множество ценных замечаний и комментариев. Все ошибки, как и всегда, принадлежат автору.

CYCLICITY OF LONG-DISTANCE AGREEMENT IN MUIRA DARGWA^{*}

Ivan Kalyakin

Institute of Linguistics RAS / Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: This paper discusses the properties of long-distance agreement in Muira Dargwa (<Nakh-Daghestanian). I demonstrate that long-distance agreement is possible across all types of complement clauses and that it correlates with information-structural properties of the goal, varying with default agreement. I also discuss the existing approaches to the phenomenon of long-distance agreement and claim that only a Cyclic Agreement approach is able to adequately explain the properties of the construction.

Keywords: agreement, locality, long-distance agreement, cyclicity, Dargwa, Nakh-Daghestanian

For citation: Kalyakin I. Cyclicity of Long-Distance Agreement in Muira Dargwa. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 1. Pp. 56–74. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2025.39.63.003

1. Введение

В рамках современного минималистского синтаксиса согласование, как и многие другие дистантные синтаксические зависимости, моделируется с помощью операции **обобщённого согласования** — AGREE [Chomsky 2000, 2001].

(1) AGREE (основано на [Zeijlstra 2012: 493])

Зонд $\alpha_{[*F*]}$ инициирует операцию AGREE и копирует значения признаков цели $\beta_{[F]}$ тогда и только тогда, когда выполняются условия (a)–(c):

- a. α имеет не означенные признаки, которые могут быть означены благодаря β
- b. α обладает по отношению к β структурным приоритетом
- c. β является ближайшей доступной целью для α

---

^{*} This research has been supported by the Russian Science Foundation, project 25-18-00222 realized at Pushkin State Russian Language Institute. I am deeply grateful to my Muira Dargwa consultants Abdullah Abdullaev, Malikat Abdullaeva and Asiyat Abdullaeva. I am also thankful to Ekaterina Lyutikova, Dmitry Ganenkov, Lada Pasko, Daniar Kasenov and Nina Sumbatova for their very useful comments and suggestions. As usual, all errors are my own.

Как явствует из определения, приведённого в (1), для установления согласовательной зависимости **цель** (goal) должна быть доступной для **зонда** (probe). В общем случае это предполагает необходимость нахождения обоих элементов в пределах одной **локальной области**, обычно ассоциируемой с **фазой** (phase). Соответственно, если в (2) α демаркирует границу фазы, то согласование между H^0 и XP невозможно.

$$(2) \quad [\dots H^0_{[*F*]} \dots [_{\alpha} \dots XP_{[F]} \dots]]$$

В тех случаях, когда зонду не удалось обнаружить в своей локальной области подходящей цели, согласование, как предполагается, проваливается [Preminger 2014]. Это значит, что неозначенные признаки зонда получают дефолтное значение, не вызывая при этом краха деривации, *contra* [Chomsky 2000, 2001].

В языках мира, однако, встречаются конструкции, которые на первый взгляд могут ставить под сомнение понимание согласования как операции, ограниченной рамками некоторой локальной области. В примере (3) из языка хинди глагол матричной клаузы согласуется с аргументом вложенной инфинитивной клаузы, несмотря на то, что цель согласования, как кажется, не является доступной, так как находится за пределами локальной области. Подобное явление, когда матричный предикат устанавливает согласовательную зависимость с аргументом вложенной предикации, получило в литературе название **дистантного согласования** (ДС, Long-Distance Agreement).

$$(3) \quad \begin{array}{llll} \text{raam-ne} & [\text{ro}t\ddot{i}i] & \text{khaa-nii} & \text{caah-i} \\ \text{PN-ERG} & \text{хлеб.F} & \text{есть-INF.F.SG} & \text{хотеть-PFV.F.SG} \end{array}$$

‘Рам хотел съесть хлеб.’ [Mahajan 1990: 237]

ДС засвидетельствовано в целом множестве разнообразных языков, см. обзорную работу [Bhatt, Keine 2019]. Более того, данное явление часто встречается в языках нахско-дагестанской семьи, в которых оно привлекло внимание многих крупных исследователей и во многом с рассмотрения которых ДС начало обсуждаться самым широким кругом лингвистов [Haspelmath 1999; Polinsky, Potsdam 2001; Polinsky 2003; Legate 2005; Koopman 2006; Bošković 2007; Chandra 2007; Сердобольская 2010; Börjesson, Müller 2019; Mursell 2021; Chumakina, Lyutikova 2023; Лютикова 2024]. Важно, однако, что ДС изучалось преимущественно в языках аваро-андо-цезской группы, в то время как даргинские языки зачастую не получали

должного внимания; единственным исключением на данный момент является работа [Сердобольская 2010], в которой обсуждаются данные ху-дучкого и кункинского идиомов. Данная статья призвана заполнить имеющуюся лакуну, обозначив основные свойства конструкций с ДС в прежде не рассматривавшемся языке даргинской группы — муиринском. Помимо этого, в статье предлагается анализ, представляющий собой модификацию подхода Дж. Легейт [Legate 2005], основная идея которого состоит в том, что ДС является результатом нескольких последовательных этапов локального согласования. Предложенный анализ, во-первых, адекватно соотносится с фактами муиринского языка, и во-вторых, позволяет свести ДС к привычному локальному согласованию, оперирующему в рамках ограниченных фрагментов синтаксической структуры. Языковой материал, представленный в работе, был собран с помощью метода эли-цитации в ходе полевой работы в селении Калкни (Дахадаевский район, Республика Дагестан, Россия) в мае 2025 года.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 приводится общая ин-формация о муиринском языке, а также базовые сведения о клаузуальной комплементации. Раздел 3 содержит описание свойств конструкций с ДС. В разделе 4 формулируется анализ, опирающийся на механизм цикличе-ского согласования и способный адекватным образом объяснить свойства ДС в муиринском языке. Наконец, в разделе 5 обсуждаются полученные результаты и намечаются возможные направления будущих исследований.

2. Основные сведения о муиринском языке

Муиринский язык — это язык более чем 20 сёл Дахадаевского и Кайтаг-ского районов Дагестана, принадлежащий нахско-дагестанской языковой семье, северно-центральной даргинской группе [Коряков 2021] и по со-стоянию на 2010 год насчитывающий примерно 38 000 носителей в пре-делах традиционной территории. Как и прочие языки семьи, муиринский является агглютинативным языком, который характеризуется эргативным морфосинтаксисом, богатой именной и глагольной морфологией, а также крайне свободным порядком слов (немаркированным, однако, является порядок SOV).

Даргинские языки выделяются на фоне большинства прочих нахско-дагестанских языков тем, что в них наличествует как классно-числовое, так и лично-числовое согласование. Более того, принципы работы этих

механизмов существенно разнятся как между собой, так и между различными даргинскими идиомами. В рамках данной статьи мы ограничимся обсуждением лишь первого явления, см., однако, обзорную работу [Sumbatova 2021].

Мишенями классно-числового согласования обычно являются лексические и вспомогательные глаголы. Морфологически согласование выражается в качестве классно-числового префикса на мишени (у некоторых глаголов классно-числовой префикс может отсутствовать по фонотактическим и диахроническим причинам). Система классов в муиринском языке представлена в таблице 1.

Таблица 1. Система классов в муиринском языке

	SG	1/2PL	3PL
M	w	d	b
F	r		
N	b	d	

В случае лексических глаголов целью классно-числового согласования могут выступать исключительно абсолютные ИГ. Соответственно, согласование контролирует либо единственный аргумент непереходного глагола (4), либо прямое дополнение при переходном глаголе (5).

- (4) *musa w-ebč'-ib*
 PN(M).ABS M-умирать.PFV-AOR
 'Муса умер.'

- (5) *rasul-li pat'imat *w-/r-uc-ib*
 PN(M)-ERG PN(F).ABS M-/F-ловить.PFV-AOR
 'Расул поймал Патимат.'

Вспомогательные глаголы, в свою очередь, допускают согласование не только с абсолютивной ИГ, но и с субъектом эргативной (6) или аффективной (7) конструкции. В первом случае такая ИГ оформляется эргативом, а во втором — дативом.

- (6) *rasul-li pat'imat r-urc-u-li saj / sa<r>i*
 PN(M)-ERG PN(F).ABS F-ловить.IPFV-PROG-CVB COP.M <F> COP
 'Расул ловит Патимат.'

- (7) *rasul-li-s pat'imat r-ik'-u-li saj / sa < r > i*
 PN(M)-OBL-DAT PN(F).ABS F-ХОТЕТЬ.IPFV-PROG-CVB COP.M < F > COP
 'Расул любит Патимат.'

Как и в других даргинских языках, в муиринском клаузные аргументы представляют собой либо финитные, либо нефинитные клаузы. Именной аргумент матричного предиката может быть оформлен абсолютивом, эргативом или дативом. Нередко матричные предикаты используют несколько стратегий оформления клаузного зависимого.

Финитные зависимые клаузы употребляются при глаголах речи и глаголах восприятия, оформляясь специальным цитативным показателем, в роли которого выступают глаголы *at'*- 'сказать' в форме перфективного конверба и *AGR-ik'*- 'говорить' в форме прогрессивного конверба. Пример зависимой клаузы с показателем *AGR-ik'*- 'говорить' представлен в (8). Помимо этого, финитные клаузы могут вводиться с помощью показателя косвенного вопроса = *al*.

- (8) *zaj nab [hani žič-ni bic'-li d-uk'-a r-ik'-u-li]*
 PN.ABS каждый коза.ABS-PL волк-ERG NPL-есть.IPFV-TH F-говорить.IPFV-PROG-CVB

uruχ r-ik'-u-li sa < r > i
 страх F-говорить.IPFV-PROG-CVB < F > COP
 'Зайнаб боится, что волк скушает всех коз.'

Чаще, однако, используются разнообразные нефинитные зависимые клаузы: инфинитив (9), конверб (10) и масдар (11). Причастная стратегия оформления глагола зависимой клаузы, встречающаяся во многих даргинских языках, в муиринском не засвидетельствована.

- (9) *zaj nab-li-s [ni? as:-ara] ža'žni-li sa < r > i*
 PN-OBL-DAT молоко.ABS брат. PFV-INF нужный-ADV < F > COP
 'Зайнаб нужно купить молока.'

- (10) *ž a'li-s [pat'imat-li šwal čutu d-arq'-ib-li]*
 PN-DAT PN-ERG пять чуду.ABS NPL-делать. PFV-AOR-CVB

b-ik'-u-li saj
 N-хотеть.IPFV-PROG-CVB COP.M
 'Али хочет, чтобы Патимат приготовила пять чуду.'

- (11) *murad-li* [*ʔaʔli-li patʔimat r-iq-ni-li-čilla*] *arʔ-ib*
 PN-ERG PN-ERG PN.ABS F-ранить.PFV-MSD-OBL-CONT понимать.PFV-AOR
 ‘Мурад слышал, что Али поранил Патимат.’

В дальнейшем мы ограничимся обсуждением лишь инфинитивных и деепричастных зависимых клаузов. Имеющиеся данные, однако, свидетельствуют о том, что масдарные и финитные зависимые клаузы обладают в целом аналогичными свойствами. Соответственно, анализ, который будет предложен в разделе 4, без особых затруднений может быть распространён также и на эти два типа зависимых клаузов.

3. Свойства дистантного согласования в муиринском языке

В муиринском языке вне зависимости от способа оформления предложения аргумента матричный предикат обычно допускает ДС с абсолютным аргументом вложенной предикации. Тем не менее ДС не является единственной возможной опцией, зачастую оно варьирует с согласованием по неличному классу (показатель *b-*), которое можно рассматривать либо как дефолтное согласование, возникающее в отсутствие подходящей цели, либо как результат локального согласования со всей вложенной клаузой, ср. (10) и (12).

- (12) *ʔaʔli-s* [*patʔimat-li šwal čutu d-arqʔ-ib-li*]
 PN-DAT PN-ERG пять чуду.ABS NPL-делать.PFV-AOR-CVB

d-ikʔ-u-li *saj*
 NPL-хотеть.IPFV-PROG-CVB COP.M
 ‘Али хочет, чтобы Патимат приготовила пять чуду.’

Важно заметить, что стратегии дефолтного/локального и дистантного согласования распределены довольно неравномерно. Явное предпочтение отдаётся первой стратегии: например, при переводе стимульных предложений с русского языка на муиринский в большинстве случаев первым предлагался именно вариант с дефолтным/локальным согласованием. ДС, в свою очередь, является маркированной стратегией, которая, как отмечалось носителями, предполагает некоторую выделенность ИГ-цели, см. об этом ниже. Аналогичный эффект зафиксирован и в других даргинских языках: санжинском [Forker 2019: 476], а также хуцуком и кункинском [Сердобольская 2010].

В предыдущем разделе было показано, что именной аргумент матричного предиката может оформляться абсолютивом, эргативом или дативом. В случае, если он оформляется абсолютивом, матричный предикат допускает согласование лишь с этой ИГ, ср. (8) и (13). Иными словами, необходимым условием для ДС является отсутствие у матричного предиката аргументной ИГ в абсолютиве.

- (13) *zaj nab [*hani žič-ni bic'-li d-uk-a r-ik'-u-li*]
 PN.ABS каждый коза.ABS-PL волк-ERG NPL-есть.IPFV-TH F-говорить.IPFV-PROG-CVB
- uruχ d-ik'-u-li sa <r> i*
 страх NPL-говорить.IPFV-PROG-CVB <F> COP
- Ожид.: ‘Зайнаб боится, что волк скушает всех коз.’

Конструкции с ДС биклаузальны. Пример (14) демонстрирует допустимость наличия отрицательного префикса как на матричном, так и на вложенном предикате. Крайне важно, что оба отрицания являются семантически интерпретируемыми и каждое из них имеет сферу действия, соответствующую их структурной позиции. В [Haspelmath 2016] утверждается, что такая ситуация довольно убедительно говорит в пользу биклаузального статуса рассматриваемой конструкции.

- (14) *pat'imat-li murad-li-čī [urq'lah-i hark ħa-d-arq'-iq-ara]*
 PN-ERG PN-OBL-INTER окно-PL открытый NEG-NPL-делать.PFV-CAUS-INF
- tilēdi ħa-d-arq'-ib*
 просьба NEG-NPL-делать.PFV-AOR
- ‘Патимат не попросила Мурада не открывать окна.’

О том, что мы имеем дело с биклаузальными конструкциями, может свидетельствовать и допустимость употребления двух наречий одного семантического типа. Так, в примере (15) наличествует два темпоральных наречия: *išhali* ‘сегодня’ модифицирует событие матричной предикации, в то время как *č'a'ʔa'l* ‘завтра’ — событие вложенной предикации.

- (15) *išhali ʔa'li-s [pat'imat-li č'a'ʔa'l šwal čutu d-arq'-ib-li]*
 сегодня PN-DAT PN-ERG завтра пять чуду.ABS NPL-делать.PFV-AOR-CVB
- d-ik'-u-li saj*
 NPL-хотеть.IPFV-PROG-CVB COP.M
- ‘Сегодня Али хочет, чтобы завтра Патимат приготовила пять чуду.’

Факты, связанные с возможными сферами действия операторов относительно друг друга, также могут указывать на биклаузальный статус конструкций с ДС. Так, пример (16) допускает лишь интерпретацию, при которой кванторная группа *ca darħa* ‘один мальчик’ имеет сферу действия над кванторной группой *hani čutu* ‘все чуду’. Принимая традиционный взгляд на операцию подъёма квантора, в соответствии с которой данная операция может осуществляться лишь в границах клаузы, такая картина оказывается вполне ожидаемой, если (16) имеет биклаузальную структуру. Более того, неспособность вложенной кванторной группы иметь широкую сферу действия относительно операторов матричной клаузы позволяет утверждать, что данная группа не покидает вложенную клаузу.

- (16) *ca darħa-li pat'imat-li-či [hani čutu wana d-arq'-iq-ara]*
 один ребёнок-ERG PN-OBL-SUPER каждый чуду.ABS тёплый NPL-делать.PFV-CAUS-INF

qar d-arq'-ib
 поручение NPL-делать.PFV-AOR

‘Один мальчик велел Патимат подогреть все чуду.’ ($\exists \gg \forall$; $*\forall \gg \exists$)

- (17) *aba-li rasul-li-či [hani k:at-ni d-aχ-iq-ara]*
 мать-ERG PN-OBL-SUPER каждый кошка.ABS-PL NPL-кормить.PFV-CAUS-INF

qar ħa-d-arq'-ib
 поручение NEG-NPL-хотеть.PFV-AOR

‘Мама не велела Расулу кормить всех кошек.’ ($\neg \gg \forall$; $*\forall \gg \neg$)

Наконец, диагностичным оказывается и поведение сложных рефлексивных местоимений. Данные местоимения представляют собой строго локальные анафорические выражения, состоящие из двух вхождений простого рефлексивного местоимения *saĵ*: первый компонент копирует падеж антецедента, в то время как второй оформляется падежом, соответствующим синтаксической позиции аргумента, участвующего в рефлексивном отношении [Калякин 2023]. Пример (18) иллюстрирует, что связывание сложного рефлексива субъектом матричной клаузы невозможно, несмотря на то, что условие на совпадение падежного маркирования удовлетворено. В свою очередь, ИГ *tuχtur* ‘доктор’, маркированная одним из локативных падежей, оказывается единственным возможным антецедентом рефлексива. Данные факты находят своё объяснение, если, во-первых, вновь допустить, что конструкция биклаузальна, и во-вторых, постулировать

в позиции подлежащего зависимой клаузы фонологически не выраженное местоимение, которое оформлено эргативом и кореферентно ИГ *tuχtur* ‘доктор’.

- (18) *rasul-li tuχtur-li-ci* _{PN-ERG} *[[sun-ni saj]* _{DOCTOR-OBL-INTER SELF.OBL-ERG SELF.M} *ʔaʰh* _{хороший} *w-arq'-iq-ara* _{М-делать-CAUS-INF}
- tiledi w-arq'-ib*
 просьба М-делать.PFV-AOR
 ‘Расул попросил доктора вылечить себя.’

Выше было отмечено, что ДС не является стандартной опцией и используется обычно в контекстах некоторой выделенности ИГ-цели. В цезском языке, как утверждают М. Полинская и Э. Потсдам [Polinsky, Potsdam 2001], такая выделенность предполагает, что цель согласования обязательно интерпретируется как топик. Муиринский язык, по-видимому, предоставляет тут несколько больше свободы: ИГ-цель может быть не только топиком, но и фокусом; подобная ситуация наблюдается как в других даргинских языках [Сердобольская 2010; Forker 2019], так и, например, в некоторых цезских языках: гинухском [Forker 2013] и хваршинском [Khalilova 2009]. Соответственно, при, например, присоединении к абсолютиву вложенной клаузы фокусной частицы, как в примере (19), ДС не только не запрещается, но и становится предпочтительной опцией, в то время как дефолтное/локальное согласование если не невозможно, то крайне затруднено.

- (19) *musa-li rasul-li-ci* _{PN-ERG PN-OBL-INTER} *[pat'imat = gina gap* _{PN.ABS = FOC похвала} *r-arq'-iq-ara]* _{F-делать.PFV-CAUS-INF}
- tiledi ??b-/r-arq'-ib*
 просьба N-/F-делать.PFV-AOR
 ‘Муса попросил Расула похвалить лишь Патимат.’

Следует также отметить, что вновь в отличие от цезского [Polinsky, Potsdam 2001] в муиринском топикальные адвербиалы не блокируют ДС (20).

- (20) *pat'imat-li [iʃhali murad-li-ci unc:a hark d-arq'-iq-ara]*
 PN-ERG сегодня PN-OBL-INTER двери.ABS открытый NPL-делать.PFV-CAUS-INF
- d-urh-ib-ir = ri*
 NPL-рассказывать.PFV-AOR-ATR = PST
 ‘Патимат попросила Мурада сегодня закрыть двери.’

Можно обозначить и ещё один контекст, в котором предпочтение отдаётся ДС. Даргинские языки допускают дистантный скрэмблинг, т.е. такое фразовое передвижение, при котором составляющая пересекает границы своей клаузы, см. (21).

- (21) *musa-li_i aba-s [t_i žuz b-elč'-uj]*
 PN-ERG мать-DAT книга.ABS N-читать.PFV-AOR.CVB

b-ik'-u-li sa < b > i
 N-хотеть.IPFV-PROG-CVB < N > COP
 'Мама хочет, чтобы Муса прочитал книгу.'

В ситуациях, когда дистантному скрэмблингу подвергается абсолютивная ИГ вложенной клаузы, ДС становится обязательным, ср. (12) без скрэмблинга и (22), в котором ИГ *šwal čutu* 'пять чуду' после передвижения оказалась в окружении материала матричной клаузы.

- (22) *ʔa'li-s [šwal čutu]_i *b-/d-ik'-u-li saj*
 PN-DAT пять чуду.ABS N-/NPL-хотеть.IPFV-PROG-CVB COP.M

[pat'imat-li t_i d-arq'-ib-li]
 PN-ERG NPL-делать.PFV-AOR-CVB
 'Али хочет, чтобы Патимат приготовила пять чуду.'

Последний факт, который следует обозначить в данном разделе, связан с рекурсивностью ДС, т.е. способностью структурно более высоких зондов также демонстрировать ДС. Примеры (23a) и (23b) указывают на то, что выбор согласовательного показателя на вспомогательном глаголе полностью зависит от того, согласуется ли лексический глагол с абсолютивной ИГ вложенной клаузы (23a) или нет (23b).

- (23) а. *pat'imat-li musa-ci [urq'lah-i hark d-arq'-iq-ara]*
 PN-ERG PN-INTER окно-PL открытый NPL-делать.PFV-CAUS-INF

tiledi d-irq'-u-li sa < d > i / *sa < b > i
 просьба NPL-делать.IPFV-PROG-CVB < NPL > COP < N > COP

- б. *pat'imat-li murad-li-ci [urq'lah-i hark d-arq'-iq-ara]*
 PN-ERG PN-OBL-INTER окно-PL открытый NPL-делать.PFV-CAUS-INF

tiledi b-irq'-u-li *sa < d > i / sa < b > i
 просьба NPL-делать.IPFV-PROG-CVB < NPL > COP < N > COP

'Патимат просит Мурада открыть окна.' {a = b}

Помимо этого, в предложениях, состоящих из более чем двух клауз, ДС может иметь место между предикатом матричной клаузы и аргументом наиболее вложенной клаузы. Однако, как явствует из (24), доступность ДС для матричного предиката зависит от предиката промежуточной клаузы. Так, если промежуточный предикат демонстрирует ДС, то данная стратегия доступна и для предиката главной клаузы (24a). Если же промежуточный предикат не согласуется с ИГ *pat'imat* 'Патимат', то ДС для предиката объемлющей клаузы будет недоступно (24b). Важно заметить, что в первом случае ДС не является обязательным, матричный предикат по-прежнему допускает дефолтное/локальное согласование — опцию, недоступную для вспомогательных глаголов, ср. (23a) и (24a).

- (24) a. *rasul-li-s* [?]*r-/b-ik:-u-li* *saj* [*musa-li* *murad-li-či*
 PN-OBL-DAT F-/N-хотеть.IPFV-PROG-CVB COP.M PN-ERG PN-OBL-SUPER
qar *r-arq'-ib-li* [*pat'imat* *gap* *r-arq'-iq-ara*]
 поручение F-делать.PFV-AOR-CVB PN.ABS похвала F-делать.PFV-CAUS-INF
- b. *rasul-li-s* **r-/b-ik:-u-li* *saj* [*musa-li* *murad-li-či*
 PN-OBL-DAT F-/N-хотеть.IPFV-PROG-CVB COP.M PN-ERG PN-OBL-SUPER
qar *b-arq'-ib-li* [*pat'imat* *gap* *r-arq'-iq-ara*]
 поручение N-делать.PFV-AOR-CVB PN.ABS похвала F-делать.PFV-CAUS-INF
 'Расул хочет, чтобы Муса велел Мураду похвалить Патимат.' {a = b}

Итак, рассмотрев основные свойства конструкций с ДС в муиринском языке, можно подвести промежуточные итоги. Во-первых, ДС в общем случае варьирует с дефолтным/локальным согласованием и характеризуется эффектами, связанными с информационно-структурными свойствами ИГ-цели. Во-вторых, все рассматриваемые конструкции биклаузальны. Учитывая это, для муиринского ДС оказывается нерелевантно целое семейство анализов, предполагающих реструктурирование [Haspelmath 1999; Voeckx 2009], т.е. образование моноклаузной структуры, возникающей в результате ослабления клаузалльных границ [Wurmbrand 2001]. В-третьих, было показано, что ИГ, выступающая в качестве цели согласования, не должна не только покидать свою клаузу, но и передвигаться на её границу. Как представляется, наиболее показательны тут факты, связанные с дистантным скрэмблингом: если бы ИГ-цель осуществляла скрытое передвижение в локальную область зонда, то, как и в случае дистантного скрэмблинга, опция с дефолтным/локальным согласованием должна быть недос-

тупна. Соответственно, анализы, опирающиеся на передвижение ИГ-цели [Polinsky, Potsdam 2001; Chandra 2007] также не могут быть применены к муиринскому языку. Наконец, ДС допускает рекурсию.

4. Дистантное согласование в муиринском языке циклично

В предыдущем разделе были рассмотрены основные свойства ДС в муиринском языке. Было также показано, что анализы, опирающиеся на реструктурирование или передвижение цели согласования в локальную область зонда, не могут быть применены к муиринским данным. Ещё один возможный анализ, в соответствии с которым в матричной клаузе постулируется фонологически не выраженное местоимение, кореферентное вложенной абсолютной ИГ и являющееся подлинной целью согласования [LeSourd 2018], следует отвергнуть по тем же причинам, что и анализы, предполагающие передвижение ИГ-цели в главную клаузу. Более того, данный анализ несостоятелен и потому, что в отличие от алгонкинских языков, для которых постулировалось такое нулевое местоимение, в муиринском языке активен Принцип С теории связывания. Тем не менее нельзя и утверждать, что ДС вовсе не имеет никаких ограничений: в частности, было показано, что данный процесс не может осуществляться через границы двух клауз, см. (24).

Существует, однако, ещё один подход к ДС, который, как представляется, не испытывает серьёзных трудностей с изложенными выше фактами. Согласно данному подходу, изначально сформулированному Дж. Легейт [Legate 2005], ДС осуществляется **циклически**, т.е. данный процесс являет собой результат нескольких последовательных этапов локального согласования, см. также [Koopman 2006; Ozarkar 2020; Mursell 2021]. Так, например, утверждается, что в предложении (25) из языка кашмири с ИГ *koori* ‘девушки’ согласуется лишь глагол вложенной клаузы *vuchini* ‘увидеть’, который, означив свои признаки, сам выступает в качестве цели согласования для более структурно высокого глагола *yatshImut* ‘хотел’, с которым затем аналогичным образом согласуется и вспомогательный глагол *che*.

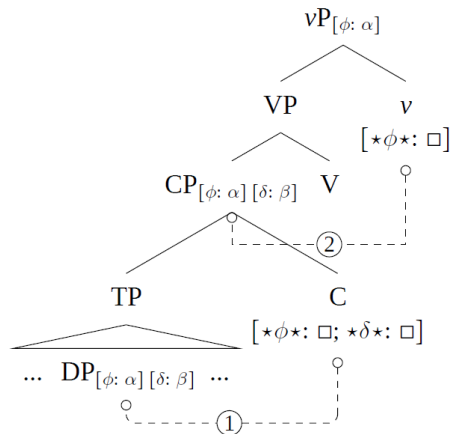
(25) *raam che hameeSI yatshImut [panInis necivis*
 PN-ERG AUX.PRS-F всегда хотел.FPL SELF.DAT СЫН.DAT

khAAirI koori vuchini]
 для девушки видеть.INF.FPL

‘Рам всегда хотел найти девушек для своего сына.’ [Legate 2005: 153]

В рамках данной работы мы предлагаем модифицированную версию подхода Легейт. Релевантный фрагмент структуры предложения с ДС представлен в (26).

(26)

Для деривации, как можно видеть, наиболее существенны два этапа. Во-первых, на вершине С зависимой клаузы постулируется **компози́тный зонд** (composite probe), объединяющий как А-, так и А'-признаки. К первым относятся φ-признаки (как минимум, класс и число), а ко вторым — обобщённый информационно-структурный признак δ. Последний объясняет корреляцию ДС с топиальной или фокальной интерпретацией ИГ-цели. Вслед за [van Urk 2015; van Urk, Richards 2015] мы утверждаем, что данный компози́тный зонд характеризуется **многозадачностью** (multitasking) — требованием найти такую цель, которая одновременно удовлетворяет оба признака. Многозадачность зонда объясняет как запрет на независимое зондирование, так и отсутствие эффектов дефектной интервенции [Scott 2021], например, при наличии в клаузе топиальных адвербиалов, см. (20) выше. Наконец, поскольку ДС возможно лишь с абсолютными ИГ, необходимо, чтобы зонд обладал свойством **падежной дискриминации** (case discrimination), позволяющим ему взаимодействовать лишь с немаркированными (абсолютными) целями [Bobaljik 2008].

Во-вторых, после установления согласовательной зависимости между С и абсолютной ИГ и означивания признаков С, проекция данной вершины может выступать в качестве цели согласования для более высокого зонда, расположенного на вершине v [Ganenkov 2021]. Таким образом, φ-признаки абсолютной ИГ вложенной клаузы оказываются на зонде в матричной клаузе. Крайне важно, что на обоих этапах согласование осуществляется локально, благодаря чему не возникает необходимости пере-

Наконец, отдельно следует отметить предложения с дистантным скрэмблингом, см. (22). Можно считать, что в таких случаях происходит передвижение абсолютной ИГ из вложенной клаузы в позицию [Spec, VP] главной клаузы. В результате данного передвижения более близкой целью для зонда на вершине v окажется именно передвинувшаяся ИГ. Как следствие, согласование по неличному классу, наблюдавшееся при ДС, в таких случаях будет ожидаемо невозможно, поскольку при дистантном скрэмблинге согласовательная зависимость между зондом матричной клаузы и аргументом вложенной клаузы устанавливается напрямую.

5. Заключение

В данной статье были рассмотрены свойства дистантного согласования в муиринском языке даргинской группы. Было показано, что для муиринского наиболее подходящим является анализ, опирающийся на механизм циклического согласования, изначально сформулированный Дж. Легейт [Legate 2005]. В соответствии с предложенным анализом дистантное согласование являет собой результат нескольких последовательных этапов локального согласования: согласования вершины S с абсолютным аргументом вложенного предиката и согласования вершины v с проекцией CP , унаследовавшей означенные ранее признаки вершины. Таким образом, дистантное согласование оказывается крайне схожим с дистантным передвижением, которое, как обычно считается, также является циклическим и сводится к сумме локальных передвижений. Наконец, в статье были рассмотрены некоторые следствия предложенного анализа.

Основной вопрос, который нами не затрагивался, связан с обсуждавшимся в разделе 3 варьированием дистантного согласования с согласованием по неличному классу. В рамках данной работы мы не предложим полноценного объяснения того, как возникает эта вариативность, однако заметим, что имеется как минимум два пути её объяснения, см. также [Chumakina, Lyutikova 2023]. В первую очередь можно допустить, что согласование по неличному классу представляет собой результат провала согласования. Альтернативой такому взгляду будет постулирование вершины S , которая имеет лексически заданные ϕ -признаки, ср. [Polinsky, Potsdam 2001]. Несмотря на то, что первый вариант может показаться более привлекательным в силу апелляции к общим принципам работы операции AGREE, второй вариант представляется нам более состоятельным, поскольку, во-первых, корреляция дистантного согласования и информа-

ционно-структурных свойств цели не является абсолютной, и во-вторых, как представляется, при единообразном согласовании *v* с СР становится возможно органичным образом связать дистантное согласование с такими явлениями, как, например, падежное лицензирование. Исследование этого и некоторых других вопросов мы оставляем на будущее.

В дальнейшем логичным продолжением настоящего исследования стало бы рассмотрение того, как в схожих контекстах устроено лично-числовое согласование. В разделе 2 отмечалось, что лично-числовое согласование функционирует по существенно иным принципам, нежели классно-числовое согласование. Следовательно, допустимость дистантного лично-числового согласования могла бы пролить дополнительный свет на особенности работы обоих механизмов. Наконец, целесообразным представляется дальнейшее изучение конструкций с дистантным согласованием в свете данных других даргинских и, шире, нахско-дагестанских языков, а также обобщений, представленных в этой статье.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ADV — адвербиализатор; AOR — аорист; ATR — атрибутивный показатель; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; CVB — простое деепричастие; CONT — контентив; COP — связка; DAT — датив; ERG — эргатив; F — женский класс; FOC — фокусная частица; INF — инфинитив; INTER — локализация ‘внутри’; IPFV — имперфектив; M — мужской класс; MSD — масдар; N — неличный класс; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PN — имя собственное; PRS — презенс; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SELF — основа рефлексива; SUPER — локализация ‘на’; TH — тематический элемент.

Список источников / References

- Коряков 2021 — Коряков Ю.Б. Даргинские языки и их классификация // Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова. / Майсак Т.А., Сумбатова Н.Р., Тестелец Я.Г. (ред.). М.: Буки Веди, 2021. С. 139–154. [Koryakov Yu.B. Dargwa languages and their classification. Durqasi khazna. Sbornik statei k 60-letiyu R.O. Mutalova. Maisak T.A., Sumbatova N.R., Testelelets Ya.G. (eds.). Moscow: Buki Vedi, 2021. Pp. 139–154.]
- Калякин 2023 — Калякин И.В. Рефлексивные местоимения в муиринском языке даргинской группы // Acta Linguistica Petropolitana. 2023. №19. С. 36–65. [Kalyakin I.V. Reflexive pronouns in Muira Dargwa. Acta Linguistica Petropolitana. 2023. No. 19. Pp. 36–65.]
- Лютикова 2024 — Лютикова Е.А. Дистантное согласование: механизмы и триггеры. (Доклад на конференции «Первый Евразийский конгресс лингвистов», Институт языкознания РАН, Москва, 9–13 декабря 2024 г.). [Lyutikova E.A. Long-distance agreement: mechanisms and triggers. Talk at the conference ‘First Eurasian Congress of Linguists’ (Moscow, IL RAS, 9–13 December 2024).]

- Сердобольская 2010 — Сердобольская Н.В. Прозрачное согласование в кункинском и хуццком языках: подъем или clause union. (Доклад на конференции «Седьмая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей», Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 4–6 ноября 2010 г.). [Serdobolskaya N.V. Opaque agreement in Qunqi and Khuduts: raising or clause union. Talk at the conference ‘7th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars’ (Saint-Petersburg, ILS RAS, 4–6 November 2010).]
- Bhatt, Keine 2017 — Bhatt R., Keine S. Long-distance agreement. *The Wiley Blackwell Companion to Syntax: Second Edition*. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.). Hoboken, NJ: Blackwell-Wiley. 2017. Pp. 2291–2321.
- Bobaljik 2008 — Bobaljik J. 2008. Where’s phi? Agreement as a post-syntactic operation. *Phi-theory: Phi features across interfaces and modules*. Harbour D., Adger D., Béjar S. (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2008. Pp. 295–328.
- Boeckx 2009 — Boeckx C. On long-distance Agree. *Iberia: An International Journal of Theoretical Linguistics*. 2009. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–32.
- Börjesson, Müller 2019 — Börjesson K., Müller G. Long distance agreement and locality: a re-projection approach. *Agree to Agree: Agreement in the Minimalist Programme*. Smith P. W., Mursell J., Hartmann K. (eds.). Berlin: Language Science Press. 2019. Pp. 307–346.
- Bošković 2007 — Bošković Ž. On the locality and motivation of Move and Agree: An even more minimal theory. *Linguistic Inquiry*. 2007. Vol. 38. No. 4. Pp. 589–644.
- Chandra 2007 — Chandra P. Long-Distance Agreement in Tsez: A Reappraisal. *University of Maryland Working Papers in Linguistics*. 2007. Vol. 15. Pp. 47–72.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by Step: Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge, MA: MIT Press. 2000. Pp. 89–155.
- Chomsky 2001 — Chomsky N. Derivation by phase. *Ken Hale: A life in language*. Kenstowicz M. (ed.). Cambridge, MA: MIT Press. 2001. Pp. 1–52.
- Chumakina, Lyutikova 2023 — Chumakina M., Lyutikova E. External agreement in Khwarshi. *Agreement beyond the Verb*. Chumakina M., Bond O., Kaye S. (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2023. Pp. 198–242.
- Forker 2013 — Forker D. *A grammar of Hinuq*. Berlin/Boston: De Gruyter, 2013.
- Forker 2019 — Forker D. *A grammar of Sanzhi Dargwa*. Berlin: Language Science Press, 2019.
- Ganenkova 2021 — Ganenkova D. Person agreement with inherent case DPs in Chirag Dargwa. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2021. Vol. 40. No. 3. Pp. 741–791.
- Haspelmath 1999 — Haspelmath M. Long distance agreement in Godoberi (Daghestanian) complement clauses. *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33. No. 1–2. Pp. 131–152.
- Haspelmath 2016 — Haspelmath M. The serial verb construction: Comparative concept and cross-linguistic generalizations. *Language and Linguistics*. 2016. Vol. 17. No. 3. Pp. 291–319.
- Khalilova 2009 — Khalilova Z. *A grammar of Khwarshi*. Ph.D. dis. Leiden University, 2009.
- Koopman 2006 — Koopman H. Agreement configurations: In defense of “Spec Head”. *Agreement systems*. Boeckx C. (ed.). John Benjamins Publishing Company. 2006. Pp. 159–199.
- Legate 2005 — Legate J. A. Phases and cyclic agreement. *Perspectives on phases*. McGinnis M., Richards N. (eds.). Cambridge, MA: MIT Working Papers in Linguistics. Pp. 147–156.
- LeSourd 2018 — LeSourd, P. Raising and long-distance agreement in Passamaquoddy: A unified analysis. *Journal of Linguistics*. 2018. Vol. 55. No. 2. Pp. 357–405.
- Mahajan 1990 — Mahajan A. *The A/A-bar distinction and movement theory*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 1990.

- Mursell 2021 — Mursell J. *The syntax of information-structural agreement*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2021.
- Ozarkar 2020 — Ozarkar R. A special case of long distance agreement in Marathi. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2020. Vol. 5. No. 1.
- Preminger 2014 — Preminger O. *Agreement and its failures*. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Polinsky 2003 — Polinsky M. Non-canonical agreement is canonical. *Transactions of the Philological Society*. 2003. Vol. 101. No. 2. Pp. 279–312.
- Polinsky 2016 — Polinsky M. Agreement in Archi from a minimalist perspective. *Archi: Complexities of Agreement in Cross-Theoretical Perspective*. Bond O., Corbett G., Chumakina M., Brown D. (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2016. Pp. 75–108.
- Polinsky, Potsdam 2001 — Polinsky M., Potsdam E. Long-distance agreement and topic in Tsez. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2001. Vol. 19. No. 3. Pp. 583–646.
- Scott 2021 — Scott T. Formalizing two types of mixed A'/A agreement. Unpublished manuscript, University of California Berkeley. 2021.
- Sumbatova 2021 — Sumbatova N. Dargwa. *The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford University Press. 2021. Pp. 146–200.
- van Urk 2015 — van Urk C. *A uniform syntax for phrasal movement: A case study of Dinka Bor*. Ph.D. dis. Massachusetts Institute of Technology, 2015.
- van Urk, Richards 2015 — van Urk C., Richards N. Two components of long-distance extraction: Successive cyclicity in Dinka. *Linguistic Inquiry*. 2015. Vol. 46. No. 1. Pp. 113–155.
- Wurmbrand 2001 — Wurmbrand S. *Infinitives: restructuring and clause structure*. Berlin: Walter de Gruyter, 2001.
- Zeijlstra 2012 — Zeijlstra H. There is only one way to agree. *The Linguistic Review*. 2012. Vol. 29. No. 3. Pp. 491–539.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025; одобрена после рецензирования 30.11.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was received on 29.11.2025; approved after reviewing 30.11.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Иван Викторович Калякин

Институт языкознания РАН / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Ivan Kalyakin

Institute of Linguistics RAS / Pushkin State Russian Language Institute

kalyakin.iv@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.76.97.004

КОНСТРУКЦИИ КОНТРОЛЯ И ПОДЪЕМА В НАНАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР^{*}

С.А. Оскольская

*Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина /
Институт лингвистических исследований РАН*

Аннотация: В статье на материале корпусных данных рассматриваются конструкции с сентенциальными актантами в нанайском языке. Рассматривается наиболее частотная структура этих конструкций и отклонения от нее. Все конструкции анализируются с точки зрения контроля и подъема. Предложения с кореферентным субъектом в главной и зависимой предикациях требуют обязательного контроля. При некореферентных субъектах чаще всего отсутствует как контроль, так и подъем. Однако в редких случаях употребляются конструкции объектного контроля и конструкции стандартного подъема. Однозначные конструкции обратного контроля или подъема пока не засвидетельствованы.

Ключевые слова: синтаксис, полипредикация, конструкции с сентенциальными актантами, контроль, подъем, нанайский язык, тунгусо-маньчжурские языки

Для цитирования: Оскольская С.А. Конструкции контроля и подъема в нанайском языке: предварительный обзор // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 1. С. 75–98.
doi:10.37632/PI.2025.76.97.004

---

^{*} Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 25-18-00222 «Контроль и подъем в языках Евразии», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

CONTROL AND RAISING CONSTRUCTIONS IN NANAI: A PRELIMINARY OVERVIEW*

Sofia Oskolskaya

Pushkin State Russian Language Institute / Institute for Linguistic Studies RAS

Abstract: The paper describes complement clause constructions in the Nanai language based on corpus data. It discusses the most common structure of these constructions and deviations from it. All constructions are analyzed in terms of control and raising. Sentences with coreferential subjects in the main and dependent clauses require obligatory control. In cases with non-coreferential subjects, both control and raising are most often absent. However, in rare instances, constructions of object control and standard raising constructions occur. Unambiguous constructions of backward control or raising have not yet been attested.

Keywords: syntax, polypredication, complement clause constructions, control, raising, Nanai language, Tungusic languages

For citation: Oskolskaya S. Control and raising constructions in Nanai: A preliminary overview. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 1. Pp. 75–98. (In Rus.) doi:10.37632/PI.2025.76.97.004

1. Введение

Понятие конструкций контроля и подъема стало распространено благодаря работам П. Постала [Postal 1970, 1974] и подробно рассматривалось на материале различных языков, в том числе в русском языке [Лютикова 2022; Циммерлинг 2025], в дагестанских языках [Лютикова 2025] и др. О подъеме говорят в тех случаях, когда аргумент зависимой предикации (далее ЗП) проявляет свойства аргумента главной предикации (ГП), например, имеет падежную форму, соответствующую валентности матричного предиката, как в английском:

(1) *I believe **him** to be a cheater.*

‘Я считаю, что он мошенник.’

---

* This research has been supported by the Russian Science Foundation, project 25-18-00222 “Control and Raising in the languages of Eurasia” realized at Pushkin State Russian Language Institute.

В примерах типа (1) постулируется подъем субъекта зависимой предикации 'он' в главную предикацию, поэтому этот участник оформляется объектным падежом в соответствии с актантной рамкой матричного предиката *believe*.

В конструкциях контроля субъект ЗП также не выражен, но он восстанавливается благодаря тому, что кореферентен аргументу ГП:

(2) *I want to help you.*

‘Я хочу помочь тебе.’

Так, в примере (2) субъектом ЗП является *I* ‘я’, совпадающий с субъектом ГП (~ *I want [I help you]*).

Среди конструкций контроля выделяют конструкции субъектного контроля, как в (2), где субъект ЗП совпадает с субъектом ГП, конструкции объектного и косвенного контроля, в которых субъект ЗП совпадает с прямым и косвенным объектом ГП соответственно:

(3) *I told **you** to leave.*

‘Я сказал тебе уйти.’

(4) *I shouted to **you** to leave.*

‘Я крикнул тебе, чтобы ты ушёл.’

В примере (3) субъектом ЗП является *you* ‘ты’, совпадающий с прямым дополнением ГП (~ *I told you [you leave]*). А в примере (4) такой же субъект ЗП *you* ‘ты’ совпадает с косвенным дополнением ГП (~ *I shouted to you [you leave]*).

Отличить конструкции подъема от конструкций контроля можно с помощью ряда тестов. Например, если убрать сентенциальный актант, то в предложениях с глаголами подъема сильно меняется значение (1') и полученное утверждение не является следствием первого утверждения с СА.

(1') *#I believe him.*

‘Я верю ему.’

В конструкциях же контроля такого не происходит, утверждение (4') семантически выводимо из более полного утверждения (4):

(4') *I shouted to you.*

‘Я крикнул тебе.’

В работах М. Полински и ее школы были предложены понятия стандартного контроля и подъема и обратного контроля и подъема (см. [Polinsky, Potsdam 2002, 2006] и др.). Предложения (1–4) представляют собой примеры стандартного подъема и контроля. Об обратном контроле можно говорить в тех случаях, когда субъект ЗП тоже задается аргументом ГП, однако невыраженным оказывается аргумент ГП, а не субъект ЗП. М. Полински и Э. Потсдам приводят пример обратного контроля в корейском языке:

- (5) a. *Chelswu-ka Yenghi_k-lul [~~Yenghi_k-ka~~ hakkyo-lul ttena-tolok]*
 Чхольсу-NOM Йонхи-ACC школа-ACC покинуть-COMP

seltukhayssta.

убедил

‘Чхольсу убедил Йонхи бросить школу.’

- b. *Chelswu-ka ~~Yenghi_k-lul~~ [~~Yenghi_k-ka~~ hakkyo-lul ttena-tolok]*
 Чхольсу-NOM Йонхи-NOM школа-ACC покинуть-COMP

seltukhayssta.

убедил

‘Чхольсу убедил Йонхи бросить школу.’ Примеры из [Polinsky, Potsdam, 2006: 176], перевод глосс и предложений наш.

В примере (5a) представлен объектный контроль, а в примере (5b) — обратный контроль, т. е. в (5b) подлежащее ЗП является копией объекта ГП, который опущен. То, что именно *Yenghi-ka* является копией *Yenghi-lul*, а не наоборот, доказывается рядом тестов: например, несмотря на опущение, аргумент ГП участвует в синтаксических операциях. Так, этот аргумент лицензирует гонорифическое согласование на матричном предикате.

В конструкциях с обратным подъемом фактически происходит подъем аргумента из ЗП в ГП, однако его копия в ГП не выражена, а сам аргумент в ЗП выражен. То, что подъем все-таки имеет место, доказывается синтаксическими тестами (например, наличием согласования на матричном предикате). М. Полински и Э. Потсдам приводят в качестве примера адыгейскую конструкцию:

- (6) a. *jəlesəm əč'wec [šh_wenč'am-č'e (se) sə-we-new]*
 этот год ружье-INSTR 1SG.ABS 1SG.ABS-стрелять-SUP

Ø-*qəč'eč'əw.*

3SG.ABS-случилось

‘В этом году так случилось, что я стрелял из ружья.’

b. *jəlesəm*   *əč'wec*   [*šh_wenč'am-č'e*   *sə-we-new*]   (*se)
 этот   год   ружье-INSTR   1SG.ABS-стрелять-SUP   1ABS

sə-qəč'eč'ək.

1SG.ABS-случилось

‘В этом году мне довелось выстрелить из ружья.’ Примеры из [Polinsky, Potsdam, 2006: 180], перевод глосс и предложений наш.

Предложение (6b) представляет собой пример на обратный подъем. Интерпретация этой конструкции как моноклаузуальной отвергается по ряду синтаксических параметров. При этом конструкция обратного подъема очень похожа на конструкцию обратного контроля, однако в последней обычно присутствуют селективные ограничения, которые не характерны для конструкции обратного подъема.

Данный анализ адыгейской конструкции критикуется в [Тестелец, 2009]. Постулирование конструкции обратного подъема в других языках также подвергалось критике. Таким образом, по крайней мере логически, можно говорить о четырех типах конструкций: стандартного контроля, стандартного подъема, обратного контроля и обратного подъема. При этом, судя по всему, в языках мира они встречаются с разной частотой: чаще всего фиксируются конструкции стандартного контроля и подъема, а конструкция обратного подъема вызывает больше всего сомнений.

В этой статье рассматриваются полипредикативные конструкции нанайского языка, приводится их анализ с точки зрения контроля и подъема аргумента. В разделе 2 приводятся основные сведения о нанайском языке, необходимые для понимания материала. Раздел 3 описывает источники данных, использованных в исследовании. В разделе 4 рассматривается структура конструкций с сентенциальными актантами (КСА) в нанайском языке. В разделе 5 анализируются различные конструкции, которые могут претендовать на статус конструкций контроля или подъема. В разделе 6 подводятся итоги исследования.

2. Краткие сведения о нанайском языке

Нанайский язык относится к тунгусо-маньчжурской языковой семье. Нанайцы проживают на Дальнем Востоке в Хабаровском крае, в основном в селах, находящихся в бассейне р. Амур. Нанайский язык находится под угрозой исчезновения. На данный момент нанайским языком свободно владеет не более 300 человек (под свободным владением здесь подразуме-

меваются способность рассказывать истории на этом языке), см. [Oskolskaya 2020]. Большинство носителей нанайского языка относятся к старшему поколению. Все нанайцы свободно владеют русским языком, и сейчас русский язык является основным языком общения среди нанайцев.

В нанайском языке наблюдается диалектное разнообразие. Наиболее отличающимся по лингвистическим параметрам от большинства других диалектов является бикинский, или уссурийский, диалект нанайского языка [Сем 1976]. Бикинский нанайский не взаимопонятен с другими нанайскими диалектами. Он также географически распространен в отдалении от остальных нанайских диалектов — на севере Приморского края в долине р. Бикин. В связи с таким особым статусом некоторые ученые считают этот диалект отдельным языком, см. [Коряков и др. 2022]. Остальные нанайские идиомы представляют собой диалектный континуум, протянувшийся от Хабаровска на юге до Комсомольского и Солнечного районов на севере. Эти диалекты взаимопонятны и имеют лишь небольшие различия в грамматике. В настоящем исследовании нет цели выявить диалектные различия в употреблении конструкций контроля и подъема, поэтому материал, относящийся к разным диалектам нанайского языка (кроме бикинского), рассматривается на равных.

Базовый порядок слов в нанайском языке — SOV. Однако он не строгий, и довольно часто в текстах, в том числе и старых, т. е. не подверженных влиянию русского языка, встречаются отклонения от этого порядка слов, вероятно, связанные с коммуникативными факторами. Нанайский — язык номинативно-аккузативного строя. Предикат может согласовываться только с субъектом по лицу и числу.

Существительные изменяются по числам и падежам. Различаются три типа склонения: простое, лично-притяжательное и рефлексивное. Поскольку падежные показатели — основной способ маркирования аргументов предикатов клаузы, т. е. основной способ определить синтаксическую роль аргумента, рассмотрим подробнее устройство падежной парадигмы. Формы единственного числа обычно не имеют выраженного показателя, а множественное число выражается суффиксом *-sAl¹*, занимающим наиболее

---

¹ В нанайском языке гласные в суффиксах изменяются в соответствии с правилами сингармонизма, т. е. в зависимости от того, гласные какого подъема употреблены в корне. Кроме того, согласные в морфемах также могут иметь варианты из-за ассимилятивно-диссимилятивных процессов на стыке морфем. Вариативные гласные и согласные в суффиксах записаны прописным символом.

близкую к корню позицию. Изменение по числу довольно регулярное и далее рассматриваться не будет.

В таблице 1 приведены фрагменты парадигмы существительного *ogda* ‘лодка’ в единственном числе в четырех падежах в простом, лично-притяжательном и рефлексивном склонениях. В лично-притяжательном склонении в качестве примера используются формы 3 л. ед. ч. (~ ‘его / ее лодка’), а в рефлексивном склонении — формы единственного числа (~ ‘своя лодка’, владелец один).

Таблица 1. Падежные формы простого и рефлексивного склонений слова *ogda* ‘лодка’ (фрагмент, по [Аврорин 1959: 163, 166, 169])

Падеж	Простое склонение	Лично-притяжательное склонение	Рефлексивное склонение
Именительный (NOM)	<i>ogda</i> лодка	<i>ogda-ni</i> лодка-3SG	—
Винительный (ACC)	<i>ogda-wa</i> лодка-ACC	<i>ogda-wa-ni</i> лодка-ACC-3SG	<i>ogda-i</i> лодка-REFL.SG
Дательный (DAT)	<i>ogda-du</i> лодка-DAT	<i>ogda-do-a-ni</i> лодка-DAT-OBL-3SG	<i>ogda-do-i</i> лодка-DAT-REFL.SG
Творительный (INS)	<i>ogda-ži</i> лодка-INS	<i>ogda-že-a-ni</i> лодка-INS-OBL-3SG	<i>ogda-že-i</i> лодка-INS-REFL.SG
...			

В таблице 1 приведены не все падежные формы. Всего в нанайском языке принято выделять 7 падежей для простого склонения и 8 падежей для лично-притяжательного и рефлексивного склонений, см. [Аврорин 1959]. Основной функцией именительного падежа считается маркирование подлежащего независимого предложения. У именительного падежа отсутствует выраженный показатель. Показатель винительного падежа — *-WA*. Основная функция винительного падежа — маркирование прямого дополнения. Однако в нанайском языке широко распространено дифференцированное маркирование объекта, см. [Аврорин 1948; Оскольская, Стойнова 2017]. Оно заключается в частности в том, что прямое дополнение может быть выражено немаркированной формой имени, а не формой винительного падежа. Показатель винительного падежа выражен только в формах простого и лично-притяжательного склонений. В рефлексивном склонении в форме винительного падежа падежный показатель не выражен, а

форма именительного падежа вовсе отсутствует. Это объясняется прежде всего прагматическими факторами: предполагается, что рефлексивная форма реферирует к выраженному в предложении участнику, имеющему более высокий синтаксический статус, обычно к подлежащему, поэтому не ожидается, что рефлексивная форма будет занимать позицию подлежащего. В остальных падежных формах, которые представлены в таблице 1 дательным и творительным падежами, используются специализированные падежные показатели. В лично-притяжательном и рефлексивном склонении также употребляются соответствующие притяжательные или рефлексивные суффиксы. Лично-притяжательное склонение к тому же осложняется дополнительным показателем косвенного падежа². Родительный падеж в нанайском языке отсутствует.

Когда именная группа является зависимой не глагольной формы, а другого имени или послелого, то она не маркируется никаким падежным показателем, см. пример (7):

- (7) *tuj waa-xa-ni Puugə [aag-bi piktə-wə-ni]*
 так убить-PST-3SG Пугэ ст.брат-REFL.SG ребенок-ACC-3SG
 ‘Так Пугэ убил ребенка своего старшего брата.’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 44]

Морфологически эта форма совпадает с формой именительного падежа в простом и лично-притяжательном склонениях и с формой винительного падежа в рефлексивном склонении. В.А. Аврорин для таких употреблений вводит понятие «беспадежной формы» [Аврорин 1959].

Глаголы в нанайском языке имеют довольно богатую морфологию: так, они могут употребляться в разных наклонениях, имеют деепричастные формы (пример 8).

- (8) *mapa tawaŋki ənu-mi dəru-xə-ni*
 старик дальше уходить-CVB.SIM.SG начинать-PST-3SG
 ‘Потом старик отправился домой (букв. начал идти).’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 38]

² Показатель косвенного падежа, по одной из версий, восходит к показателю аккумулятива. Природа и происхождение показателя косвенного падежа до сих пор вызывает дискуссии в нанаяведении [Аврорин 1959: 171–175; Оскольская 2015], которые не касаются темы данной статьи, поэтому не обсуждаются тут.

Сложнее обстоит дело с причастными формами. Формы, которые исторически были причастными, постепенно вытеснили основные формы изъявительного наклонения, см. [Аврорин 1961: 65, 101]. Таким образом, получается, что в современном нанайском языке одна и та же морфологическая форма используется в нейтральных контекстах изъявительного наклонения (*waaxani* в примере (7), *dərixəni* в примере (8)), и в собственно причастной функции (пример 9):

- (9) *sinəži-i*   *mapa*   *murun-ku*
     бедствовать-PRS   старик   ум-POSS
     ‘Бедный старик — умный.’
     [Нанайский корпус, nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika]

В некоторых случаях это может создавать сложности при интерпретации синтаксической структуры предложения.

3. Данные

Нанайский язык сравнительно неплохо описан, см. грамматические описания [Аврорин 1959; Аврорин 1961; Петрова 1941; Oskolskaya 2020], а также множество работ, посвященных более частным вопросам ([Аврорин 1948; Аврорин 1981; Киле 1973; Стойнова 2016; Столяров 1997] и мн. др.). Однако вопросам синтаксиса полипредикативных предложений было уделено мало внимания. Здесь стоит упомянуть кандидатскую диссертацию [Герасимова 2006], посвященную строению полипредикативных предложений в нанайском и ульчском языках и выполненную в русле новосибирской синтаксической школы, и магистерскую работу [Харитонов 2017], посвященную относительным предложениям в нанайском языке.

Также исследователями и активистами собрано и опубликовано большое количество текстов на нанайском языке. Среди них много устных историй, записанных под диктовку или расшифрованных с аудиозаписей ([Аврорин 1986; Kazama 1993; Киле (сост.) 1996; Kazama 2008; Бельды, Булгакова 2012] и др.). В 2024 г. была опубликована первая версия корпуса нанайского языка [Оскольская и др. 2024], включающая в себя несколько текстов, собранных В.А. Аврориным в 1940-х годах и опубликованных в [Аврорин 1986], а также тексты, собранные С.А. Оскольской, Н.М. Стойновой и К.А. Шагала в 2007–2017 гг. На момент написания статьи общий объем корпуса составлял 13 339 словоупотреблений.

Представленное исследование основано в первую очередь на материале устных текстов. Дальнейшее изучение конструкций контроля и подъема, безусловно, потребует сбор материала путем эликации для проверки синтаксических тестов и получения отрицательных данных. На начальном же этапе кажется целесообразным использовать материал естественных текстов по двум причинам: во-первых, благодаря текстам можно обнаружить нетривиальные конструкции, которые исследователю могли бы не прийти в голову из-за их неочевидности; а во-вторых, сбор данных по полипредикативным конструкциям (особенно если они не частотны) затруднителен, когда язык находится под угрозой исчезновения.

4. Конструкции с сентенциальными актантами в нанайском языке

Сентенциальные актанты (СА) в нанайском языке могут занимать позицию подлежащего или дополнения [Герасимова 2006: 199–220]. Обычно сентенциальный актант, как и именные аргументы, находится в препозиции к сказуемому – матричному предикату (пример 10).

- (10) [*Koonči saman ja-i-wa-ni*] *doolže-xa-ni*.
 Кончи шаман камлать-PRS-ACC-3SG слышать-PST-3SG
 ‘{Он} услышал камлание шамана Кончи.’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 40]

Хотя, как и в случае с именными аргументами, сентенциальный актант может быть и в конце предложения (пример 11).

- (11) <...> *tyj axondoos-sal muru-psij-ki-či*
 тот семья-PL думать-INCH2-PST-3PL

 [*asi piktə-wə ore-wa tətə-əm-bu-ri-wə*]
 жена ребенок-ACC ори-ACC надевать-CAUS-IMPS-PRS-ACC
 ‘Родственники вздумали надеть на девушку ори (кольцо на шею).’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 40]

Вершина сентенциального актанта может быть выражена причастной формой с показателем падежа, соответствующим синтаксической позиции СА (примеры 10–11), или — в более редких случаях — деепричастием:

- (12) *Cu* *элэ* [*хола-ми*] *отолу-а-чи = тани!*
 ты уже читать-CVB.SIM.SG уметь-ASSERT.PRS-2SG = a
 ‘Ты уже читать научился ведь!’ [Аврорин 1961: 143]

В целом деепричастия гораздо чаще оформляют вершины сентенциальных сирконстантов, а не актантов:

- (13) [*jajkaan* *more-i-wa-ni* *aamda-mi*] *žari-i* *bi-či-ni*
 птица кричать-PRS-ACC-3SG подражать-CVB.SIM.SG петь-PRS быть-PST-3SG
 ‘Он пел, подражая крику птицы.’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 38]

Кроме того, есть ряд глаголов с фазовыми или модальными значениями, которые сочетаются с одновременным деепричастием, как в (14а):

- (14) а. *tawaŋki* *Sižəkə* *məpə* *puril-ži-i* *gəsə* *bi-məəri*
 дальше Сидекэ сам дети-INS-REFL.SG вместе быть-CVB.SIM.PL

dəruu-xə-či

начать-PST-3PL

{Однажды Вэлинэ, отец Пугэ, заболел ещё сильнее и от болезни умер.} ‘После этого Сидекэ со своими детьми одна стала жить.’

[Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 44]

Однако в каждом из этих случаев требуется дополнительное исследование, чтобы выяснить, являются ли данные конструкции полипредикативными с СА или они представляют собой сложные глаголы. Так, для примера (14а) кажется более обоснованной интерпретация, что употреблен сложный глагол с инхоативным значением [*bi-məəri dəruuxəči*] ‘начали жить’, а не КСА: оба глагола имеют показатели множественного числа, которые должны согласовываться с субъектом зависимой и главной предикаций. По расширенному контексту понятно, что словосочетание *məpə purilžii* *gəsə* ‘вместе со своими детьми’ относится к глаголу *bi-məəri* ‘жить’. Если рассматривать это предложение как сложное, то глагол *bi-məəri* является вершиной ЗП, а сочетание *məpə purilžii* *gəsə* ‘вместе со своими детьми’ его зависимым и не может быть частью подлежащего (‘Сидекэ вместе со своими детьми’). В таком случае, если бы это была полипредикативная конструкция, ожидалось бы, что матричный предикат согласуется только с подлежащим главной предикации, т. е. с *Sižəkə*:

- (14) b. *tawaŋki Sižəkə* ??[*mənə puril-ži-i gəsə bi-məəri*]
 дальше Сидекэ сам дети-INS-REFL.SG вместе быть-CVB.SIM.PL

dəruu-xə-či

начать-PST-3PL

{Однажды Вэлинэ, отец Пугэ, заболел ещё сильнее и от болезни умер.} ‘После этого Сидекэ со своими детьми одна стала жить.’

[Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 44]

Однако глагол *dəruuxəči* имеет показатель множественного числа. В таком случае наиболее вероятной кажется интерпретация этого предложения как простого, а не полипредикативного, со сложным предикатом *biməəri dəruuxəči* ‘начали жить’, который согласуется со сочиненным подлежащим *Sižəkə mənə purilžii gəsə* ‘Сидекэ вместе со своими детьми’.

Важной характеристикой, различающей типы конструкций с сентенциальными актантами, является (не)корреферентность субъектов главной и зависимой предикации. Если субъекты разные, а вершина СА оформлена причастием, то причастие согласуется по лицу и числу с субъектом зависимой предикации. Так, в предложении (10) *jaiwani* ‘камляет’ согласуется с субъектом *Koonči saman*, что выражается показателем 3SG *-ni*. Если субъект совпадает, то возможны две опции. Первая (наиболее частотная) опция: причастие выражено безличной формой³ настоящего времени, которая может вносить модальный оттенок значения, см. пример (11), который можно интерпретировать с модальным значением — ‘Родственники подумали, что (им) надо надеть на девушку кольцо ори’. Гораздо менее частотная опция, однако более симметричная по своей структуре по отношению к КСА с некорреферентными субъектами, предполагает, что причастие оформляется рефлексивным показателем, см. пример (15).

- (15) *kəsi-ə gələ-pi sagži-l-pu tolgeči-i bi-čii*
 счастье-ACC искать-CVB.COND.SG старый-PL-1PL видеть.ВО.СНЕ-PRS быть-PST

[*xoone = daa pulsi-gilə-j-i*]

как = ADD

ходить-DEB-PRS-REFL.SG

‘Помолившись, наши старики видели во сне, как нужно идти.’

[Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 43]

³ Безличная форма причастия образуется с помощью показателя -О после основы и показателя настоящего или прошедшего времени. Лично-притяжательные показатели в этой форме отсутствуют. В клаузах, оформленных безличной формой, субъект не выражен. Остальные аргументы сохраняют свои синтаксические позиции. В настоящем времени эта форма часто употребляется в модальных контекстах ‘можно сделать X’, ‘надо сделать X’ и под., см. [Стойнова 2016].

Хотя в нанайском языке сравнительно много деепричастных форм, которые могут маркировать кореферентного или некореферентного субъекта ЗП, большинство из них употребляются в конструкциях с сентенциальными сирконстантами. В конструкциях же с сентенциальными актантами зафиксированы только одновременные деепричастия, которые сами по себе всегда предполагают кореферентного субъекта ([Аврорин 1961: 140]), см. пример с КСА в (12) ('ты умеешь + ты читаешь'), а также примеры на другие употребления одновременного деепричастия в (13) и (14).

Подлежащее ЗП может быть выражено только при некореферентном субъекте. Из этого следует, что в КСА оно может быть выражено только в зависимых клаузах с вершиной-причастием, потому что в КСА употребляются только одновременные деепричастия, которые предполагают совпадение субъекта.

В преобладающем большинстве случаев подлежащее ЗП выражено немаркированной формой и, судя по всему, синтаксически находится внутри зависимой клаузы. Так, в примере (16) подлежащее ЗП выражено местоимением *n'oan* 'он(а)' в немаркированной форме или в форме именительного падежа. Трудно представить, чтобы *n'oan* входило в состав главной предикации, а не зависимой, поскольку единственная позиция, доступная для такой формы местоимения, уже занята местоимением 1 лица ед. ч. *mii* 'я'.

- (16) *Mii = tani*   [*n'oan* *un-ži-wə-ni*]   *otole-a-si!*
 я = а   он(а)   сказать-PRS-ACC-3SG   понимать-NEG-PRS.NEG
 'А я не понимаю, что она говорит!'
 [Нанайский корпус, *ssb_090900_kk&so_Chleb*]

По своей структуре сентенциальный актант устроен так же, как посессивная именная группа: причастие выполняет роль вершины — имени со значением обладаемого, а субъект ЗП выполняет роль обладателя, ср. примеры (16) и (17):

- (17) *tii*   [*mapaača-kaan*   *xəsə-wə-ni*]   *xəm otoli-i-či*
 тот   старик-DIM   слово-ACC-3SG   все   понимать-PRS-3PL
 'Речь старика всю понимают.'
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 39]

Учитывая, что причастие — это глагольная форма, приближенная по своим свойствам к имени (может принимать падежные и лично-числовые

показатели, характерные для существительного), такое совпадение структур не случайно. В сущности, причастия в нанайском языке выполняют также функции номинализации (специализированных показателей номинализации там нет). Поэтому примеры типа (16) можно интерпретировать следующим образом: ‘А я не понимаю [ее говорение]’.

Как было сказано в Введении, в посессивной группе и в некоторых других похожих конструкциях существительное в позиции обладателя употребляется в форме, которую В.А. Аврорин называет беспадежной и которая морфологически совпадает с номинативной. Это доказывается тем, что как в позиции субъекта ЗП, так и в позиции обладателя посессивной ИГ может употребляться рефлексивная форма имени, которая морфологически совпадает с аккузативом, а не номинативом, см. (18) и (7) соответственно:

- (18) [*nəu-wəəri*   *uŋ-kim-bə-ni*]   *əčia*   *doolže-a-či*
 мл.брат-REFL.PL   сказать-PST-ACC-3SG   NEG.PST   слышать-NEG-3PL
 ‘Они не услышали, что сказал их младший брат.’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 40]

В этом разделе были представлены структуры наиболее частотных КСА в нанайском языке. Однако в текстах иногда встречаются предложения, которые не соответствуют описанным структурам, а потому требуют дополнительного анализа. В некоторых случаях их можно анализировать как конструкции контроля или подъема. В следующем разделе будут рассмотрены различные нанайские конструкции, в которых — по крайней мере на первый взгляд — допустим анализ в терминах контроля или подъема.

5. Конструкции контроля и подъема в нанайском языке

5.1. Конструкции стандартного контроля

Основным претендентом на конструкции стандартного контроля являются КСА с кореферентным субъектом в ГП и ЗП. Как было показано в разделе 4, здесь можно выделить три типа конструкций: с безличной формой причастия (пример 11), с рефлексивной формой причастия (пример 15) и с одновременным деепричастием (пример 12) в качестве вершины ЗП. Во всех этих случаях субъект выражен только в ГП и предполагается совпадение субъекта в ЗП:

- (12') *Си_i элэ [Δ_i хола-ми] отоли-а-чи = тани!*
 ты уже читать-CVB.SIM.SG уметь-ASSERT.PRS-2SG = a
 'Ты уже читать научился ведь!' [Аврорин 1961: 143]

Косвенным свидетельством в пользу стандартного контроля служит возможность употребления в ЗП местоимения *тəпə*, которое в простом предложении примыкает к подлежащему (см. 19):

- (19) *žəpət-bi n'əapi təpə waə-xa-ni*
 певунья-REFL.SG он(а) сам убить-PST-3SG
 'Птичку-певунью он сам убил.'
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 38]

В примере (19) местоимение *тəпə* 'сам' примыкает к подлежащему *n'əapi* 'он'. Это местоимение характеризует субъект^{4, 5} и не имеет других падежных форм [Аврорин 1959].

- (20) *Чаду = māt (OK нёанчи) чū улэн-ži тəпкэлигу-хэ-чи*
 там = словно они самый хороший-INS разобратсья-PST-3PL

[Δ_i *мэнэ пулси-хэм-бэри, би-чим-бэри*
 сам ходить-PST-REFL.PL быть-PST-REFL.PL

тəлуңгу-чи нимнан-чи най ниру-гу-э-ни.
 легенда-DIR сказка-DIR человек писать-CVB.PURP-OBL-3SG

{Мерген взял отца за ноги и в окно, разрывая его, выбросил. После этого и свою мать бросил. Старик и старуха на улице кувыркнулись через голову и сразу оказались на ногах. Тут они стали такими же, как были в своей молодости.} 'Только тогда (они) очень хорошо разобрались в том, как сами странствовали, жили, чтобы люди написали (об этом) в легендах и в сказках.' [по Аврорин 1986: 112]

В примере (20) представлена КСА с рефлексивными причастиями в вершине ЗП. В ЗП также присутствует местоимение *тəпə*, которое реферирует к подлежащему ЗП, совпадающему с подлежащим ГП. В исходном

⁴ В.А. Аврорин [1959: 258–260], описывая категорию определительных местоимений, куда входит и местоимение *тəпə*, указывает, что они также могут характеризовать объект действия. Однако для местоимения *тəпə* соответствующих примеров не приводится, и нами они тоже не зафиксированы.

⁵ Здесь не учитываются атрибутивные употребления *тəпə* типа *тəпə пəи* 'свой младший брат' [сам мл.брат-REFL.SG]. Такие употребления В.А. Аврорин трактует как омонимичное определительному возвратно-притяжательное местоимение [Аврорин 1959: 252–254].

примере в тексте в ГП подлежащее тоже не выражено, т. е. оно не выражено ни в одной из клауз сложного предложения. Это довольно типично для нанайского языка, поскольку нанайский — язык pro-drop. Подлежащее легко можно восстановить из левого контекста.

В КСА с кореферентным субъектом контроль обязателен: в ЗП невозможно употребление выраженного субъекта.

В рассмотренных примерах представлен субъектный контроль: субъект ЗП определяется субъектом ГП. В нанайском языке также возможны конструкции контроля, в которых субъект ЗП задается другими аргументами ГП, например, прямым дополнением (21). Конструкции косвенного контроля в нанайском языке не зафиксированы.

(21) <...> *n'oam-ba-ni_i* *xaj-ri* *gələ-j* *bi-č'i* *tuj = bəki*
 он-ACC-3SG   делать.так-PRS   просить-PRS   быть-PST   так = PART

[Δ_i *samandaa-go-a-ni*] <...>
 камлать-CVB.PURP-OBL-3SG

‘Позвали его камлать.’

[Нанайский корпус, nmch_110815_ns_MatjJagody]

Можно было бы допустить, что в (21) представлена конструкция подъема, а не контроля: субъект ЗП ‘он’ поднимается в позицию прямого дополнения в ГП. Однако такая трактовка кажется менее подходящей, поскольку в предложении (21) можно опустить СА без серьезного изменения значения предложений, ср. английские конструкции подъема в (1–1'), где опущение СА сильно меняет смысл исходного предложения. Так, в примере (21) при опущении СА сохраняется утверждение ‘они позвали его’, а само предложение без СА остается полноценным и может быть использовано примерно в том же контексте. Оно отличается лишь тем, что в нем не детализируется цель, с которой позвали героя рассказа.

Конструкции объектного контроля зафиксированы и, вероятно, возможны только в КСА с разными субъектами в ЗП и ГП. Вершина ЗП при этом согласуется по лицу и числу с соответствующим аргументом ГП.

5.2. Конструкции стандартного подъема

В нанайском языке, как кажется, возможны конструкции подъема, хотя они достаточно редки и поэтому определить условия их употребления по текстам сложно. Пример (22) демонстрирует конструкцию стандартного подъема:

- (22) *mii simbiə_i [Δ_i nuuč_i-du-i amen-ž_e-i pulsi-xəm-bə-si]*
 я ты.ACC маленький-DAT-REFL.SG отец-INS-REFL.SG ходить-PST-ACC-2SG

əžəč_i-i

помнить.PRS-1SG

‘Я помню, как ты в детстве приезжал к нам со своим отцом.’

[Герасимова 2006: 211]

В предложении (22) субъект ЗП — личное местоимение 2 л. ед. ч., что подтверждается показателем согласования на причастии *pulsixəmbəsi*. При этом субъект выражен не в ЗП, а в ГП. По своей структуре это предложение похоже на конструкции объектного контроля, в которых субъект ЗП является копией объектного аргумента ГП (как в (21)), а не наоборот. Однако эта интерпретация опровергается тем, что при опущении СА в (22) значение предложения радикально меняется и не выводимо из изначального утверждения: ‘я помню тебя’ ≠ ‘я помню, как ты в детстве приезжал к нам со своим отцом’.

Пример (22) также допускает другую интерпретацию, согласно которой подъем в этой структуре отсутствует:

- (22') *mii [simbiə nuuč_i-du-i amen-ž_e-i pulsi-xəm-bə-si]*
 я ты.ACC маленький-DAT-REFL.SG отец-INS-REFL.SG ходить-PST-ACC-2SG

əžəč_i-i

помнить.PRS-1SG

‘Я помню, как ты в детстве приезжал к нам со своим отцом.’

[Герасимова 2006: 211]

При этой интерпретации местоимение *simbiə* включено в ЗП и представляет собой нестандартное маркирование субъекта ЗП — не номинативной/беспадежной формой, а аккузативом. Такая модель встречается в языках мира, например в калмыцком [Сердобольская и др. 2016]. Эту интерпретацию опровергают примеры с матричными предикатами, которые управляют другими падежами, как в (23):

- (23) *too-ko-i-do-i n'əani doolž_e-xa-ni saman*
 идти.от.берега-REP-PRS-DAT-REFL.SG он слышать-PST-3SG шаман

uŋčuxun-dulə-ni_i jaŋpaan-dola-ni_i [Δ_i jaogi-i-wa-ni]

бубен-LOC-3SG

шаманский.пояс-LOC-3SG

греметь-PRS-ACC-3SG

‘Когда он поднимался, услышал, как гремит шаманский бубен и шаманский пояс.’ [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 40]

В примере (23) субъект ЗП ‘шаманский бубен и шаманский пояс’ оформлен не аккузативом, а локативом, что соответствует аргументной структуре глагола *doolžə-* ‘слышать’ и обозначает источник звука [Oskolskaya, Stoynova 2023: 78]. Наличие таких примеров опровергает интерпретацию (22') — и в предложении (22), и в предложении (23) имеет место подъем субъекта ЗП в ГП, а не нестандартное маркирование субъекта ЗП.

В примерах (22) и (23) происходит подъем субъекта ЗП в позицию прямого и периферийного дополнения ГП соответственно. Подъем в позицию подлежащего в нанайских текстах не зафиксирован. Можно было бы ожидать его в конструкциях, аналогичных по семантике русским конструкциям с глаголом *казаться* (*Он показался мне хорошим человеком* < *Мне показалось, что он хороший человек*). Однако такие предикаты в нанайском отсутствуют.

5.3. Конструкции обратного контроля и подъема

Обнаружить в нанайском языке по текстам конструкции обратного контроля или подъема довольно трудно, учитывая, что они в целом для разных языков описываются не очень часто, а для обратного подъема и вовсе отсутствуют однозначные примеры, не вызывающие критики. Здесь будет рассмотрена нанайская синтаксическая конструкция, которая по разным причинам может допускать интерпретацию обратного контроля. А проверка этой интерпретации будет ждать дополнительного исследования.

Интерпретацию обратного контроля допускают КСА, в которых в качестве вершины ЗП используется одновременное деепричастие. Выше уже рассматривался пример (14), для которого была предложена интерпретация, исключающая полипредикативность: сочетание одновременного деепричастия с финитным глаголом рассматривалось как цельный сложный предикат:

(14) с. *tawaŋki*   *Sižəkə*   *mənə*   *puril-ži-i*   *gəsə*
 дальше   Сидекэ   сам   дети-INS-REFL.SG   вместе

[*bi-məəri*   *dəruu-xə-či*]
 быть-CVB.SIM.PL   начать-PST-3PL

{Однажды Вэлинэ, отец Пугэ, заболел ещё сильнее и от болезни умер.} ‘После этого Сидекэ со своими детьми одна стала жить.’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 44]

Попробуем проанализировать его иначе, допустив, что имеет место обратный контроль:

- (14) d. *tawaŋki* [(*Sižəkə* *mənə* *puril-ži-i* *gəsə*)_i *bi-mæri*]
 дальше Сидекэ сам дети-INS-REFL.SG вместе быть-CVB.SIM.PL

Δ_i *dəruu-xə-či*
 начать-PST-3PL

{Однажды Вэлинэ, отец Пугэ, заболел ещё сильнее и от болезни умер.} ‘После этого Сидекэ со своими детьми одна стала жить.’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 44]

Структура в (14d) предполагает, что кореферентный субъект выражен только в ЗП, а в ГП не выражен, но вызывает согласование на глаголе. В пользу такого анализа могут служить следующие аргументы. Во-первых, среди подобных примеров встречаются предложения, в которых субъект занимает позицию между прямым дополнением и вершиной ЗП, от которой это дополнение зависит:

- (24) [*etoam-ba* *naj* *aŋsii-mi*] *xoži-i-nii* <...>
 поминальный.шалаш-ACC человек делать-CVB.SIM.SG закончить-PRS-3SG
 ‘Как только закончили делать шалаш для поминок...’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 38]

Так, в примере (24) подлежащее *naj* стоит после прямого дополнения *etoamba* ‘поминальный шалаш’, зависящего от глагола *aŋsiimi* ‘делать’. Впрочем, такой порядок слов также допустим при использовании составного предиката в простом предложении.

Другой аргумент заключается в свойствах одновременного деепричастия. Одна из самых частотных его функций — оформление клауз в нарративных цепочках, как в (25):

- (25) [*n’oani* *naonžokaan* *ətiə-wə-ni* *žapa-mii*] *palan-či*
 он мальчик люлька-ACC-3SG брат-CVB.SIM.SG пол-DIR

naŋgala-xa-ni
 бросить.PFV-PST-3SG

‘Он взял люльку мальчика и бросил на пол.’
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 44]

Такие нарративные цепочки могут быть разной длины и включать в себя несколько клауз. Семантически эти клаузы равноправны (как в сложно-сочиненных предложениях в русском языке). Однако синтаксически все клаузы, кроме последней, оформляются нефинитными формами (деепричастиями или причастиями без согласовательных показателей), что характеризует их как зависимые клаузы от последней, в которой предикат выражен финитной формой. В таких цепочках подлежащее может быть выражено только в первой клаузе и подразумеваться в остальных. Тогда оказывается, что кореферентное подлежащее выражено в зависимой предикации, а в главной — не выражено, хотя вызывает согласование на глаголе:

- (25') [n'oani_i   naoŋžokaan   ətiə-wə-ni   žara-mii]   Δ_i   palan-či
 он   мальчик   люлька-ACC-3SG   брать-CVB.SIM.SG   пол-DIR
- naŋgala-xa-ni
 бросить.PFV-PST-3SG
 'Он взял люльку мальчика и бросил на пол.'
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 44]

Если считать, что в КСА с одновременными деепричастиями такая же структура (см. (14d) и (24')), то такие предложения можно интерпретировать как конструкции обратного контроля.

- (24') [etoam-ba   naj_i   aŋsii-mi]   Δ_i   xoži-i-nii <...>
 поминальный.шалаш-ACC   человек   делать-CVB.SIM.SG   закончить-PRS-3SG
 'Как только закончили делать шалаш для поминок...'
 [Нанайский корпус, Аврорин 1986, текст 38]

Конструкции, которые можно было бы интерпретировать как обратный подъем, в нанайском языке пока не обнаружены.

6. Заключение

Сентенциальные актанты в нанайском языке чаще всего оформляются причастиями. Употребления с деепричастиями довольно редки и возможны только при кореферентном субъекте зависимой и главной клауз. В этих случаях употребляется одновременное деепричастие. При кореферентном субъекте обязательны конструкции контроля: субъект выражен только в главной предикации и вызывает согласование в зависимой пре-

дикации. При некорреферентных субъектах в большинстве случаев нет ни контроля, ни подъема: субъект главной предикации выражен номинативной формой в главной предикации, а субъект зависимой предикации выражен немаркированной (номинативной или беспадежной) формой в зависимой предикации. Однако иногда в текстах встречаются отклонения от этой структуры. Так, возможны конструкции объектного контроля, когда субъект зависимой предикации задается неподлежащим аргументом главной предикации и выражен только в главной предикации. Изредка употребляются конструкции, которые можно интерпретировать как стандартный подъем: субъект зависимой предикации оказывается выражен в главной предикации. Что касается конструкций обратного контроля и подъема, то надежных свидетельств о том, что они встречаются в нанайском языке, пока не обнаружено. Возможно, в качестве конструкции обратного контроля можно рассматривать конструкцию с сентенциальным актантом с одновременным деепричастием в качестве вершины. В соответствии с одним из гипотетических анализов, субъект главной предикации, корреферентный субъекту зависимой предикации, выражен только в зависимой предикации, но также вызывает согласование на финитном глаголе в главной предикации. Однако этот анализ требует дополнительной проверки.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивность; ASSERT — утвердительное наклонение; CAUS — каузатив; COMP — комплементаризер; COND — кондиционал; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEB — дебитив; DIM — диминутив; DIR — директив; IMPRS — безличная форма; INCH2 — инхоатив *-psEN*; INS, INSTR — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; PART — частица; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PURP — целевое деепричастие; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременное деепричастие; SUP — супин.

Список источников / References

- Аврорин 1948 — Аврорин В. А. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л.: Учпедгиз, 1948. [Avrorin V. A. Oчерki po sintaksisu nanayskogo yazyka [Essays on the syntax of the Nanai language]. Leningrad: Uchpedgiz, 1948.]
- Аврорин 1959 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. Москва — Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1959. [Avrorin V. A. Grammatika nanayskogo yazyka [Grammar of the Nanai language]. Vol. 1. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959.]

- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. Москва — Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1961. [Avrorin V. A. Grammatika nanayskogo yazyka [Grammar of the Nanai language]. Vol. 2. Moscow — Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961.]
- Аврорин 1981 — Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. [Avrorin V. A. Sintaksicheskie issledovaniya po nanayskomu yazyku [Syntactic studies on the Nanai language]. Leningrad: Nauka, 1981.]
- Аврорин 1986 — Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [Avrorin V. A. Materialy po nanayskomu yazyku i fol'kloru [Materials on the Nanai language and folklore]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Бельды, Булгакова 2012 — Бельды Р. А., Булгакова Т. Д. Нанайские сказки. Norderstedt: Verl. der Kulturstiftung Sibirien, SEC Publ, 2012. [Beldy R. A., Bulgakova T. D. Nanayskie skazki [Nanai fairy tales]. Norderstedt: Verl. der Kulturstiftung Sibirien, SEC Publ, 2012.]
- Герасимова 2006 — Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с улчским. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 2006. [Gerasimova A. N. Polipredikativnye konstruksii nanayskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim [Polypredicative constructions of the Nanai language in comparison with Ulch]. Cand. diss. Novosibirsk: Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS, 2006.]
- Киле 1973 — Киле Н. Б. Образные слова нанайского языка. Л.: Наука, 1973. [Kile N. B. Obraznye slova nanayskogo yazyka [Ideophone words of the Nanai language]. Leningrad: Nauka, 1973.]
- Киле (ред.) 1996 — Киле Н. Б. (сост.). Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу. Новосибирск: Наука, 1996. [Kile N. B. (comp.). Nanayskiy fol'lor: Ningman, siokhor, telungu [Nanai folklore: ningman, siokhor, telungu]. Novosibirsk: Nauka, 1996.]
- Коряков и др. 2022 — Коряков Ю. Б., Давидюк Т. И., Харитонов В. С., Евстигнеева А. П., Сюрюн А. А. Список языков России и статусы их витальности. Препринт. М.: Институт языкознания РАН, 2022. [Koryakov Yu. B., Davidyuk T. I., Kharitonov V. S., Evstigneeva A. P., Syuryun A. A. Spisok yazykov Rossii i statusy ikh vital'nosti [List of languages of Russia and their vitality statuses]. Preprint. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2022.]
- Лютикова 2022 — Лютикова Е. А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2022. № 5. С. 27–45. [Lyutikova E. A. Does Russian attest syntactic raising? Part 1: infinitival clauses // Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology. 2022. No. 5. Pp. 27–45.]
- Лютикова 2025 — Лютикова Е. А. Ролевая гипотеза и структура клаузы дагестанских языков // Вопросы языкознания. 2025. № 6. С. 89–119. [Lyutikova E. A. The Role Hypothesis and the clause structure of the Northeast Caucasian languages // Voprosy Jazykoznanija. 2025. No. 6. Pp. 89–119.]
- Оскольская 2015 — Оскольская С. А. Показатель «косвенных падежей» в нанайском языке // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2015. Т. XI. № 2. С. 379–397. [Oskolskaya S. A. The marker of "oblique cases" in the Nanai language // Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for linguistic studies, RAS. 2015. Vol. XI, No. 2. Pp. 379–397.]
- Оскольская, Стойнова 2017 — Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Дифференцированное маркирование объекта в нанайском языке // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2017. Т. XIII. № 3. С. 336–370. [Oskolskaya S. A., Stoynova N. M. Differential object marking in the Nanai language // Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for linguistic studies, RAS. 2017. Vol. XIII, No. 3. Pp. 336–370.]

- Оскольская и др. 2024 — Оскольская С. А., Шрейбер А. С., Якубой А. И. Корпус нанайского языка. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ, 2024. 25.11.2025. <https://lingconlab.ru/nanai> [Oskolskaya S. A., Shreiber A. S., Yakuboy A. I. Nanai corpus. Moscow: International Laboratory of Language Convergence, HSE University, 2024. 25 November 2025. <https://lingconlab.ru/nanai>]
- Петрова 1941 — Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. [Petrova T. I. Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka [An outline of the Nanai grammar]. Leningrad: Uchpedgiz, 1941.]
- Сем 1976 — Сем Л. И. Очерки диалектов нанайского языка: Бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976. [Sem L. I. Ocherki dialektov nanayskogo yazyka: Bikinskiy (ussuriyskiy) dialekt [Essays on the dialects of the Nanai language: Bikinsky (Ussuri) dialect]. Leningrad: Nauka, 1976.]
- Сердобольская и др. 2016 — Сердобольская Н. В., Аркадьев П. М., Шкапа М. В. К типологии подъема и смежных явлений: неканоническое маркирование актантов в актантных и обстоятельственных предложениях // Rhema Рема. 2016. № 1. С. 74–91. [Serdobol'skaya N. V., Arkad'yev P. M., Shkapa M. V. On the typology of raising and related phenomena: non-canonical argument marking in complemental and circumstantial sentences // Rhema Рема. 2016, No 1. Pp. 74–91.]
- Стойнова 2016 — Стойнова Н. М. Имперсональные конструкции в нанайском языке: актантные преобразования, модальность, хаби́туалис // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. 12. № 1. С. 679–691. [Stoynova N. M. Impersonal constructions in the Nanai language: actant transformations, modality, habituals // Acta linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for linguistic studies, RAS, 2016, Vol. 12, No. 1. Pp. 679–691.]
- Столяров 1997 — Столяров А. В. Нанайский язык: социолингвистическая ситуация и перспектива сохранения // Насилов Д. М. (ред.). Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 120–127. [Stolyarov A. V. The Nanai language: sociolinguistic situation and prospects for preservation // Nasilov D. M. (ed.). Malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Problemy sokhraneniya i razvitiya. St Petersburg: ILI RAN, 1997. Pp. 120–127.]
- Тестелец 2009 — Тестелец Я. Г. Невыраженные актанты в полипредикативной конструкции // Тестелец Я. Г. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 654–711. [Testeleets Ya. G. Unexpressed arguments in polypredicative construction // Testeleets Ya. G. (ed.). Aspekty polisintetizma: ocherki po grammatike adygeyskogo yazyka. Moscow: RGGU, 2009. Pp. 654–711.]
- Харитонов 2017 — Харитонов В. С. Относительные предложения в нанайском языке. Магистерская дисс. М.: МПГУ, 2017. [Kharitonov V. S. Otnositel'nye predlozheniya v nanayskom yazyke [Relative clauses in the Nanai language]. Master's Thesis. Moscow: MPGU, 2017.]
- Циммерлинг 2025 — Циммерлинг А. В. Конструкции подъема в русском языке // Русская грамматика: полипарадигмальность как методологический принцип современных научных исследований. Сборник статей по итогам IX Международного научного симпозиума (г. Иркутск, 23–27 сентября 2025 г.). Иркутск: Издательство ИГУ, 2025. С. 38–45. [Zimmerling A. V. Raising constructions in Russian // Russkaya grammatika: poliparadigmal'nost' kak metodologicheskii printsip sovremennykh nauchnykh issledovaniy. Sbornik statey po itogam IX Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (g. Irkutsk, 23–27 sentyabrya 2025 g.). Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 2025. Pp. 38–45.]

- Kazama (ed.) 1993 — Kazama S. (ed.). Nanay texts. Otaru: Center for Language Studies, Otaru University of Commerce, 1993.
- Kazama (ed.) 2008 — Kazama S. (ed.). Nanay folk tales and legends. Hokkaido: Graduate School of Letters, Hokkaido University, 2008.
- Oskolskaya 2020 — Oskolskaya S. Nanai and the Southern Tungusic languages // Robbeets M., Savelyev A. (eds.). The Oxford guide to the Transeurasian languages. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 305–320.
- Oskolskaya, Stoynova 2023 — Oskolskaya S., Stoynova N. Ablatives in Nanaic languages // Tomsk journal of linguistics and anthropology. 2023. № 3(41). P. 71–89.
- Polinsky, Potsdam 2002 — Polinsky M., Potsdam E. Backward control // Linguistic inquiry. 2002. V. 33. № 2. P. 245–282.
- Polinsky, Potsdam 2006 — Polinsky M., Potsdam E. Expanding the scope of control and raising // Syntax. 2006. V. 9. № 2. P. 171–192.
- Postal 1970 — Postal P. M. On coreferential complement subject deletion // Linguistic inquiry. 1970. V. 1. № 4. P. 439–500.
- Postal 1974 — Postal P. M. On raising: one rule of English grammar and its theoretical implications. Cambridge, Mass: M.I.T. Press, 1974.

Статья поступила в редакцию 25.11.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was received on 25.11.2025; approved after reviewing 09.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Софья Алексеевна Оскольская

кандидат филологических наук; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина / Институт лингвистических исследований РАН

Sofia Oskolskaya

Ph.D.; Pushkin State Russian Language Institute / Institute for Linguistic Studies RAS

sonypolik@mail.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.69.28.005

СИМИЛЯТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ГЛАГОЛОМ *КÆНЫН* ‘ДЕЛАТЬ’ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Ю.В. Сеницына

МГУ имени М.В. Ломоносова / Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина

Аннотация: Объектом исследования, выполненного на материале иронского диалекта осетинского языка (< иранские < индоевропейские), является симилятивная конструкция с глаголом *кæнын* ‘делать’ и причастием прошедшего времени с генитивным зависимым: *бирæгъ-ы хæрд кæн-ы* (волк-GEN есть.РТСР.PST делать-PRS.3SG) ‘[он/она] ест как волк’. Рассмотрены свойства данной конструкции в сравнении с конструкциями со специальными сравнительными маркерами *-ау* (EQU) и *хуы-зæн* ‘подобно’; также рассмотрены свойства генитивной группы с причастием в сравнении с номинализациями с генитивным субъектом и посессивными именными группами. В заключении обсуждается место стратегии выражения симилятивного значения при помощи глагола ‘делать’ в рамках типологической классификации сравнительных конструкций.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, симилятивные конструкции, осетинский язык

Для цитирования: Сеницына Ю.В. Симилятивная конструкция с глаголом *кæнын* ‘делать’ в осетинском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 1. С. 99–111.
doi:10.37632/PI.2025.69.28.005

---

* Исследование поддержано грантом РНФ №25-18-00222, выполняемым в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

SIMILATIVE CONSTRUCTION WITH THE VERB *кѐнѐн* ‘DO’ IN OSSETIC*

Julia Sinitsyna

*Lomonosov Moscow State University /
Pushkin State Russian Language Institute*

Abstract: The study deals with one simulative construction [N-GEN PTCP.PST *кѐнѐн*] in the Iron Ossetic (<Iranian<Indo-European): *бирѐг-ѐ хѐрд кѐн-ѐ* (wolf-GEN eat.PTCP.PST do-PRS.3SG) ‘[he/she] eats like a wolf.’ This construction is compared with constructions with special equative-simulative markers *-au* [EQU] and *хъѝѝѐн* ‘like’. The genitive group [N-GEN PTCP.PST] is considered in comparison with nominalizations with a genitive marked subject and possessive noun phrases. Moreover, I discuss the place of the strategy of expressing a simulative meaning using the verb ‘do’ in the typological classification of comparative constructions.

Keywords: comparative constructions, simulative constructions, Ossetic

For citation: Sinitsyna J. Simulative construction with the verb *кѐнѐн* ‘do’ in Ossetic. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 1. Pp. 99–111. (In Rus.) doi:10.37632/Pl.2025.69.28.005

1. Введение

Статья посвящена одной симилиативной конструкции в иронском диалекте осетинского языка (<иранские<индоевропейские), см. (1). Элементами данной конструкции являются причастие прошедшего времени (*хѐрд*), оформленное генитивом зависимое имя (*бирѐгъ-ы* волк-GEN) и глагол *кѐнын* ‘делать’. Мы будем называть конструкцию симилиативной, так как два события в (1) — ‘[он/она] ест’ и ‘волк ест’ — сравниваются по некоторому общему образу действия. Симилиативным конструкциям противопоставляются эквативные конструкции, которые сопоставляют сравниваемые объекты по одинаковой степени проявления признака (ср., например, англ. *John is as tall as Mary* ‘Джон такой же высокий, как Мэри’), см. подробнее [Haspelmath, Buchholz 1998; Rett 2020] и др.

---

* The research is supported by RSF (project №25-18-00222) carried out at Pushkin State Russian Language Institute.

- (1) *бирæгъ-ы хæрд кæн-ы*
 волк-GEN есть.PTCP.PST делать-PRS.3SG
 ‘кушает, как волк’ [Багаев 1965: 338]

Конструкция в (1) примечательна тем, что выражает сравнительное значение без каких-либо специальных элементов, встречающихся в осетинском языке в других сравнительных конструкциях, — послелого *хуызæн* ‘подобно’ (2), эквативного падежа *-ау* (3), союза *куыд* ‘как’ (4). В отличие от примеров (2)–(4), симилятивное значение в (1) получается из комбинации глагола *кæнын* ‘делать’ и генитивной группы с причастием прошедшего времени (буквально ‘он делает еду волка’ > ‘он ест как волк’).

- (2) *Алан Мадинаæ-йы хуызæн бæрзонд у.*
 Алан Мадина-GEN подобно высокий быть.PRS.3SG
 ‘Алан высокий, как Мадина.’

- (3) *Мадинаæ булæмæргъ-ау зар-ы.*
 Мадина соловей-EQU петь-PRS.3SG
 ‘Мадина поет как соловей.’

- (4) *Уый гæппы-тæ кæн-ы тæрхъус куыд кæн-ы, афтæ.*
 тот прыжок-PL делать-PRS.3SG заяц как делать-PRS.3SG так
 ‘Он прыгает так же, как прыгает заяц.’

С точки зрения структурных параллелей попробуем определить общие элементы, характерные для эквативных и симилятивных конструкций:

- стандарт сравнения — элемент, с которым сравнивается тот или иной объект сравнения; *бирæгъ* ‘волк’ в (1), *Мадинаæ* в (2), *булæмæргъ* ‘соловей’ в (2); *тæрхъус кæны* ‘заяц прыгает’ в (4);
- параметр сравнения — признак или свойство, по которому производится сравнение; в (1), (3) и (4) подразумевается образ действия; в (2) параметром сравнения является рост.

В грамматических описаниях осетинского языка (например, [Багаев 1965]) встречается упоминание симилятивной конструкции с глаголом *кæнын*, однако подробно она не рассматривается. В исследовании сравнительных конструкций со значением равенства [Синицына 2023] данная конструкция не рассматривалась по причине отсутствия в структуре специального сравнительного маркера. Некоторые наблюдения относительно поведения данной конструкции с провербами были сделаны А.П. Выдри-

ным в рамках исследования системы глагола осетинского языка [Выдрин 2014]. Подробного анализа данной конструкции, однако, также не приводится. Таким образом, настоящее исследование продолжает серию исследований, освещающих сравнительные конструкции в осетинском языке в типологической перспективе [Синицына 2022, 2023; Хомченкова, Синицына 2024; Алексеев, Синицына 2024]. Задача описания сравнительных конструкций представляется актуальной и в свете исследований конструкций подъема, так как сравнительные маркеры довольно часто встречаются в данных контекстах, ср., например, англ. *John seems like he is ill* 'Джон выглядит больным'.

Цель настоящего исследования заключается в детальном описании свойств симилятивной конструкции с глаголом *кæнын*. В основу описания легли параметры, выделенные для сравнительных конструкций со специальными маркерами, а также свойства генитивных посессоров, номинализаций с генитивными субъектами и сложных глагольных комплексов в осетинском языке, подробнее они прокомментированы в разделе 2. Материал собран методом анкетирования в ходе экспедиций в г. Владикавказ Республики Северная Осетия–Алания в 2022–2023 гг. Примеры, полученные в ходе элицитации, приводятся без помет в литературной орфографии. Примеры из других источников также адаптированы под литературную орфографию, глоссирование примеров из источников при необходимости унифицировано.

Далее статья имеет следующую структуру. В разделе 2 кратко обсуждаются основные параметры межъязыкового варьирования эквативных и симилятивных конструкций и их реализация в осетинском языке, а также приводятся некоторые свойства сложных глаголов, номинализаций и генитивных посессоров. Раздел 3 посвящен свойствам симилятивной конструкции с глаголом *кæнын* 'делать', в разделе 4 обсуждается место рассмотренных конструкций в типологической классификации сравнительных конструкций. Краткие итоги приведены в разделе 5.

2. Обзор предыдущих исследований

Параметрами межъязыкового варьирования в области эквативных и симилятивных конструкций являются, среди прочих, референциальный статус стандарта сравнения; одушевленность стандарта сравнения; возможность эксплицитного выражения параметра сравнения.

Данные параметры легли в основу исследования [Синицына 2023], посвященного эквативным и симилиативным конструкциям в осетинском языке с показателями *-ау* и *хуызæн*. Было отмечено предпочтительное использование эквативного падежа в конструкциях с родовым стандартом, ср. (5) и (3), хотя нельзя однозначно постулировать запрет на сочетание эквативного падежа *-ау* с конкретно-референтными стандартами — ср. (6) ниже. Каких-либо ограничений на сочетание послелога *хуызæн* со стандартом в зависимости от референциального статуса выявлено не было.

- (5) *Æз Алан-ы хуызæн / ?Алан-ау зар-ын.*
 я Алан-GEN подобно Алан-EQUпеть-PRS.1SG
 ‘Я пою как Алан.’

Конструкции со сравнительными маркерами *-ау* и *хуызæн* допускают эксплицитное выражение параметра сравнения (6). Отметим, что нейтральным порядком элементов сравнительных конструкций в осетинском языке является порядок ‘объект сравнения — стандарт — параметр сравнения’, что верно как для эквативных (6), так и для компаративных (7) конструкций.

- (6) *Мадинаæ маен-ау хъæр-æй худт кæн-ы.*
 Мадина я-EQU звук-ABL смеяться.PTCP.PST делать-PRS.3SG
 ‘Мадина смеется громко, как я.’

- (7) *Сослан Мадинаæ-йæ бæрзонд-дæр у.*
 Сослан Мадина-ABL высокий-CMPR быть.PRS.3SG
 ‘Сослан выше Мадина.’

Также было выявлено, что конструкции с маркерами *-ау* и *хуызæн* ориентированы не только на субъект. В (8) сравниваются погодные условия в двух местах, и данные локативные участники занимают позицию косвенного локативного дополнения.

- (8) *Дзæуджыхъæу-ы Африкæ-йæу / Африкæ-йы хуызæн*
 Владикавказ-IN Африка-EQU Африка-GEN подобно
тæвд у.
 жаркий быть.PRS.3SG
 ‘Во Владикавказе жарко, как в Африке.’

Так как рассматриваемая нами конструкция представляет собой сочетание глагола *кæнын* и нефинитной глагольной формы с зависимой генитивной именной группой, обратимся к соответствующим исследованиям. Генитивный посессор не может быть оторван от именной вершины (9), в том числе между генитивным посессором и вершиной нельзя вставить клитику второй позиции (10). Считается, что клитики второй позиции в осетинском ставятся после первой полной составляющей, о других возможных позициях клитик в осетинском см. [Lowe, Belyaev 2015].

- (9) а. *Федт-он Зауыр-ы æмбал.*
видеть-PST.1SG Заур-GEN друг
б. **Зауыр-ы федт-он æмбал.*
Заур-GEN видеть-PST.1SG друг
'Я видел друга Заура.' {a = b} [Serdobolskaya, Belyaev 2022: 330]
- (10) *Зауыр-ы <*мæм> æмбал <мæм> æрба-цъд-и.*
Заур-GEN я.ALL друг я.ALL PV-идти-PST.3SG
'Друг Заура пришел ко мне.' [Serdobolskaya, Belyaev 2022: 330]

В то же время если именная группа в генитиве — субъект номинализации, то между номинализацией и субъектом может находиться различный материал, например, прямой объект (11). Кроме этого, в (11) используется сложный глагол *ацъæл кæнын*, состоящий из именной части *цъæл* 'сло-манный' и глагольного компонента *кæнын* 'делать'. В следующем разделе мы отдельно рассмотрим допустимость подобных комплексов в конструкции с симилиативным значением.

- (11) *Алан-ы машинæ а-цъæл конд-ы фæстæ...*
Алан-GEN машина PV-сломанный делать.PTCP.PST-GEN после
'После того, как Алан сломал свою машину...'
[Lyutikova, Tatevosov 2016: 331]

Наконец, как показал А.П. Выдрин, проверб в сравнительной конструкции присоединяется к финитной глагольной части (12). Это отличает данную конструкцию от случаев сложных глаголов, когда провербы находятся перед первым (именным) компонентом (13).

- (12) *Бирæгъ-ы хæрд фæ-кæн-ы.*
волк-GEN есть.PTCP.PST PV-делать-PRS.3SG
'Он обычно ест как волк.' [Выдрин 2014: 61]

(13) *С-арт*   *кодт-а.*

PV-огонь   делать-PST.3SG

‘Он развел огонь.’ [Абаев 1959: 90, цит. по Выдрин 2014: 43]

Таким образом, в следующем разделе мы рассмотрим симилятивные конструкции с глаголом *кæнын* по следующим параметрам, значимым для сравнительных конструкций: референциальный статус, одушевленность стандарта сравнения; возможность эксплицитного выражения параметра сравнения.

Кроме этого, мы сравним свойства данной конструкции со свойствами номинализаций и посессивных именных групп, проверив возможность разорвать генитивную группу с причастием несколькими способами:

- с помощью прямого дополнения, выраженного именем/клитикой;
- с помощью эксплицитно заданного параметра сравнения;
- частью сложного глагола или идиоматизированного выражения.

3. Свойства симилятивной конструкции с *кæнын*

Опрос носителей не выявил ограничений на референциальный статус стандарта сравнения в конструкции с глаголом *кæнын*. Местоимение *мæ* (POSS.1SG) в (14) является примером конкретно-референтного стандарта, в (1) приведен пример конструкции с родовым стандартом.

(14) *Мадинаæ*   *мæ*   *худт*   *кæн-ы.*

Мадина   POSS.1SG   смеяться-PTCP.PST   делать-PRS.3SG

‘Мадина смеется как я.’

Также не было обнаружено различий в приемлемости исследуемой конструкции в зависимости от одушевленности стандарта сравнения, что иллюстрируют примеры (14) с одушевленным и (15) с неодушевленным стандартами.

(15) *Автобус*   *поезд-ы*   *цъд*   *кæн-ы.*

автобус   поезд-GEN   идти-PTCP.PST   делать-PRS.3SG

‘Автобус едет как поезд.’

Конструкции с *кæнын* могут описывать ситуации, предполагающие пациентивных участников (16). Однако в силу структурных особенностей в качестве объекта сравнения может быть только подлежащее.

- (16) *Салдаѣт-тѣ <...> кѣуырма кѣрчы-т-ы хуыст*
 солдат-PL глухой курица-PL-GEN лежать.PTCP.PST

с-кодт-ой.

PV-делать-PST.3PL

‘солдаты <...> легли, как глухие курицы.’ [ОНК]

Таким образом, исследуемая конструкция сближается с конструкциями со сравнительными маркерами *-ау* и *хуызѣн* по параметрам, связанным со стандартом сравнения.

Симилиативная конструкция с *кѣнын* отличается от конструкций со маркерами *-ау* и *хуызѣн* тем, что в первом случае возможно выразить эксплицитный параметр сравнения только на правой периферии клаузы (17)–(18), тогда как базовый порядок элементов в конструкциях со сравнительными маркерами предполагает выражение параметра сравнения после стандарта, ср. (6) и (7) выше.

- (17) *Мадинѣ раст мѣ худт кѣн-ы хѣер-ѣй.*
 Мадина точный POSS.1SG смеяться.PTCP.PST делать-PRS.3SG звук-ABL
 ‘Мадина прямо как я смеется, громко.’

- (18) **Мадинѣ мѣ (хѣер-ѣй) худт (хѣер-ѣй) кѣн-ы.*
 Мадина POSS.1SG звук-ABL смеяться.PTCP.PST звук-ABL делать-PRS.3SG
 Ожид.: ‘Мадина смеется громко, как я.’

Генитивную группу с причастием прошедшего времени невозможно разорвать прямым дополнением, независимо от способа его выражения именной группой (19) или клитикой (20).

- (19) **Мадинѣ Фатимѣ-йы чиныг каст кѣн-ы.*
 Мадина Фатима-GEN книга смотреть.PTCP.PST делать-PRS.3SG
 Ожид.: ‘Мадина читает книгу, как Фатима.’

- (20) **Мад-ы йѣ рѣвдыд ба-кодт-а.*
 мать-GEN 3SG.GEN ласкать.PTCP.PST PV-делать-PST.3SG
 Ожид.: ‘Приласкала (она) его как мать.’
 (пример частично заимствован из [Багаев1965: 338])

Переходные глаголы допускаются в конструкции с *кѣнын*, но в таком случае прямое дополнение, выраженное именной группой, оказывается на правой периферии клаузы, как в (21). Если дополнение выражено место-

именной клитикой, оно может занимать позицию между генитивной группой и глаголом *кæнын* (22).

- (21) *Мад-ы рæвдыд *Сослан-ы ба-кодт-а* ^{OK}*Сослан-ы.*
 мать-GEN ласкать.PTCP.PST Сослан-GEN PV-делать-PST.3SG Сослан-GEN
 ‘Приласкала (она) Сослана как мать.’

- (22) *Мад-ы рæвдыд æй ба-кодт-а.*
 мать-GEN ласкать.PTCP.PST 3SG.GEN PV-делать-PST.3SG
 ‘Приласкала (она) его как мать.’¹

В заключение рассмотрим возможность использовать в симилятивной конструкции с глаголом *кæнын* сложные глагольные комплексы или идиомы. Сильная степень связности именного и глагольного компонентов может положительно повлиять на допустимость использования таких комплексов в части генитивной группы, однако примеры (22)–(24) иллюстрируют недопустимость сложных глаголов или идиом в симилятивной конструкции с *кæнын*.

- (23) **Алан Сослан-ы гæппы-тæ конд кæн-ы.*
 Алан Сослан-GEN прыжок-PL делать.PTCP.PST делать-PRS.3SG
 Ожид.: ‘Алан прыгает как Сослан.’

- (24) **Мадинæ Фатимæ-йы балц-ы цыд кæн-ы.*
 Мадина Фатима-GEN дорога-IN идти.PTCP.PST делать-PRS.3SG
 Ожид.: ‘Мадина путешествует как Фатима.’

- (25) **Алан Сослан-ы маест-æй мард кæн-ы.*
 Алан Сослан-GEN злость-ABL убивать.PTCP.PST делать-PRS.3SG
 Ожид.: ‘Алан дразнит как Сослан.’

4. Обсуждение

Результаты полевого исследования показали, что симилятивная конструкция с глаголом *кæнын* не имеет ограничений на референциальный статус или одушевленность стандарта сравнения, аналогично конструкциям со сравнительными маркерами *хуызæн* и *-ау*.

¹ Примеры (21) и (22) частично заимствованы из [Багаев 1965: 338].

Генитивная конструкция, состоящая из причастия прошедшего времени и имени-стандарта сравнения в генитиве, имеет отличия от обычных номинализаций в плане допустимости сложных глаголов и возможности вставки между именем и номинализацией какого-либо материала. Свойства группы причастия и имени в генитиве не отличаются от посессивных генитивных групп в плане невозможности разорвать их каким-либо элементом, в том числе клитикой.

Так как в анализируемой конструкции нет специального средства, выражающего сравнительное отношение, представляется интересным рассмотреть ее в контексте типологических классификаций сравнительных конструкций. В исследовании М. Хаспельмата с соавторами выделены шесть основных типов эквативных конструкций [Haspelmath et al. 2017: 14–15; 18–23]², см. таблицу 1.

Помимо выделения основных структурных типов эквативных конструкций, авторы проводят параллели с типами компаративных конструкций по классификации Леона Стассена [Stassen 1985]. Четыре из шести типов нашли параллели среди компаративных конструкций. Исключением стали два типа эквативных конструкций, в которых объект и стандарт сравнения составляют единую (как правило сочиненную) группу, что логично только в случае, если оба сравниваемых объекта имеют одинаковую степень проявления признака. В обоих же типах сравнительных конструкций маркер параметра может выражаться или отсутствовать (№№1-2 в таблице 1) — ср. русск. *он *(более) успешный, чем я и*, например, компаративные конструкции в удмуртском языке (26), где маркер параметра необязателен к выражению.

(26) УДМУРТСКИЙ (< пермские < уральские)

Юш лым язъ лым-лэсь ческыт.

окунь суп язъ суп-ABL вкусный

‘Уха из окуня вкуснее ухи из язя.’ [ГСУЯ 1962: 138]

Также и в эквативных, и в компаративных конструкциях возможно выражение сравнительного значения с помощью специального предиката (со значением ‘быть равным’ или ‘превосходить’ соответственно), который дополнительно может сочетаться с параметром сравнения (№№ 4 и 6 в таблице 1) [Haspelmath et al. 2017: 17].

² Как отмечают сами авторы исследования, эти основные типы частично соответствуют тому, что было выделено П. Хенкельманном для первых двух семантических стратегий — степенной и сущностной (типы IA, IB, IIA1, IIA2, IIB) [Henkelmann 2006: 377].

Таблица 1. Структурные типы эквативных конструкций из [Haspelmath et al. 2017]

№	Структура	Пример
1	Только маркер стандарта	<i>Kim is tall like Pat</i> 'Ким высокий, как Пэт'
2	Маркер параметра + маркер стандарта	<i>Kim is equally (as) tall as Pat</i> 'Ким такой же высокий, как Пэт'
3	Объект и стандарт сравнения — сочиненная группа	<i>Kim and Pat are equally tall</i> 'Ким и Пэт в равной степени высокие'
4	Эквативный предикат, имеющий значение 'достигать' / 'быть равным'	<i>Kim reaches / equals Pat in height</i> 'Ким достигает / равна Пэт по высоте'
5	Эквативный предикат + объект и стандарт сравнения, объединенные в сочиненную группу	<i>Kim and Pat are equal (to each other) in height</i> 'Ким и Пэт равны (друга для друга) по высоте'
6	Параметр сравнения + эквативный предикат, вводящий стандарт сравнения	<i>Kim is tall reaching / equaling Pat</i> 'Ким высокий, достигая / будучи равным Пэт'

Аналогичным образом можно предположить, что, наряду с симилятивными конструкциями со специальными маркерами стандарта, могут существовать конструкции, в которых симилятивное значение передается при помощи специального предиката. Так как симилятивные конструкции выражают сравнение по образу действия или манере, появление в такой конструкции предиката со значением 'делать' с точки зрения семантики представляется ожидаемым. Однако требуются дальнейшие исследования, направленные на выявление аналогичных паттернов в симилятивных конструкциях в языках мира.

5. Заключение

В статье была рассмотрена особая симилятивная конструкция с глаголом *кæнын* 'делать' в осетинском языке. Было показано, что способы выражения стандарта сравнения в зависимости от одушевленности или референциального статуса не отличаются от способов выражения стандартов в эквативных и симилятивных конструкциях со специальными маркерами. Генитивная группа со стандартом сравнения и причастием демонстрирует схожие свойства с посессивными именными группами, так как не может быть ничем разорвана. Также отмечаются ограничения на использование причастных форм от сложных глаголов или идиоматизированных выражений.

С точки зрения типологической классификации сравнительных конструкций, выражение симулятивного значения при помощи предиката со значением 'делать' можно считать ожидаемым и параллельным эквативным конструкциям с предикатами со значением 'быть равным' и подобным.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; CMPR — компаратив; EQU — экватив; GEN — генитив; IN — инэссив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — проверб; SG — единственное число.

Список источников / References

- Абаев 1959 — Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. [Abaev V. I. Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka. [A grammatical sketch of Ossetic language] Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959.]
- Алексеев, Синицына 2024 — Алексеев Д. А., Синицына Ю. В. Структурные особенности компаративных конструкций в осетинском языке. Типология морфосинтаксических параметров 2024 (Москва, 17-18 октября 2024). [Alekseev D. A., Sinitsyna Yu. V. Strukturnye osobennosti komparativnykh konstrukttsii v osetinskom yazyke [Structure of the comparative constructions in Ossetic]. Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2024 (Moskva, 17-18 oktyabrya 2024).]
- Багаев 1965 — Багаев Н.К. *Современный осетинский язык. Часть I (фонетика и морфология)*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. [Bagaev N.K. *Sovremennyi osetinskii yazyk. Chast' I (fonetika i morfologiya)*. [Modern Ossetic language. Part I (phonetics and morphology)]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965.]
- Выдрин 2014 — Выдрин А. П. Глагол в осетинском языке. *Востоковедение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей*. 2014. № 30. С. 25–81. [Vydrin A. P. Verb in Ossetic. *Vostokovedenie. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. Mezhvuzovskii sbornik statei*. 2014. № 30, Pp. 25–81.]
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Отв. ред. П.Н. Перевощиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. [Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [A grammar of modern Udmurt. Phonetics and morphology]. Perevoshchikov P.N. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.]
- Синицына 2022 — Синицына Ю. В. Сравнительные конструкции в осетинском. XIX Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 24-26 ноября 2022). [Sinitsyna Yu. V. Sravnitel'nye konstrukttsii v osetinskom [Comparative constructions in Ossetic]. XIX Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovatelei (Sankt-Peterburg, 24-26 noyabrya 2022).]
- Синицына 2023 — Синицына Ю. В. Сравнительные конструкции равенства в осетинском языке. *Вопросы языкознания*. 2023. № 6. С. 49–66. [Sinitsyna Yu. V. Comparative constructions of equality in Ossetic. *Voprosy yazykoznanija*. 2023. № 6. Pp. 49-66]
- Синицына, Хомченкова 2024 — Синицына Ю. В., Хомченкова И. А. Эквативно-симулятивные конструкции в иронском осетинском: ядерные и периферийные стратегии. Международная конференция «Социолингвистические проблемы современных

- иранских языков: осетинский язык» (Цхинвал, Республика Южная Осетия, 15-16 октября 2024). [Sinitsyna, Khomchenkova 2024 — Sinitsyna YU. V., Khomchenkova I. A. Ehkvativno-similyativnye konstruktсии v ironskom osetinskom: yadernye i periferiinye strategii [Equative-similative constructions in Iron Ossetic: core and peripheral strategies]. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Sotsiolingvisticheskie problemy sovremennykh iranskikh yazykov: osetinskii yazyk» (Tskhinval, Respublika Yuzhnaya Osetiya, 15-16 oktyabrya 2024).]
- Haspelmath, Buchholz 1998 — Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. J. van der Auwera (ed.). Berlin: Mouton, 1998. Pp. 277–334.
- Haspelmath et al. 2017 — Haspelmath M., the Leipzig Equative Constructions Team. Equative constructions in world-wide perspective. *Similative and Equative Constructions: A Crosslinguistic Perspective*. Treis Y., Vanhove M. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. Pp. 9–32.
- Henkelmann 2006 — Henkelmann P. Constructions of equative comparison. *Language Typology and Universals*. 2006. Vol. 59. Pp. 370–398.
- Lowe, Belyaev 2015 — Lowe J., Belyaev O. Clitic Positioning in Ossetic. *Proceedings of the LFG15 Conference*. Butt M., King T. H. (eds.) Stanford: CSLI Publications, 2015. Pp. 229–249.
- Lyutikova, Tatevosov 2016 — Lyutikova E., Tatevosov, S. Nominalization and the problem of indirect access: Evidence from Ossetian. *The Linguistic Review*. 2016. Vol. 33 No. 3. Pp. 321–363.
- Rett 2020 — Rett J. Separate but equal: A typology of equative constructions. *Interactions of degree and quantification*. Hallman P. (ed.). Leiden: Brill. 2020. Pp. 163–204.
- Serdobolskaya, Belyaev 2022 — Serdobolskaya N., Belyaev O. Dative external possessors in Ossetic. *Proceedings of the LFG22 Conference*. Butt M., Findlay J. Y., Toivonen I. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2022. Pp. 325–344.

Статья поступила в редакцию 25.11.2025; одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was received on 25.11.2025; approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Юлия Вячеславовна Синицына

МГУ имени М.В. Ломоносова / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина

Julia Sinitsyna

Lomonosov Moscow State University / Pushkin State Russian Language Institute

jv.sinitsyna@yandex.ru

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.32.22.006

ПОЛУСВЯЗАННЫЕ ДЕЙКТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Д.Б. Тускин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» —
Санкт-Петербург / Институт лингвистических исследований РАН

Аннотация: Связанными дейктиками (*fake indexicals*, FI) называются связанные местоимения, чьи морфологические признаки не вносят семантического вклада в фокусные альтернативы. Например, *Только я знаю, что у меня в кармане* может быть понято так, что другие не знают, что у них (третьих лиц, а не первого) в кармане. Некоторые авторы, предлагающие объяснения FI (А. Кратцер, З. Вурмбранд), исходят из существования двух классов местоимений: связанные порождаются как минимальные — без признаков и получают их лишь морфосинтаксически (путём согласования с антецедентом или аналогичных процессов), но не семантически; несвязанные порождаются с признаками. Мы показываем, что в русском языке возможны предложения с двумя частицами наподобие *Только Катя одна знает, что ей говорить*, в которых одно и то же местоимение интерпретируется без коварьирования относительно альтернатив, ассоциированных с ближайшей частицей, но с коварьированием относительно альтернатив, ассоциированных с частицей выше в структуре. Для сторонников минимальных местоимений это означает противоречие (признаки есть на более раннем этапе построения структуры, но затем они исчезают). Мы рассматриваем и варианты анализа таких структур: на основе связывания фокусом и с помощью имитирующего его нулевого оператора, позволяющего не постулировать просодически незаметный фокус.

Ключевые слова: ф-признаки, минимальные местоимения, русский язык, связывание, связанные дейктики, фокусные частицы

---

* Благодарим М.Ю. Князева, Р.А. Родионова, М.А. Стародубцеву, А.В. Циммерлинга, О.Ю. Чуйкову и (других) консультантов, аудитории коллоквиума отдела теории грамматики ИЛИ РАН (Санкт-Петербург) и конференции ТМП — 2025 (Москва), а также анонимных рецензентов конференции и журнала ТМП. Все недостатки работы остаются на нашей совести. Исследование выполнено в рамках проекта №25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разноструктурных языков)», финансируемого Российским научным фондом и реализуемого в ИЛИ РАН.

Для цитирования: Тискин Д.Б. Полусвязанные дейктики в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 1. С. 112–129. (На английском.) doi:10.37632/PI.2025.32.22.006

SEMI-FAKE INDEXICALS IN RUSSIAN*

Daniel Tiskin

HSE University, St. Petersburg / Institute of Linguistic Studies RAS

Abstract: There are several rival theories of fake indexicals, i.e. bound indexicals (prominently pronouns) whose ϕ -features do not semantically contribute to focus alternatives (e.g. *Only Mary did **her** homework, John didn't do his*). According to Minimal Pronoun theories (such as Kratzer's or Wurmbrand's), bound pronouns are Merged without ϕ -features and acquire them under binding via agreement-like processes, while free (including coreferential) pronouns have their features lexically. I show that in Russian, examples with two alternative-introducing operators can be constructed where the pronoun is interpreted strictly w.r.t. the lower operator but sloppily w.r.t. the higher one, thus leading to a contradiction on the Minimal Pronouns analysis. I suggest a way to analyse such cases using Focus Binding assuming a (dubious) unpronounced focus on the pronoun, and a modification of that account where the role of focus is played by a null but segmental operator.

Keywords: ϕ -features, binding, fake indexicals, focus particles, minimal pronouns, Russian

For citation: Tiskin D. Semi-fake indexicals in Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 1. Pp. 112–129. doi:10.37632/PI.2025.32.22.006

---

* I am grateful to Oksana Chuikova, Mikhail Knyazev, Ruslan Rodionov, Maria Starodubseva, Anton Zimmerling and my (other) Russian consultants, to the anonymous reviewers as well as to the audiences at the colloquium of the Theory of Grammar Department, ILS RAS in St Petersburg and at the TMP conference in Moscow for useful remarks and suggestions. The remaining errors are mine. This research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 25-18-00938 “Evidential Strategies in the Light of Corpus and Experimental Data” based at ILS RAS.

1. Introduction

Most prototypical uses of indexicals, such as 1st- and 2nd-person pronouns, words for ‘here’ and ‘now,’ and grammatical features such as the present tense, fit into the picture offered by Kaplan [1977/1989]: their reference is neither completely fixed (such as for proper names) nor world-dependent (such as e.g. for definite descriptions) nor dependent on a pointing gesture (such as for demonstratives) but rather determined by context, which is modelled as a tuple of parameters, including the speaker, the hearer, the time and place of utterance and perhaps a few more. Given that nothing in a sentence can manipulate the actual circumstances of the speech situation, indexicals are predicted to have invariable meaning once those circumstances are settled.

There are two major classes of exceptions from this picture. One is constituted by phenomena of indexical shift, also known as secondary deixis [Apresjan 1986] or narrative projection [Paducheva 1996]. E.g. in (1), which can be true if the father said something like *I lived here*, the first-person pronoun *’iin* refers not to the actual speaker but rather to the author of the reported speech act, as if an “embedded context” were introduced by the matrix verb.

(1) Nez Perce (<Penutian)

Na-’toot-am hi-i-cee-ne pro [kine ’iin tewyenik-Ø-e].
 my-father-ERG 3SUBJ-say-IMPERF-REM.PAST 1SG here 1SG live-P-REM.PAST
 ‘My father told me he used to live here.’ [Deal, to appear]

Another exceptional class, whose hallmark is co-variate (bound) interpretation, consists of **Fake Indexicals** (FIs), that is, uses of indexicals licensed by focus¹ where the indexical φ -features (such as person, number, or gender) are not interpreted in the focus alternatives — i.e. in the propositions resulting from the substitution of the focused constituent with other elements of the same type. For instance, on the relevant (co-varying) interpretation (2) presup-

¹ Examples of co-variate uses of indexicals not licensed by focus are known, e.g. *We all sometimes believe that we’re the only person in the world* (Uli Sauerland’s example from [Schlenker 2004]), where the plural on *we* in the embedded clause is licensed by the antecedent in the main clause but cannot be interpreted lest a contradiction with *the only person* should arise. However, many theories of FIs are based on a semantics for focus and thus can hardly accommodate such uses. Helpfully, Roberts [2020] argues that such examples can be analysed given a particularly weak presuppositional semantics for pronominal features, so that e.g. *we* only presupposes the existence of a group containing the speaker, not that this group contains more than one individual, let alone that more than one individual are involved in each alternative. Then alleged FI uses not cooccurring with focus can be treated as fully semanticised.

poses that Mary did her own homework (so that the [FEM] feature on *her* can be interpretable w.r.t. the presupposition) and asserts the negation of all relevant alternatives (not entailed by *Mary did her homework*), e.g. *Jane did her own homework*, *John did his own homework* etc. In other words, the alternatives to Mary need not be female, nor does (2) assert that no alternative to Mary was both female and own-homework-doer; thus we know [FEM] is not interpreted in the focus alternatives.²

(2) *Only MARY₁ did her₁ homework.*

Among the existing approaches to the problem of FIs, some attempt to explain how the φ -features of the pronoun, while present and interpretable, do not project to focus alternatives [Jacobson 2012; Sauerland 2013]. At least one theory [Maier 2008] relies on a non-compositional mechanism (Higher-Order Unification) for the reconstruction of the property negated of the alternatives to Mary in (2), which does not require stipulating semantic emptiness for φ -features. Another, [Bassi 2021], argues that pronouns are retrieved from the lexicon without features (which precludes their interpretation in an architecture where the input for interpretation is the syntactic tree) and acquire them post-syntactically basing on the real-world properties of the referent or, in the bound case, of the range of the corresponding variable.

In this paper, the main argument will be directed against yet another approach to FIs, the so-called Minimal Pronoun theory [Kratzer 2009; Wurmbrand 2017]. This is where the idea of pronouns (albeit bound ones only) being born without features originates from; but, unlike Bassi, those authors consider φ -features of pronouns to be a merely syntactic phenomenon which arises due to agreement with the antecedent or via a chain of agreement-like operations.

In brief, my argument will be as follows. According to Minimal Pronoun approaches, either a pronoun is free and its φ -features are interpreted, or it is bound and its features are pure “agreement” (in an extended sense). However, cases can be found where the same pronoun is non-covariate (strict) w.r.t. the nearest alternative-inducing operator but co-variate (bound) w.r.t. to a higher such operator (this will be demonstrated using examples from Russian, although analogous configurations are to be expected in other languages). In

---

² Here and elsewhere, small caps stand for (focal) prosodic accenting. Boldface is used to highlight parts of sentences pertinent to the theoretical point being made, regardless of their prosody.

such a structure, a Minimal Pronoun theorist would have to admit that φ -features present on the pronoun at the point where the lower operator is merged, disappear or get replaced when the higher operator is added. Such a deletion operation is undefined in the Minimal Pronoun framework, thus the framework is inadequate as it stands. Rather than abandon the idea of featureless pronouns, I suggest that all pronouns be conceived of as syntactically and semantically featureless [Bassi 2021] and sketch two closely related analyses for the Russian data. One involves an invisible focus feature on the pronoun and the mechanism of Focus Binding [Kratzer 1991; Buring 2016], whereby two foci in the same sentence can co-vary and associate to the same particle. Another imitates the effect of focus binding with a segmental (although null) operator.

The rest of the paper has the following structure: Section 2 introduces the main approaches to FIs in fuller detail; Section 3 presents Russian counterexamples to the Minimal Pronoun approach; Section 4 discusses the theoretical options able to account for the counterexamples; Section 5 concludes.

2. The minimal pronoun approach and its rivals

Recall from our discussion of (2) above that the main challenge for any account of FIs is to explain why the semantic effect of pronominal³ features is **not** visible in the focus alternatives (whether it is visible in the non-alternative part of the meaning is hard to tell because the antecedent, such as *Mary* in (2), already puts the same semantic restriction in place). Perhaps the simplest option is to maintain the semanticity of pronominal features by assuming that they introduce presuppositions [Sudo 2012] such as the referent being female or singular or the referent including the speaker, to the effect that FI uses of pronouns are semantically treated on a par with ordinary uses. This path is taken by [Jacobson 2012; Sauerland 2013; McKillen 2016], which of course means they have to explain why the presuppositions are not effective in the focus alternatives. Sauerland's solution is to point out that φ -features are “purely presupposi-

---

³ Most accounts of FIs are directed principally at pronouns and agreement. However, some mention the same features on noun phrases — whether lexical (*Merkel ist die beliebteste Kanzlerin aller Zeiten* ‘Merkel is the most popular chancellor[FEM] of all times,’ which can be used to compare Merkel to male chancellors [Yatsushiro, Sauerland 2006; Adamson 2021]) or grammatical (*Alex is the only one here who made up the story she told*, which is acceptable even if the alternatives to Alex told each more than one story [Bassi 2021]).

tional”, i.e. their semantic contribution is limited to being partial identity functions whose output is defined iff the input matches the condition (e.g. is female, singular, etc.), and to allow such meanings to avoid percolating to alternatives.

Alternatively, the features may be deprived of any semantic contribution to begin with, so that the issue of their non-interpretation specifically in focus alternatives does not arise. There are at least two ways to achieve this. One, adopted by [Bassi 2021], is to relegate the determination of the pronoun’s featural composition to the post-syntactic stage while maintaining that semantic interpretation takes off immediately after the syntactic component has produced a structure. The features (and consequently the exponence) of the pronoun will be determined in the phonological component by what the pronoun actually refers to. E.g. the only factor relevant for why the pronoun in (2) surfaces as *her* is that Mary is female (and not even that the word *Mary* is grammatically marked as feminine); focus alternatives simply do not matter. Were the pronoun bound by a quantificational antecedent, such as *no girl* in (3), the relevant parameter would be the range of the pronoun in its “local context”: if (as restricted by the binder) it only ranges over females, *her* will be chosen, but if there is at least one male (with a different antecedent, e.g. *no student* or even *no boy*), the pronoun will be realised as *their* or *his*.

(3) [No girl]₁ did *her*₁ homework.

Because of the pronoun not having any ϕ -features in the lexicon or syntax, Bassi’s model is in a sense a Minimal Pronoun approach, but it lacks the distinction between full-fledged and minimal pronouns characteristic of Kratzer’s and Wurmbrand’s versions.

The other way is chosen by Minimal Pronoun accounts *sensu stricto*. Some pronouns are believed to originate with their features in place; those will be free, although sometimes coreferential with other nominals, e.g. under the reading of (2) on which Mary did her own homework and no other relevant individual did **Mary’s** homework. Other pronouns are inserted into the tree without determinate features, which then have to be valued via some agreement-like mechanism. On Wurmbrand’s [2017] analysis, the process is indeed agreement with the antecedent: e.g. *Mary* in (2) values the gender feature on the pronoun, which is then spelled out as *her*. On Kratzer’s [2009] earlier account, not informed by the same set of empirical considerations as Wurm-

brand's,⁴ stricter locality is enforced: while the relation between T and the trace of the subject in (2) is indeed that of agreement, the identity of features between that trace and the ν head (which, unlike the pronoun, is born with features) is checked under predication, and the remaining link (between ν and the pronoun) is established through the specialised mechanism of “feature transmission under binding” [cf. Kratzer 2009: 230, (86)]:

- (4) $[_{TP} \dots T_{[\varphi : FEM]} [_{VP} [Only\ Mary_{[\varphi : FEM]}] \nu_{[\varphi : FEM], \lambda 1} [_{VP} do- min_{[\varphi : FEM], 1} 's\ homework]]]$.
-

It is this connexion of the pronoun to ν as its immediate source of φ -features that will be interpreted as binding by semantics; therefore, minimal pronouns can only be bound.

3. Russian semi-fake indexicals

3.1. How to build a counterexample

In common parlance, we distinguish between free and bound pronouns. However, more technical definitions [e.g. Buring 2005] speak of a pronoun as bound (having a binder) or free (not having a binder) within a given domain, such as the smallest predicative configuration (subject-predicate configuration) containing the pronoun or the smallest containing finite TP. E.g. in (5), *her* is free in its “tense domain” (i.e. within the node marked as TP), which accounts for the possibility of a pronominal rather than a reflexive being used, but bound by *Mary* in the widest syntactically relevant domain, which is the whole sentence.

- (5) $Mary_1\ said\ that\ [_{TP}\ Kate_2\ praised\ her_{1/*2}]$.

In such terms, being bound *simpliciter* means being bound at least in **some domain**, and being free means not being bound in any domain.

Similarly, there is hidden quantification in our common discourse about strict and sloppy interpretations: we call a reading *strict* if it does not co-vary with any operator (e.g. if (2) is understood to mean that others did not do Mary's homework) and *sloppy* if it co-varies with **at least one** operator (e.g. *her*

---

⁴ Wurmbrand takes German data like ...*weil* <*unser Sohn* [cannot be bound by *uns*] > *nur uns* <*unser Sohn* [can be bound by *uns*] > *versorgt* ‘...since our son is only taking care of us’ as indicative of the role of c-command, rather than particular heads like ν , in the establishment of binding relations.

on the FI reading of (2)).⁵ However, the distinction between two kinds of pronouns stipulated by Minimal Pronoun theorists — full-fledged (and therefore free) vs. minimal (and therefore bound on every use) — is categorical, no pronoun can be both or neither.

It is this tension between the two distinctions that will allow us to construct a counterexample to Minimal Pronoun theories. To do so, we will need to find a case where a pronoun is in the scope of two operators capable of inducing co-variation. Given that FIs are licensed by focus, the operators will have to quantify over alternatives. Moreover, the pronoun will have to be fixed in reference, i.e. strict, w.r.t. the closer operator, but co-varyate, i.e. sloppy, w.r.t. the one that is further away. Assuming bottom-up processing, this means that the pronoun will have to be born with features so that its reference could be stable across the alternatives quantified over by the lower operator, but it must lose those features to acquire them back from the binder above the lower operator in order to be interpreted as bound and co-varying with the higher operator:

(6) Op_{higher} binder₁ [Op_{lower} binder₂ ... *pronoun*₁ ...]

Given that features can be acquired but not lost,⁶ such a configuration is not possible under Kratzer's or Wurmbrand's assumptions; if such data exists, those assumptions must be revised.

3.2. Building a counterexample

My evidence along the aforementioned lines comes from Russian. Consider (7) in the scenario in (8).

(7) *Tol'ko Katja ODN⁷ znajet, čto jej govorit'.*
 only Katya:NOM alone know:PRS:3SG what:ACC she:DAT say:INF
 'Only Katya alone knows what she has to say.'⁸

⁵ I am grateful to Mikhail Knyazev for help with this formulation of my idea.

⁶ Unlike on Kratzer's or Wurmbrand's account, features can be deleted under binding (and consequently remain uninterpreted) under the approach in [von Stechow 2003] and presuppositions of features can be deleted under binding according to [Charnavel, Sportiche 2023]. Evaluation of those proposals goes beyond the scope of the present paper.

⁷ According to Nikolaeva [2013: 257], although qualified by Pekelis [2021], accenting is a general property of the postposed lexeme *odin* in question (as opposed to the numeral *odin* 'one' etc.).

⁸ As explained below, the two particles, *tol'ko* and *odin*, make mutually independent semantic contributions to (7), which is crucial for the argument in this section. In many other

- (8) The class has been rehearsing the same play for months, so that almost each character's lines are by now known by someone else apart from the kid playing that character. Except for the lead, Katya, whose lines are too long to be memorised by anyone but herself.

Some speakers judge (7) true in (8). For it to be true, the following has to obtain:

- (a) Katya is the only one who knows what **Katya** has to say:
  - i. Katya knows Katya's lines;
  - ii. no one else knows Katya's lines;
- (b) every peer of Katya's, say Sasha (who can be male or female), is **not** the only one who knows what **Sasha** has to say:
  - i. Sasha knows Sasha's lines;
  - ii. some peer of Sasha's, say Valya (who also can be male or female), knows Sasha's lines.

Given this, the pronoun *jej* 'her' is strict w.r.t. *odna* 'the only one' but sloppy w.r.t. *tol'ko* 'only.' Such cases are usually not discussed in studies of FIs,⁹ and I am not aware of any existing term for them.¹⁰ Therefore I suggest to call them *semi-fake indexicals* (SFIs), doing justice to their co-varying with only some of the operators they can theoretically depend on.

---

cases, Russian allows for pleonastic uses of focus particles [Nikolaeva 2013: 258ff.], e.g. in *Odin tol'ko Gagarin dolžen byl poletet', no Titov takže naxodilsja v avtobuse* 'Only Gagarin was supposed to fly [into space] but Titov was also in the bus' (Lev Danilkin, 2011; from the Russian National Corpus). As far as I can tell, this phenomenon does not lead to interpretations in question here and is syntactically different from particle doubling in German, as in *Warum nur bin ich nur so langsam?* 'Why the hell am I so slow' [Bayer 2020: 57], where the two copies are usually not adjacent. It also differs from the split expression of focus in South Asian languages, where one particle adjoins to the focused constituent and another occupies a high position in the clause [Yip 2023, 2024].

⁹ That said, Adamson [2021] discusses a German example with two alternative-introducing operators — *einzig* 'only_{Adj}' and *erste* 'first' — to show that the [FEM] feature of the noun cannot scope between them (#'Among the first presidents, she is the only one who both is female and resigned'): *Sie ist die einzige erste Präsidentin, die zurückgetreten hat* 'Sie is the only first president[FEM] who has resigned.'

¹⁰ The extraordinary syntactic and semantic complexity of SFIs makes deliberately finding them in actual texts, let alone a successful corpus study, improbable. However, combinations of two alternative-introducing operators (even apart from the cases discussed in fn. 8) without a pronoun of interest do occasionally occur, e.g. ...*Eto ty dumaješ', čto ty odin umnyj, a drugije duraki* 'It's you who think that you're the only clever one here and the rest are fools' (Google).

The pattern of SFIs is not unique to the syntactic configuration in (7), where both particles associate with elements of the same chain of movement (the subject *Katja* and its VP-internal trace). In the scenario in (10), the sentence (9) also has a true interpretation for some speakers.

- (9) *Tol'ko Katja dumajet, čto (ona) ODNA znajet,*
 only Katya:NOM think:PRS:3SG that she:NOM alone know:PRS:3SG
čto jej govorit'.
 what:ACC she:DAT say:INF
 'Only Katya thinks that she alone knows what she has to say.'

- (10) Katya thinks highly of herself and considers her lines too difficult for anyone else. Everyone else modestly thinks that their lines are not too difficult and someone else must have memorised them.

According to Shushurin [2017], the omission of the subject (or, in Shushurin's terms, using a null subject) in the subordinate clause may have an effect on interpretation, which I leave for further research. When present, the subject in (9) is intended to be interpreted as bound by *Katja*. Here as well, the pronoun *jej* is strict w.r.t. *odna* but sloppy w.r.t. *tol'ko*, which makes it an SFI.

As slight variants of both (7) and (9), the SFI pronominal can be replaced with the reflexive:¹¹

- (11) *Tol'ko Katja ODNA pomnit svoju rol'.*
 only Katya:NOM alone remember:PRS:3SG REFL:POSS:ACC:SG part:ACC:SG
 'Only Katya alone remembers her role.' (to be evaluated in (8))

¹¹ The reflexive being strict w.r.t. *odna* means that the reflexive is **coreferential** with, rather than bound by, its antecedent. Although they are often absent from textbook presentations of binding theory, they have long been known [e.g. Dahl 1973; Reinhart 1983] in the context of strict/sloppy readings, e.g. *John voted for himself and so did Fred* (Dahl's example), where Fred can be understood as having voted for John (strict) or for Fred (sloppy). On the assumption that ellipsis requires (a sufficient degree of) structural identity between the licenser and the elided constituent, the former reading requires *himself* to be merely coreferential with *John* in the licensing clause so that the ellipsis site could contain *him* (or *Fred* with "vehicle change," [Fiengo, May 1994]) coreferential with the subject *Fred*. The distinction between bound and coreferential reflexives is meaningless on an account not relying on structural differences for the different reconstruction options for ellipsis sites and focus alternatives, as exemplified by [Maier 2008].

- (12) *Tol'ko Katja dumajet, čto (ona) odna pomnit*
 only Katya:NOM think:PRS:3SG that she:NOM alone remember:PRS:3SG
svoju rol'.
 REFL:POSS:ACC:SG part:ACC:SG
 'Only Katya thinks that she alone remembers her role.' (to be evaluated in (10))

The Russian reflexive possessive *svoj* as such is “uninteresting” for the study of SFIs as it has no ϕ -features, but the availability of (11)–(12) raises an elegance issue: were Minimal Pronoun theorists right, we would need not only a separate lexical entry for the minimal pronominal but also one for the minimal reflexive; such proliferation of lexical entries should be avoided where possible.¹²

So far, it might have appeared as if adverbial (floating) *odin* is necessary for semi-fake interpretations. However, its syntactic position and peculiar prosodic properties allow for a semantic analysis under which it is not really a focus particle, i.e. does not make use of the alternatives in the denotation of its prejacent (the presupposed part is underlined):

- (13) $\llbracket \text{odin}_{\text{float}} \rrbracket = \lambda P \lambda x. \underline{P(x)} \wedge \forall y (y \neq x \rightarrow \neg P(y))$

Unless cases of SFIs are found in other environments, the plausibility of the analysis in (13) weakens the reasoning above considerably as (7) and its kin no longer contain two focus-sensitive operators. To this potential criticism I respond by providing an apparently acceptable — although artificial — example from Russian where both particles precede their associated foci: (14), to be evaluated against the scenario in (15), which has the same structure as (8).

- (14) *Daže ty dumaješ', čto tol'ko ty znaješ',*
 even you:SG think:PRS:2SG that only you:SG know:PRS:2SG
kuda ty iděš'.
 where you:SG go:PRS:2SG
 'Even you think that only you know where you are going.'

¹² Languages like English, where reflexives have ϕ -features but are morphologically composed of personal pronouns and a reflexive morpheme, are not subject to the same reasoning. However, Bassi's [2021: 121] account promises to dispense altogether with reflexives as a separate lexical class because it views reflexivity itself as a feature which gets a positive value whenever the pronoun is in a particular syntactic configuration with a suitable antecedent.

- (15) You think: “I know where I am going but no one else know where I am going”; Petya even more clearly and expectedly thinks: I know where I am going but no one else know where I am going.”

4. Towards an analysis

4.1. Focus binding

To avoid semantic issues, I adopt Bassi’s [2021] post-syntactic analysis of φ -features: *jej* is feminine because the only individual in the non-focal range of the variable corresponding to *jej* is Katya, and she is female (and her name is grammatically feminine¹³). However, even so an explanation is needed for the ability of *jej* to selectively associate with the higher of the two alternative-introducing operators in the sentence.

Selective association with focus has been known at least since the 1980s. In Krifka’s [1991: 21] (16), *even* could, due to its syntactic position, associate with *water* but doesn’t; the resulting meaning is that the class of water-only drinkers is so wide as to even include John.

- (16) *Even*^{F1} *JOHN*_{F1} *drank only*^{F2} *WATER*_{F2}.

An intuitively appealing analysis of selective association, here marked by focus (*F*) indexing, was proposed by Kratzer [1991; see also Büring 2016: §10.5]: instead of Rooth’s [1985] sets of alternatives as focus semantic values, a focused expression turns into a variable of the appropriate type which is then quantified over by the associating particle with the same index. To avoid conflation with ordinary binding, the value for the variable is provided by a specialised parameter of interpretation called *focus assignment* (*h*, to be distinguished from the ordinary assignment *g*), through manipulation of which the meaning of the particle is realised.

---

¹³ It is immaterial for our present needs whether the post-syntactic source of pronominal gender is the referent’s sex or the antecedent’s grammatical gender, but the issue becomes relevant for a more general discussion of FIs in languages with arbitrary nominal classes such as Russian with its gender system. One approach would be to ground the choice of pronominal features in the properties of the referent but include the grammatical features of its most salient name among those properties [Dowty, Jacobson 1989].

4.2. Silent foci?

However, in (7), (9) or (11)–(12) there is no focus on the SFI pronoun.¹⁴ Whether this fact precludes application of Focus Binding depends on one's stance on the possibility of “silent” foci — either pronounced with regular prosody or altogether elided. (Almost) unmarked foci, known as *second occurrence foci* (SOF) and detected by the presence of a particle which needs a focused constituent to associate with [Büring 2015], occur within a given constituent in the scope of another focused constituent, e.g. *juice* in (17) (Büring's example), which, although associated with *only*, is within the given VP and a sister to another focus, (*even*) *JOHN*. (Note that an “unmarked focus” is not a contradiction in terms on an approach where focus is first and foremost a feature present in syntax, which can be interpreted by semantics and by phonology, or, in some cases, ignored by the latter.)

- (17) (Many people only drank juice at John's party.) *Even*^{F1} *JOHN*_{F1} *only*^{F2} drank juice_{F2} at his party.

It is not clear if (7), (9) or (11)–(12) fit the definition of SOF: *tol'ko Katja* can be a topic rather than a focus given that Russian topics can associate with particles [Yanko 2001], and the two alleged foci (on *Katja* and on *jej*) are coindexed. On the other hand, some authors believe in silent foci apart from SOF and exactly under coindexing. For one, Kratzer's proposal was originally directed at *Tanglewood* examples, where ellipsis is even required for the pertinent co-variate reading:

- (18) (You're wrong to claim that I went to [each place]₁ because you went there₁.)
I only^{F3} went to *TANGLEWOOD*_{F3} because you did ~~go to Tanglewood~~_{F3}.

According to Kratzer, it is due to coindexing between the two instances of *Tanglewood* that they can co-vary, and co-indexing with focus indices requires bearing focus, even in the ellipsis site. More relevantly, under the approach of [Bassi 2019] *my* in the LF for the FI reading of (19) would be focus-coindexed with the subject trace although neither bears prosodic focus marking (and the trace never can).

- (19) *I am the only one who did my homework.* (Others didn't do theirs.)

---

¹⁴ An anonymous reviewer for the TMP conference reports the possibility of focusing the pronoun, which, however, does not change either acceptability (which is not very high for the reviewer either way) or interpretation.

Given silent foci, the analysis of (7), and by analogy of (9) and (11)–(12), is relatively straightforward. I adopt Bassi's [2021] parsing of sentences with focus particles accompanying the subject, where the particle scopes over the whole sentence at LF:

(20) *Tol'ko*^{F7} [_{TP} *Katja*_{2, F7} λ_1 [_{ODNA}^{F8} *t*_{1, F8} *znaet, čto jej*_{2, F7} *govorit'*]].

Assuming that adverbial *odin* has the same semantics as *tol'ko* and binds a focus variable, we can leave *jej* unbound by but coreferential to *Katja* in (20). Then *odna* will presuppose that Katya knows what *g*(2) (= Katya, due to normal coindexing) has to say and deny that any other value of *F8* except for Katya knows what *g*(2) = Katya has to say. *Tol'ko* will make all of the above a presupposition and further deny that any other value of *F7* except for Katya has the same property (of uniquely knowing what *F7* has to say). This corresponds to the SFI reading:

(21) $\llbracket (17) \rrbracket^{g, h} = \llbracket \text{TP} \rrbracket^{g, h} \wedge \forall h' \sim_{F7} h(\neg \llbracket \text{TP} \rrbracket^{g, h}) =$
 $= \text{Katya knows what } g(2) \text{ has to say} \wedge$
 $\wedge \forall h'' \sim_{F8} h(h''(F8) \neq \text{Katya} \rightarrow h''(F8) \text{ does not know what } g(2) \text{ has to say}) \wedge$
 $\forall h' \sim_{F7} h(h'(F7) \neq \text{Katya} \rightarrow h'(F7) \text{ knows what } h'(F7) \text{ has to say} \wedge$
 $\wedge \forall h'' \sim_{F8} h(h''(F8) \neq \text{Katya} \rightarrow h''(F8) \text{ does not know what } h''(F7) \text{ has to say}))$

4.3. A segmental solution

The reluctance to admit silent foci is nevertheless understandable, and for their opponents let me present an alternative analysis. Furthermore, Bassi's [2019] version of Focus Binding attempts to avoid overgeneration by stipulating that "F-coindexation is only possible if the F-coindexed phrases are structurally identical, though [he] won't try to derive that"; meanwhile, *Katja* and *jej* are F-coindexed despite being structurally distinct. (Assuming an "E-type" analysis of *her*, namely that it is a full DP containing an elided instance of *Katja*, would be of little help as it would violate Condition C, being in the scope of *Katja*^{15, 16})

¹⁵ Although see [Roeper 2006].

¹⁶ Bassi's requirement of structural identity is probably untenable for FIs with full DPs as antecedents, given that the antecedent will inevitably have more structure than the Condition C-obeying pronoun (F-)bound by it. Such cases of FIs exist because even with a 3rd person antecedent, a pronoun can be a FI w.r.t. number or gender.

This makes a solution independent of Focus Binding desirable. While I will not present a fully general and elegant solution in this paper, here is an option. Assume the existence of a null operator, called the *modulator* μ , which syntactically combines with a DP and additionally bears a focus index; the result of the operator composing with its argument DP is the focus meaning of that DP, i.e. the value of the corresponding focus variable under the current focus assignment h with the presupposition that this value is identical to the value assigned by the ordinary assignment g to the index on the DP:

$$(22) \llbracket [\mu_{F7} jej_2] \rrbracket^{g,h} = \llbracket JEJ_{2,F7} \rrbracket^{g,h} = h(F7), \quad \text{defined iff } h(F7) = g(2)$$

With this modification, the LF for (7) is as given in (23) and the semantic interpretation remains as in (21).

$$(23) Tol'ko^{F7} \llbracket_{TP} Katja_{2,F7} \lambda_1 [ODNA^{F8} t_{1,F8} znaet, \text{ čto } [\mu_{F7} jej_2] govorit'] \rrbracket.$$

The lexeme μ is of course dubious, but hardly more so than e.g. the substitution operator in the semantics of propositional attitude reports [Percus 2020]. Additionally, SFI readings being relatively marginal, it is plausible that the machinery required for their derivation is in some sense peripheral for grammar or used as a last resort.

5. Conclusion

The main aim of the present paper was to establish the existence of counterexamples to the Minimal Pronoun theorist's tenet that there are two mutually irreducible kinds of pronouns. The counterexamples came from Russian, where some speakers accept “intermediate,” or *semi-fake indexical*, readings of pronouns in the context of two focus particles. I have also shown how such readings can be accounted for in a system with post-syntactic φ -features and Focus Binding (or a null operator to its effect).

There are a few issues with both the argument and the analysis presented above. Most obviously, it is not clear why languages should have modulators. Furthermore, on the technical side, letting *jej* to be coreferent to *Katja* without binding goes against economy constraints such as *Be Bound or Be Disjoint!* [Kehler, Buring 2008], although the semantic effect of semi-fakeness unachievable by other means may vindicate non-economical structures. A more comprehensive treatment of this issue will hopefully be attempted in future work.

Finally, as pointed out to me by an audience member at the TMP conference, a complete theory of FIs must account both for bound pronouns in focus contexts and for sloppy readings of such pronouns under ellipsis (24), where a significant degree of parallelism between the ellipsis site and the licenser is typically assumed.

(24) Mary did her homework. John didn't Δ .

- (a) *can mean*: 'John didn't do John's homework'
- (b) *by parallelism*: the ellipsis site must be identical to the licenser
- (c) but *John* $\neq$ *Mary*
- (d) *from* (b), (c): the LF of the licenser is "Mary λ_2 [t_2 did her₂ homework]" (binding)
- (e) *from* (d): *her* is a FI

However, as far as the current proposal goes, coreference rather than binding is assumed between the pronoun and its (ultimate) antecedent, which may lead to wrong predictions concerning the availability of SFI readings in discourses like

- (25) *Katja*   *ODNA*   *znajet*,   *čto*   *jej*   *govorit'*,
 Katya:NOM   alone   know:PRS:3SG   what:ACC   she:DAT   say:INF
- a*   *Maša*   *net*.
 but   Masha:NOM   not
- 'Katya alone knows what she has to say but Masha doesn't.'

Abbreviations

1, 3 — 1st, 3rd person; ACC — accusative; DAT — dative; ERG — ergative; IMPERF — imperfective; INF — infinitive; NOM — nominative; P — Nez Perce "P aspect"; PRS — present tense; REFL:POSS — possessive reflexive; REM.PAST — remote past; SG — singular; SUBJ — subjunctive.

References

- Adamson 2021 — Adamson L. The locus of gender interpretation: A reply to Yatsushiro and Sauerland (2006). Ms., 2021.
- Apresjan 1986 — Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. Семиотика и информатика. 1986. Т. 28, № 5. С. 5–33. [Apresjan Yu. Deixis in the Lexicon and Grammar and the Naive Model of the World. Semiotika i informatika. 1986. Vol. 28, no. 5. Pp. 5–33.]
- Bassi 2019 — Bassi I. Fake indexicals and their sensitivity to focus. Proceedings of NELS. 2019. Vol. 49. Pp. 111–124.
- Bassi 2021 — Bassi I. Fake Features and Valuation From Context. PhD dis. Massachusetts Institute of Technology, 2021.

- Bayer 2020 — Bayer J. Why doubling discourse particles? *Linguistic Variation: Structure and Interpretation*. Franco L., Lorusso P. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter. Pp. 47–72.
- Büring 2005 — Büring D. *Binding Theory*. Cambridge University Press, 2005. 281 p.
- Büring 2015 — Büring D. A theory of second occurrence focus. *Language, Cognition and Neuroscience*. 2015. Vol. 30, no. 1–2. Pp. 73–87.
- Büring 2016 — Büring D. *Intonation and Meaning*. Oxford University Press, 2016. 336 p.
- Charnavel, Sportiche 2023 — Charnavel I., Sportiche D. Indexical binding, presuppositions and agreement. *Proceedings of Sinn and Bedeutung*. Baumann G. et al. (eds.). 2023. Vol. 28. Pp. 235–253.
- Dahl 1973 — Dahl Ö. On so-called ‘sloppy identity.’ *Synthese*. 1973. Vol. 26, no. 1. Pp. 81–112.
- Deal, to appear — Deal A. R. Person features and shiftiness. *The Alphabet of Universal Grammar*. Oxford: Oxford University Press, to appear. URL: <https://ling.auf.net/lingbuzz/005433> (accessed: 20.10.2025).
- Dowty, Jacobson 1989 — Dowty D., Jacobson P. Agreement as a semantic phenomenon. *Proceedings of ESCOL '88*. Powers J., de Jong K. (eds.). 1989. Pp. 95–101.
- Fiengo, May 1994 — Fiengo R., May R. *Indices and Identity*. MIT Press, 1994. 312 p.
- Jacobson 2012 — Jacobson P. Direct compositionality and ‘uninterpretability’: The case of (sometimes) ‘uninterpretable’ features on pronouns. *Journal of Semantics*. 2012. Vol. 29, no. 3. Pp. 305–343.
- Kaplan 1977/1989 — Kaplan D. *Demonstratives*. Themes from Kaplan. Almog J., Perry J., Wettstein H. (eds.). Oxford University Press, 1989. Pp. 481–563.
- Kehler, Büring 2008 — Kehler A., Büring D. Be bound or be disjoint! *Proceedings of NELS*. 2008. Vol. 38. Pp. 487–500.
- Kratzer 1991 — Kratzer A. Representation of Focus. *Semantik: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. Von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). De Gruyter, 1991. Pp. 825–834.
- Kratzer 2009 — Kratzer A. Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns. *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40, no. 2. Pp. 187–237.
- Krifka 1991 — Krifka M. A compositional semantics for multiple focus constructions. *Proceedings of SALT*. 1991. Vol. 1. Pp. 127–158.
- Maier 2008 — Maier E. What syntax doesn’t feed semantics: Fake indexicals as indexicals. *What Syntax Feeds Semantics: Workshop Proceedings*. Romero M. (ed.). Hamburg: ESSLLI, 2008. Pp. 60–69.
- McKillen 2016 — McKillen A. *On the Interpretation of Reflexive Pronouns*. PhD dis. McGill University, 2016.
- Nikolaeva 2013 — Николаева Т.М. Словосочетания с лексемой один. Форма, значения и их контекстная маркированность. *Лингвистика. Избранное*. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 246–265. [Nikolaeva T. Phrases with the Lexeme Odin. Form, Meaning and Their Markedness in Context. *Linguistics. Selected Works*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury, 2013. Pp. 246–265.]
- Paducheva 1996 — Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Школа «ЯРК», 1996. 464 с. [Paducheva E.V. *Semantic Investigations: The Semantics of Tense and Aspect in Russian. The Semantics of Narrative*. Moscow: Shkola “YaRK,” 1996. 464 p.]
- Pekelis 2021 — Пекелис О.Е. Один в значении ‘только’: синтаксис и семантика в синхронии и диахронии. *Jezikoslovni Zapiski*. 2021. Vol. 27, no. 2. Pp. 143–155. [Pekelis O. Один ‘only’: A Semantic-Syntactic Analysis from a Synchronic and Diachronic Perspective. *Jezikoslovni Zapiski*. 2021. Vol. 27, no. 2. Pp. 143–155.]

- Percus 2020 — Percus O. Index-dependence and embedding. *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. Gutzmann D. et al. (eds). Wiley, 2020.
- Reinhart 1983 — Reinhart T. Anaphora and Semantic Interpretation. Croom Helm, 1983. 223 p.
- Roberts 2020 — Roberts C. Character study: A de se semantics for indexicals. Ms., 2020.
- Roeper 2006 — Roeper T. Not only I: Notes on the syntax of focus binding. *Studia Grammatica* 63: Form, structure, and grammar: A Festschrift presented to Günther Grewendorf on occasion of his 60th birthday. Brandt P., Fu E. (eds.). Berlin: Akademie Verlag, 2006. Pp. 353–366.
- Rooth 1985 — Rooth M. Association with Focus. PhD dis. University of Massachusetts, Amherst, 1985.
- Sauerland 2013 — Sauerland U. Presuppositions and the alternative tier. *Proceedings of SALT*. 2013. Vol. 23. Pp. 156–173.
- Schlenker 2004 — Schlenker P. Person and binding (a partial survey). *Italian Journal of Linguistics / Rivista di Linguistica*. 2004. Vol. 16, no. 1. Pp. 155–218.
- Shushurin 2017 — Shushurin P. Null pronouns in Russian embedded clauses. *Pronouns in Embedded Contexts at the Syntax-Semantics Interface*. Patel-Grosz P., Grosz P. G., Zobel S. (eds.). Cham: Springer, 2017. Pp. 145–169.
- von Stechow 2003 — von Stechow A. Feature deletion under semantic binding: Tense, person, and mood under verbal quantifiers. *Proceedings of NELS*. 2003. Vol. 33. Pp. 377–403.
- Wurmbrand 2017 — Wurmbrand S. Feature sharing, or How I value my son. *The Pesky Set: Papers for David Pesetsky*. Halpert C., Kotek H., van Urk C. (eds.). MITWPL, 2017. Pp. 173–182.
- Yanko 2001 — Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: ЯРК, 2001. 386 с. [Yanko T. Ye. Communicative Strategies of Russian Speech. Moscow: YaRK, 2001. 386 p.]
- Yatsushiro, Sauerland 2006 — Yatsushiro K., Sauerland U. [FEMININE] in a high position. *Snippets*. 2006. Iss. 13. Pp. 11–12.
- Yip 2023 — Yip K.-F. Agreeing with ‘only’. *Proceedings of WCCFL*. 2023. Vol. 41. Pp. 616–626.
- Yip 2024 — Yip K.-F. Only ‘only’ only: A distributed meaning approach to exclusive doubling. *Proceedings of SALT*. 2024. Vol. 34. Pp. 480–501.

Статья поступила в редакцию 21.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was received on 21.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Даниил Борисович Тискин

кандидат философских наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург / Институт лингвистических исследований РАН

Daniel Tiskin

Ph.D.; HSE University, St. Petersburg / Institute of Linguistic Studies RAS

daniel.tiskin@gmail.com

Научная статья / Original article

УДК 81-114.2

doi:10.37632/PI.2025.19.83.007

АГЕНТИВНОСТЬ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ И ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ОБЪЕКТНОЕ МАРКИРОВАНИЕ В ИРОНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

О.В. Тужик¹, Н.В. Сердобольская²

^{1,2}Институт языкознания РАН

Аннотация: Осетинский язык демонстрирует асимметричное дифференцированное объектное маркирование (ДОМ), которое в литературе объясняется через факторы одушевленности и референциального статуса. Между тем, даже детальное разграничение референциальных типов и классов одушевленности не дает возможности объяснить распределение генитива и номинатива, в особенности при неличных именах в позиции прямого дополнения (ПД). Мы предлагаем подробное рассмотрение фактора агентивности ПД, предложенного в предыдущих пилотных исследованиях, а также мы попытаемся более точно определить параметры агентивности, релевантные для осетинского ДОМ, в особенности для неличных ПД. Для этого мы рассмотрим лексические факторы, такие как свойства прямого дополнения (группа организмов, размер животного, «одомашненность»), свойства глагола (лексический класс, принадлежность к физической/ментальной и др. сферам), свойства ПД в ситуации в терминах прото-ролей, предложенных Д. Даути.

Ключевые слова: маркирование прямого объекта, семантическая роль, прямое дополнение, прото-роль, агентивность, осетинский язык

Для цитирования: Тужик О.В., Сердобольская Н.В. Агентивность прямого дополнения и дифференцированное объектное маркирование в иронском диалекте осетинского языка // Типология морфосинтаксических параметров. 2025. Том 8, вып. 1. С. 130–153. doi:10.37632/PI.2025.19.83.007

AGENTIVITY OF THE DIRECT OBJECT AND DIFFERENTIAL OBJECT MARKING IN IRON OSSETIC

Olga Tuzhik¹, Natalia Serdobolskaya²

^{1,2}*Institute of Linguistics RAS*

Abstract: The Ossetic language shows the phenomenon of asymmetric differential object marking. The existing research explains the variation in direct object (DO) marking in terms of animacy and referential types. However, even a detailed account of referential types and animacy classes does not predict the choice between the genitive and the nominative, especially with non-human animate DOs. Based on several pilot studies, we propose a detailed account of the factor of DO agentivity, aiming at identifying the lexical factors lying behind the distribution of the two case markers in Ossetic, in particular with non-human animates. To attain this goal, we consider lexical properties of DOs (groups of organisms, the animal's size, its domestication), of verbs (lexical class, physical/mental and other spheres), DO characteristics in terms of proto-roles proposed by D. Dowty.

Keywords: differential object marking, semantic role, direct object, proto-role, agentivity, Ossetic

For citation: Tuzhik O., Serdobolskaya N. Agentivity of the direct object and differential object marking in Iron Ossetic. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2025. Vol. 8, iss. 1. Pp. 130–153. (In Rus.)
doi:10.37632/PL.2025.19.83.007

1. Введение

Дифференцированным объектным маркированием (далее ДОМ, англ. “differential object marking”) называется вариативное оформление участника ситуации, выраженного именной группой в позиции прямого дополнения (далее — ПД). Пример (1) иллюстрирует это явление в иронском диалекте современного осетинского языка: ПД может оформляться либо генитивом (окончание *-ы* после согласных или *-йы* после гласных), либо номинативом (нулевое окончание).

- (1) *Знон   мæ-хæдæг   фыр-ы / фыр   ба-тард-тон*
вчера   1SG-сам.NOM   баран-GEN   баран   PV-гнать-PST.1SG

скъæт-мæ!

загон-ALL

‘Вчера я сам загнал барана в загон!’ [Serdobolskaya, Tuzhik 2025]

В литературе описывается множество факторов, влияющих на оформление ПД, например, определенность [Гагкаев 1952: 100–101], одушев-

ленность и «личность» [Абаев 1959: 153–154; Şahingöz 2022], известность [Гагкаев 1956: 105–108], специфичность (или референтность) [Thordarson 2009: 135], референциальный статус [Serdobolskaya, Tuzhik 2025]. Однако выделенные факторы не позволяют однозначно предсказать выбор маркирования в значительном количестве случаев, в особенности для одушевленных неличных ПД. Исходя из этого, можно предположить, что в осетинском языке на оформление ПД влияют некоторые дополнительные факторы. Например, исследование [Тужик 2024a] показывает релевантность агентивности ПД. Однако данная работа ограничена текстами переводной художественной литературы. Ниже мы проверим различные лексические факторы на элицитированных данных, расширим множество лексических классов и рассматриваемых лексических факторов и сформулируем подробные правила выбора маркирования ПД в осетинском языке.

В настоящей статье будут рассматриваться только одушевленные существительные; неодушевленные существительные обычно не маркируются, см. подробнее в работе [Тужик, в печати].

Данные, используемые для анализа, получены методом элицитации во время экспедиций в Северную Осетию (2012, 2024, 2025 гг.). Нами были получены суждения о грамматичности и приемлемости осетинских предложений, а также переводы предложений с русского на осетинский от 16 носителей иронского диалекта. Всего было собрано около 700 переводов предложений. В основном все носители являются жителями Владикавказа; некоторые носители (до переезда во Владикавказ) в детстве жили в других районах (с. Нар, с. Ногир, с. Ольгинское, с. Чермен, п. Верхний Фиагдон, п. Мизур, г. Алагир, г. Ардон).

2. Дифференцированное объектное маркирование

2.1. Дифференцированное объектное маркирование в языках мира

ДОМ — очень распространенное явление в иранских языках. Впервые это понятие было введено Г. Боссонгом и изучено им именно на материале иранских языков [Bossong 1985]. Однако ДОМ широко распространено в языках мира, независимо от их генетической и ареальной принадлежности [Sinnemäki 2014].

Это грамматическое явление является особенностью именно современных иранских языков; оно не встречается в древнеиранских языках и лишь

в незначительной степени присутствует в среднеиранский период [Bossong 1985: 9]. В большинстве новоиранских языков маркирование ПД зависит от его референтности [Bossong 1985: 12].

Типологические исследования ДОМ показывают, что наиболее частотные факторы, влияющие на выбор оформления ПД — одушевленность и определенность [Sinnemäki 2016: 293]. Кроме того, в языках мира оказываются релевантны аспект, модальность и отрицание, информационная структура высказывания [Moravcsik 1978; Witzlack-Makarevich, Seržant 2017].

В последние декады исследователи ДОМ обратились к лексическим правилам. В частности, для существует ряд работ, показывающих важность факторов затронутости (или вовлеченности, “affectedness”) ПД и агентивности глагола (Heredero, García García 2023; Primus 2011) для испанского языка. Испанский язык демонстрирует бинарную оппозицию в ДОМ: определенные и одушевленные ПД, в основном, присоединяют предлог *a*; неодушевленные ПД — обычно нет. Несмотря на расхожее утверждение о невозможности маркирования неодушевленных ПД, исследователи обнаруживают примеры такого типа, где пациентивный участник осмысляется как активно взаимодействующий с участником в позиции подлежащего и маркируется:

- (2) *La mujer venc-ió ??el/a-l destino.*
 DEM женщина бить-3SG.PST DEM/PRP-DEM судьба
 ‘Женщина победила свою судьбу.’ [García García 2018: 226]

Более того, в подобных примерах отсутствие маркера (т.е. использование артикля *el*) практически неприемлема. Таким образом, лексические свойства ПД и глагола оказывают влияние на выбор оформления ПД.

Релевантность лексических факторов выявлена для ряда неродственных языков, ср. статьи в специальном выпуске [Linguistics 2014], посвященном ДОМ и [Nayriyan in prep.] относительно восточноармянского.

2.2. ДОМ в осетиноведении

Как факторы, влияющие на оформление ПД, в грамматиках осетинского языка выделяются определенность (см., например, [Гагкаев 1952: 100–101]), одушевленность, «личность» (принадлежность к лексическому классу людей) [Абаев 1959: 153–154; Şahingöz 2022], известность [Гагкаев 1956: 105–108], специфичность (или референтность) [Thordarson 2009:

135]. Так, одушевленный, определенный, известный из предыдущего контекста, личный, специфичный участник в позиции ПД скорее оформляется генитивом. Неодушевленный, неопределенный, новый, неличный, неспецифичный участник скорее имеет форму номинатива. Однако сами авторы отмечают, что сформулированные правила часто нарушаются, ср. примеры (3) и (4), где неопределенный человек оформляется генитивом, как и определенный.

(3) *Лæдж-ы, дам, бас куы ба-судз-ы, ...*

человек-GEN мол суп если PV-жечь-PRS.3SG

‘Когда человека (неопределенного) обжигает суп, (то дует человек и на воду свою).’

(4) *Лæдж-ы бас ба-сыгъ-та.*

человек-GEN суп PV-жечь-PST.3SG

‘Суп обжег человека (определенного).’ [Багаев 1965: 154]

В работе [Serdobolskaya, Tuzhik 2025] факторы одушевленности и референциального статуса анализируются более подробно. На материале элицированных данных авторы рассматривают десять референциальных статусов и два класса одушевленности (личные, неличные) во всех комбинациях. В статье приводятся соответствующие таблицы (см., например, таблицу 1, которая позволяет описать оформление ПД в примерах 2 и 3). Тем не менее, даже такое подробное разбиение по значениям обоих параметров оказывается недостаточным для предсказания оформления ПД. Если, например, в случае личных ПД правило в таблице 1 (с некоторой долей отклонений) предсказывает генитив для определенных, универсальных, родовых ПД и ПД свободного выбора, то во всех других случаях выбор оформления слишком сильно варьирует. При личных ПД варьирование примерно около 50% для отрицательных и неопределенных имен (специфичных и неспецифичных), а при классе неличных одушевленных имен (т.е. животных; см. таблицу 2) такое варьирование наблюдается для всех референциальных типов, кроме неопределенных (специфичных и неспецифичных); однако и там доля примеров с номинативом составляет менее 60%, что не позволяет делать надежных предсказаний. В силу этого возникает предположение о существовании других факторов выбора оформления ПД.

Таблица 1. Оформление ПД, обозначающих людей,
в зависимости от референциального статуса [Serdobolskaya, Tuzhik 2025: 99]

Референциальный статус ПД	Падеж
определенный специфичный и неспецифичный, свободного выбора, универсальный, родовой	GEN наиболее предпочтителен (NOM часто запрещен)
отрицательной полярности	GEN предпочтителен (NOM допустим)
отрицательный, неопределенный специфичный и неспецифичный	GEN/NOM

Таблица 2. Оформление ПД, обозначающих животных,
в зависимости от референциального статуса [Serdobolskaya, Tuzhik 2025: 100]

Референциальный статус ПД	Падеж	Относительная частотность GEN
отрицательной полярности, генерический (обозначение вида)	GEN предпочтителен	более 80%
определенный специфичный и неспецифичный	GEN частотнее NOM	60–80%
отрицательный, универсальный, свободного выбора	оба падежа одинаково частотны	около 50%
слабоопределенный специфичный, родовой	NOM частотнее GEN	35–40%
неопределенный специфичный, экзистенциальный	NOM предпочтителен	менее 35%

Попытка определить дополнительные релевантные факторы проводится в работах [Тужик 2024а, б], написанных по материалам осетинской переводной художественной литературы. Установлено, что в иронском диалекте осетинского языка на маркирование ПД может влиять его агентивность [Тужик 2024а, б]. Агентивность раскладывается на волитивность, восприятие/разумность, каузацию, движение, независимое от описываемой ситуации существование. В целом, действует следующая закономерность: более агентивные участники скорее маркируются, более пациентивные скорее остаются немаркированными.

Тем не менее, остается открытым вопрос о природе агентивности ПД в осетинском языке. В настоящем исследовании предпринята попытка проверить несколько гипотез о том, какие свойства глагола или существительного могут повышать агентивность участника. Во-первых, агентивность

может быть лексическим свойством существительных; иными словами, одни и те же существительные всегда будут осмысляться как более агентивные и будут оформляться генитивом чаще, чем другие существительные вне зависимости от глагола и контекста. Во-вторых, агентивность может задаваться исключительно глаголом: при определенных глаголах ПД будет оформляться генитивом чаще. В-третьих, агентивность может определяться комбинацией лексических свойств глагола и ПД — насколько такое сочетание концептуализируется в сознании носителей как ситуация, предполагающая агентивность ПД. Ниже мы проверим все три гипотезы.

3. Лексические свойства ПД и его маркирование в осетинском языке

Для проверки гипотезы о влиянии лексических свойств ПД нами были выбраны следующие компоненты значения существительного: размер (меньше человека, сопоставимо/больше человека), близость к человеку, или одомашненность (дикое или домашнее животное). Мы предположили, что более крупные животные будут более агентивными по сравнению с животными меньше человека, поскольку размер, близкий к человеческому, позволяет выступать таким животным в тех же ситуациях, в каких оказываются люди (например, медведь ест ягоды с куста, что ближе к человеческому способу по сравнению с, например, белкой). Что касается одомашненности, то более агентивными могли оказаться домашние животные, поскольку человек взаимодействует с ними чаще и поэтому они могут осмысляться более человекоподобными (у домашних питомцев есть имена, хозяева описывают их характер, как человеческий).

Кроме этого, исследовались разные лексические классы неличных одушевленных имен, а именно животные, насекомые и птицы. Лексический класс рыб рассмотреть не удалось, поскольку носители затруднялись дать осетинский перевод русским названиям рыб. Однако названия рыб представлены в текстах художественной литературы, рассмотренных в работе [Тужик 2024b]. В силу этого, мы основываем наши обобщения об этом лексическом классе на примерах из художественных текстов.

Предложения и контексты подобраны таким образом, чтобы они включали минимальные пары на один и тот же референциальный статус ПД, времени и вида глагола. Рассмотрим описанные выше факторы.

3.1. Размер животного

В следующих примерах представлены ПД в одном и том же контексте, при одном и том же предикате и с одним и тем же референциальным статусом (родовое). ПД в (5) и (6) обозначает животное меньше человека (кошка, еж), в (7) и (8) — животное, по размеру сопоставимое с человеком или больше его (лошадь, медведь).

- (5) *Заур тынг уарз-ы гæды-тæ / гæды-т-ы.*

Заур очень любить-PRS.3SG КОТ-PL.NOM КОТ-PL-GEN

‘Заур очень любит кошек.’

- (6) *Мадинæ тынг уарз-ы уызын-тæ / уызын-т-ы.*

Мадина очень любить-PRS.3SG еж-PL.NOM еж-PL-GEN

‘Мадина очень любит ежей.’

- (7) *Залинаæ тынг бирæ уарз-ы бæх-тæ / бæх-т-ы.*

Залина очень много любить-PRS.3SG КОНЬ-PL.NOM КОНЬ-PL-GEN

‘Залина очень любит лошадей.’

- (8) *Алан тынг уарз-ы арсы-тæ / арсы-т-ы.*

Алан очень любить-PRS.3SG медведь-PL.NOM медведь-PL-GEN

‘Алан очень любит медведей.’

- (9) *Уый бирæ уарз-ы сывæллæ-тты / сывæллæ-тты.*

тот много любить-PRS.3SG ребенок-PL.NOM ребенок-PL-GEN

‘Он(а) очень любит детей.’

Итак, мы видим, что в примерах (5)–(8), а также в примере (9), где прямое дополнение обозначает человека (ребенок), ПД оформляются одинаково. Следовательно, фактор размера не оказывает влияния на оформление ПД.

3.2. Одомашненность животного

Примеры (5) и (7) содержат примеры, где в позиции ПД находятся домашние животные; (6) и (8) содержат примеры с дикими животными. Поскольку в этих примерах оформление ПД одинаково, можно видеть, что фактор одомашненности также оказывается нерелевантным при выборе падежа.

3.3. Группы организмов

Разделение неличных одушевленных имен по группам организмов, включающим насекомых, рыб, птиц и животных (в узком смысле) также оказы-

вается нерелевантным для выбора оформления ПД. Рассмотрим следующие примеры, где ПД имеют одинаковый референциальный статус (неопределенные ПД):

- (10) *Маэ = бон с-уы-дзæн а-сай-ын*
 мой сила PV-быть-FUT.3SG PV-обмануть-INF

устаæр гæлæбу / гæлæбу-йы.

какой.нибудь бабочка бабочка-GEN

‘(Вчера я поставил новую ловушку. Надеюсь), я смогу обмануть какую-нибудь бабочку, (и она попадет в мою ловушку).’

- (11) *Бирæгъ æнæхъæн бон хъæд-ы рацу-бацу код-та,*
 волк целый день лес-IN ходьба делать-PST.3SG

йæ = зæрдæ дард-та устаæр тæрхъус / тæрхъус-ы
 его сердце держать-PST.3SG какой.нибудь заяц заяц-GEN

æр-цахс-ын æмæ йæ = ба-хæр-ын.

PV-поймать-INF и его PV-есть-INF

‘Волк весь день ходил по лесу, надеялся поймать какого-нибудь зайца и съесть.’

- (12) *...иу хатт уый с-ахуыр кæн-дзæн исты халон-ы*
 один раз тот PV-учить делать-FUT.3SG какой.нибудь ворон-GEN

æмæ равдис-дзæн, се = ‘ппæт-æй зонджын-дæр
 и доказать-FUT.3SG они весь-ABL умный-CMPR

цъу-тæ кæй сты, уый.

птица-PL COMPL быть.PRS.3SG тот

‘(Этот ученый обожает воронов.) Думаю, однажды он обучит какого-нибудь ворона и докажет, что это самые умные птицы.’

- (13) *Халон куы фен-ай, уæд æвзæр уы-дзæн.*
 ворон когда видеть-SUBJ.2SG тогда плохой быть-FUT.3SG
 ‘Если ты увидишь ворона, будет неудача.’

- (14) *Уазæгуат-ы бирæ адæм нæ уы-дзæн.*
 комната.для.гостей-IN много люди NEG быть-FUT.3SG

Исты лæппу-йы / лæппу =иу ра-кæн.

какой.нибудь мальчик-GEN мальчик PTCL PV-делать[IMP.2SG]

‘В гостях мало будет народу. Приведи какого-нибудь парня.’

Данные примеры содержат экзистенциальные по [Падучева 2017], или неопределенные неспецифичные, ПД, относящиеся к разным классам (насекомое, животное в узком смысле, птица и человек). Они также демонстрируют одинаковое оформление — во всех случаях возможен и генитив, и номинатив.

Итак, рассмотренные выше лексические свойства — размер, одомашненность и группа организмов — не позволяют объяснить вариативность оформления ПД.

4. Лексические свойства глагола и выбор оформления ПД в осетинском языке

4.1. Классификации предикатов и осетинский ДОМ

Наиболее известные глагольные классификации обычно ориентированы на аспектуальные свойства глагола — в частности, так устроена классификация Вендлера-Маслова. Как показывают пилотные исследования [Тужик 2024a, b], для осетинского ДОМ в большей мере актуальны классификации, ориентированные на семантические роли ядерных актантов глагола.

Мы попытались применить различные параметры классификации предикатов [Апресян 2003], где предикаты делятся на классы верхнего уровня, например, **действия** (писать, рубить): «глагол, у которого в вершине ассертивной части толкования на последней ступени семантической редукции обнаруживается семантический примитив «делать», и **деятельности** (торговать, воспитывать): «глагол, обозначающий совокупность разнородных и одновременных действий, имеющих одну конечную цель, причем время существования ситуации, называемой данным глаголом, растягивается на несколько раундов наблюдения». Кроме того, классы верхнего уровня делятся на подклассы — физические, ментальные, речевые, эмоциональные и др.

Исследование осетинских глаголов показывает, что даже если глаголы относятся к разным классам, оформление ПД оказывается одинаковым и, по-видимому, зависит от иных факторов. Ср. следующие примеры с глаголами действия (15) и деятельности (16), которые присоединяют родовое личное ПД. Примеры (17) и (18) ниже представляют примеры на нереферентное ПД в контексте отрицания (отрицательный референциальный статус в классификации [Падучева 2017]) при глаголах физического и

ментального состояния в классификации [Апресян 2003]. Как можно видеть, в обоих парах выбирается одинаковое оформление ПД — только генитив при родовых ПД в (15) и (16); при отрицательных же ПД возможны оба варианта, см. (17) и (18).

- (15) *А-цы сакъадах-ы царджы-тæ хæр-ынц адæм-ы / *адæм.*
 этот-DEM остров-IN житель-PL.NOM есть-PRS.3PL люди-GEN люди
 ‘Жители этого острова едят людей.’

- (16) *Цы куыст кæн-ы? Дохтыр у.*
 что работа делать-PRS.3SG доктор PRS.3SG

Сывæллæ-тты / *сывæллæ-ттæ дзæбæх кæн-ы.
 ребенок-PL.GEN ребенок-PL.NOM здоровый делать-PRS.3SG
 ‘Чем он занимается? Он врач. Он лечит детей.’

- (17) *Нæ хъæд гыццыл у,*
 наш лес маленький быть-PRS.3SG

тæрхъус-ы / тæрхъус = дæр дзы нæ = фен-дзын-æ.
 заяц-GEN заяц ADD PTCL NEG увидеть-FUT-2SG
 ‘У нас лес маленький, даже зайца не увидишь.’

- (18) *Иу дохтыр-ы / дохтыр = дæр нæ зон-ын,*
 один доктор-GEN доктор ADD NEG знать-PRS.1SG

мæ бон дын ницæм-æй у ба-ххуыс кæн-ын.
 мой силы ты.DAT ничего-ABL быть-PRS.3SG PV-помощь делать-INF
 ‘Я не знаю ни одного врача, (ничем не могу тебе помочь).’

Поскольку нам не удалось применить известные нам классификации глаголов для описания оформления ПД в осетинском языке, мы будем исходить из семантики конкретных глаголов одного лексического поля, а не из свойств группы, объединяющих глаголы по каким-либо конкретным признакам. Рассмотрим глаголы, относящиеся к лексическому полю ‘бить’: *фæнæмын* ‘побить’, *ныххæссын* ‘побить, избить’, *ракъæрцц кæнын* ‘дать подзатыльник, шлепнуть’. Эти глаголы отличаются, например, по интенсивности воздействия, по эмоциональной вовлеченности участника в позиции дополнения, претерпевающего воздействие участника в позиции подлежащего, по длительности действия, по площади физического контакта. Оказалось, однако, что вне зависимости от перечисленных осо-

бенностей при всех трех глаголах маркирование ПД подчиняется одним и тем же правилам. В целом, в примерах без дополнительного контекста носители скорее выбирают генитив и запрещают номинатив при данных глаголах:

- (19) а. *Уый фæ-над-та лæдж-ы / *лæг.*
 тот PV-бить-PST.3SG мужчина-GEN мужчина
 ‘Он(а) побил(а) мужчину (слегка или сильно).’
- б. *Уый ны-ххос-та лæдж-ы / *лæг.*
 тот PV-нести-PST.3SG мужчина-GEN мужчина
 ‘Он(а) избил(а) мужчину (сильно избил(а), возможно, добивал(а) лежащего с переломами).’
- с. *Сывæллон-ы / *сывæллон ра-къæрцц код-та.*
 ребенок-GEN ребенок PV-удар делать-PST.3SG
 ‘Он(а) шлепнул(а) ребенка (слегка ударил(а), дал(а) подзатыльник).’
- (20) а. *Уый фæ-над-та куыдз-ы / *куыдз.*
 тот PV-бить-PST.3SG собака-GEN собака
 ‘Он(а) побил(а) собаку.’
- б. *Уый ны-ххос-та куыдз-ы / *куыдз.*
 тот PV-нести-PST.3SG собака-GEN собака
 ‘Он(а) избил(а) собаку.’
- с. *Уый гæды-йы / *гæды ра-къæрцц код-та.*
 тот кошка-GEN кошка PV-удар делать-PST.3SG
 ‘Он(а) шлепнул(а) кошку.’

Во всех случаях при всех трех глаголах выбирается генитив; номинатив носители последовательно запрещают как для личных (19), так и для неличных ПД (20). Данные примеры также иллюстрируют нерелевантность фактора вовлеченности (затронутости, т.е. *affectedness*, ср. [Heredero, García García 2023] относительно испанского) для осетинского ДОМ: во всех трех случаях участник в различной мере оказывается затронут действием, однако выбирается одно и то же оформление.

По-видимому, выбор оформления ПД определяется не значением глагола, а лексическими свойствами всей пары «глагол + ПД», причем важны также характеристики ситуации, описываемые данной парой и экстралингвистические знания о том, как обычно устроены соответствующие ситуации.

Итак, кажется целесообразным обратиться к подходам, различающим глаголы не столько по характеру, интенсивности и продолжительности действия, т.е. не по свойствам собственно глагола, а скорее по прототипическим свойствам участника в позиции ПД при данном глаголе.

4.2. Агентивность ПД и прото-роли

Как показывают проведенные в [Тужик 2024а, b] исследования на материале художественной литературы, для осетинского ДОМ важен фактор агентивности. Однако несмотря на то, что агентивность обычно является свойством подлежащего, в нашем случае речь идет об агентивности самого ПД. Обратимся к примерам (12) и (13) выше. В ситуации *обучить ворона* в (12) пациентивный участник (ворон) прилагает усилия, выполняя команды хозяина (например, учится разговаривать или взлетать по команде), в то время как в ситуации *увидеть ворона* в (13) пациентивный участник не прилагает никаких усилий и может даже не осознавать, что ситуация восприятия имеет место. Соответственно, в первом случае ПД чаще маркируется генитивом, а во втором — номинативом (при одинаковом референциальном статусе).

В работах [Тужик 2024а, b] данное семантическое противопоставление предлагается анализировать в терминах прото-ролей согласно [Dowty 1991], где вводятся две семантические роли для выбора аргументов: прото-агенса и прото-пациенса, которые характеризуются набором из 5 соответствующих признаков. Так, агентивность раскладывается на волитивность, восприятие, каузацию, движение, независимое существование¹. Прото-пациент же претерпевает изменения, может являться инкрементальной темой [Dowty 1991: 566-571], вовлечен в событие вследствие действий другого участника, неподвижен относительно другого участника и не существует независимо от ситуации, см. таблицу 3 ниже.

Такой взгляд на ДОМ не является новым в типологии: так, в работе [Primus 2011] на примере некоторых языков (испанский, малаялам и др.) иллюстрируется предлагаемый автором принцип: маркер ДОМа лицензируется объектом, чьи внутренние свойства определяют его как прото-агенса в ситуации, обозначаемой предикатом [Primus 2011: 75]; см. тж. работы в специальном выпуске [Linguistics 2014].

---

¹ Последнее свойство вызывает сомнения у самого автора; на нашем материале оно не играет серьезной роли, однако оказывается важным парное ему пациентивное свойство е. «не существовать независимо от события».

Таблица 3. Свойства прото-ролей (по [Dowty 1991: 572])

Свойства прото-агенса	Свойства прото-пациенса
а. волитивное участие (или неучастие) в событии б. восприятие/способность чувствовать в. каузирование изменения состояния у другого участника г. перемещение (относительно положения другого участника) д. (существование независимо от события, названного предикатом)	а. претерпевает изменение состояния б. инкрементальная тема в. вовлеченность в событие из-за действий другого участника г. неподвижен относительно движения другого участника д. не существует независимо от события или не существует вообще

Чтобы проверить релевантность данного различия для осетинского языка, мы составили 40 примеров типа (21), где в позиции ПД находится человек или животное, которое является скорее активным участником события (баран убегает) и столько же примеров типа (22), где в позиции ПД находится животное, которое является скорее пассивным участником (барана покупают). В рассмотрение были включены все референциальные статусы, описанные в работе [Serdobolskaya, Tuzhik 2025]. Было исследовано около 60 глаголов.

Ниже представлена пара с глаголами ‘догнать’ и ‘купить’. Первая ситуация (21) предполагает движение и волитивность ПД (участник хочет убежать от участника в позиции подлежащего). Во второй ситуации (22) ПД обладает только пациентивными свойствами (претерпевает изменение состояния). В соответствии с этим, в (21) возможен только генитив, а в (22), наоборот, предпочтителен номинатив (в обоих случаях один и тот же референциальный статус — атрибутивный).

(21) *Æз ма ыццыл фырт-ыл æууæнд-ын*
 я мой маленький сын-SUPER доверять-PRS.1SG

фыс-тæ хиз-ын хъуыддаг,
 баран-PL пасти-INF дело

уымæн æмæ уый тагъд лидз-ы,
 тот.DAT и тот быстро бегать-PRS.1SG

йæ бон у æппæт-ы цырд-дæр
 его сила быть.PRS.3SG весь-GEN быстрый-CMPR

фыс-ы / ***фыс** **ба-ййаф-ын.**

баран-GEN баран PV-догнать-INF

‘Я доверяю своему маленькому сыну пасти наших баранов, потому что он быстро бегают, может самого быстрого барана догнать.’

- (22) **Дæу-мæ бирæ хорз фыс-тæ ис,**
 ты-ALL много хороший баран-PL.NOM EXST

фæлæ мæн хъæу-ы дæу-æй æппæт-ы нард
 но я.GEN надо-PRS.3SG ты-ABL весь-GEN жирный

фыс / **?фыс-ы** **ба-лхæн-ын.**

баран баран-GEN PV-купить-INF

‘У тебя много хороших баранов, но я хочу у тебя самого жирного барана купить.’

В следующей паре оба ПД имеют слабоопределенный референциальный статус. Для обоих участников может быть верным, что они передвигались, соответственно, они оба имеют одно агентивное свойство (самостоятельное перемещение ПД). Также они предположительно имеют два пациентивных свойства (вовлеченность в событие из-за действий другого участника и претерпевание изменения). При этом ситуация ‘перехитрил, обманул’ предполагает наличие восприятия у ПД, в отличие от ‘поймал’. Так как у участника в примере (23) оказывается больше агентивных свойств, для него оформление генитивом является предпочтительным, в отличие от участника в примере (24):

- (23) **Знон æз а-сайд-тон гæлæбу-йы / ?гæлæбу,**
 вчера я PV-обмануть-PST.1SG бабочка-GEN бабочка

уый ба-хауд мæ къæппæдж-ы.
 тот PV-падать[PST] мой клетка-IN

‘Вчера я перехитрил бабочку, она попала в мою ловушку!’

- (24) **Знон æз æр-цахс-тон гæлæбу / ?гæлæбу-йы,**
 вчера я PV-ловить-PST.1SG бабочка бабочка-GEN

уый ба-хауд мæ къæппæдж-ы.
 тот PV-падать[PST] мой клетка-IN

‘Вчера я поймал бабочку, она попала в мою ловушку!’

В следующей паре противопоставлены ситуации ‘вести’ и ‘продавать’, где первая предполагает самостоятельное движение ПД и волитивность. Во второй ситуации у ПД нет ни одного агентивного свойства. В силу этого, при ‘вести’ (25) возможен только генитив, а в (26), напротив, возможен только номинатив (при этом оба примера включают ПД с родовым референциальным статусом).

(25) *Pa-вдис* *мын,*
PV-показывать[IMP.2SG] я.DAT

ам куи-ты / *куи-тæ кæдæм фæ-кæн-ынц.
тут собака-PL.GEN собака-PL.NOM куда PV-делать-PRS.3PL
‘Покажи мне, куда тут ведут собак.’

(26) *Pa-вдис* *мын,*
PV-показывать[IMP.2SG] я.DAT

ам куи-тæ / *куи-ты кæм уæй кæн-ынц.
тут собака-PL.NOM собака-PL.GEN где продажа делать-PRS.3PL
‘Покажи мне, где здесь собак продают.’

Ср. тж. примеры (12) и (13) с глаголами ‘обучать’ и ‘видеть’: первый предполагает способность чувствовать и каузацию изменения состояния у участника в позиции ПД (два агентивных свойства), в то время как второй не предполагает агентивных свойств. Соответственно, в (12) выбирается генитив, а в (13) — номинатив, при одном и том же референциальном статусе ПД.

Связь между прото-ролью и оформлением является скорее тенденцией, а не строгим правилом. Тем не менее, разница оказалась значимой ($\chi^2 = 28,948$, $p < 0,001$), см. таблицу 4 ниже. В таблице использовано количество соответствующих примеров вне зависимости от референциального статуса и лексического класса (человек или животное):

Таблица 4. Количество примеров, содержащих ПД в номинативе или в генитиве при какой-либо из прото-ролей.

	NOM	GEN	сумма
прото-агенса	50	142	192
прото-пациенс	157	155	312
сумма	207	297	504

Можно заключить, что еще одним фактором, влияющим на выбор маркирования ПД, является семантическая роль ПД при данном глаголе.

4.3. Семантика глаголов, семантика контекста и осетинский ДОМ

В разделе 4.2 показано, что на выбор оформления ПД в осетинском языке при прочих равных влияют свойства соответствующего участника в ситуации, обозначаемой глаголом: если участник имеет большее количество или столько же агентивных свойств, чем пациентивных, то он скорее будет маркирован генитивом; иначе выбирается номинатив. Однако следует учесть, что выше мы разбирали прототипические употребления глаголов. Остается не вполне ясным, является ли прото-роль ПД закрепленной за соответствующим глаголом в любом случае или же она может меняться в зависимости от (под)значения глагола или даже от контекста. Например, ситуация ‘поймать’ может быть различной для разных животных: ‘поймать в капкан’ или ‘поймать рыбу удочкой’ не предполагает, что ПД знает о том, что его ловят, до самого момента осуществления ситуации, в то время как ситуация ‘догнать и поймать’ (напр., *Волк ловит зайца*) предполагает волитивность ПД и самостоятельное движение, чтобы не оказаться пойманным. Глаголы ‘бить’ и ‘гладить’ в прототипическом употреблении предполагают наличие эмоциональной реакции пациентивного участника; следовательно, ПД обладает агентивным свойством «восприятие, способность чувствовать» (см. таблицу 3), что приводит к большей частотности генитива при данном глаголе. Верно ли, что генитив сохраняется в тех случаях, когда данный участник спит или находится без сознания? Иными словами, верно ли, что имеет место лексическое правило, или же каждый носитель выбирает маркирование ПД различным образом, в зависимости от (под)значения глагола и контекста? Примеры ниже демонстрируют, что релевантно скорее лексическое правило, как это определяет Д. Даути для выбора субъекта и объекта. В частности, при глаголе ‘бить’ вне зависимости от состояния пациентивного участника — активная реакция на изменения (27) или пассивное претерпевание изменения (28) — ПД строго оформляется генитивом.

(27) Уый хъæзыд-ис уындж-ы æмæ фæ-над-та куыдз-ы / *куыдз.
 тот играть-PST.3SG улица-IN и PV-бить-PST.3SG собака-GEN собака

Дзур-ынц, уый фæстæ а-лыгъди
 говорить-PRS.3PL тот потом PV-бежать-PST.3SG

æмæ анæхъæн ахсæв ниуд-та.

и целый ночь скулить-PST.3SG

‘Он играл на улице и побил собаку. Говорят, она потом убежала и скулила всю ночь.’

(28) *Уый ны-ххос-та куыдз-ы / *куыдз.*

тот PV-бить-PST.3SG собака-GEN собака

‘Он избил собаку (сильно избил, в т.ч. если бил уже лежащую собаку, без сознания).

Если же речь идет о различных (под)значениях глагола (как ‘старик ловит рыбу’ и ‘охотник ловит зайца’, то носители обычно выбирают различное оформление, ориентируясь на признаки прото-роли у ПД.

Далее, рассмотрим предположение о влиянии более широкого контекста. Некоторые примеры показывают, что даже при одной и той же паре «глагол + ПД» носители могут выбирать различное оформление:

(29) *Знон æз ба-лхæд-тон карк / *карч-ы.*

вчера я PV-купить-PST.1SG курица курица-GEN

Абон райсом-æй сыхæг-т-ы куыдз

сегодня утро-ABL сосед-PL-GEN собака

фæ-тæрс-ын код-та карч-ы / *карк

PV-страх-INF делать-PST.3SG курица-GEN курица

æмæ уый йæ базыр-тæ тилгæйæ а-лыгъди.

и тот свой крыло-NOM.PL хлопать.PTCP PV-бежать-PST.3SG

‘Вчера я купил курицу. Сегодня утром соседская собака напугала курицу, и она убежала, хлопая крыльями.’

(30) *Æз знон ба-лхæд-тон карк / *карч-ы.*

я вчера PV-купить-PST.1SG курица курица-GEN

Абон райсом-æй карк фынæй куы код-та,

сегодня утро-ABL курица сон когда делать-PST.3SG

уæд æй сыхæг-т-ы куыдз æр-цахс-та

тогда он(а).SG.GEN сосед-PL-GEN собака PV-поймать-PST.3SG

æмæ сыхæг-мæ æрба-хас-та.

и сосед-ALL PV-нести-PST.3SG

‘Я вчера купил курицу. Сегодня утром, пока курица спала, соседская собака поймала ее и принесла соседу.’

В обоих примерах первое предложение одинаково и подразумевает пациентивность ПД (т.к. глагол ‘купить’ предполагает, что ПД не обладает ни одним из свойств прото-агенса, но имеет одно пациентивное свойство: претерпевает изменение состояния). Различия между (29) и (30) можно объяснить контекстом, следующим далее. В (29) участник в позиции ПД является агенсом: курица, испугавшись, испытывает какие-то эмоции, затем предпринимает активные действия (убегает). В (30), наоборот, курица во всем отрывке ничего не делает и функционирует как неодушевленный предмет (она может быть заменена, например, на игрушку). Соответственно, в (29) в носитель допускает генитив, в то время как в (30) возможен только номинатив.

Однако следует уточнить, что данный фактор работает далеко не всегда; многие носители не проводят различия между (29) и (30), а также в аналогичных парах. Чтобы проверить релевантность данного фактора, мы составили предложения четырех типов: глагол и контекст подразумевают агентивность ПД; глагол и контекст подразумевают пациентивность ПД; глагол подразумевает агентивность ПД, а контекст — пациентивность, и наоборот. Результаты показали, что данный фактор влияет лишь отчасти: у двух носителей в примерах (29)–(30) выбор оформления диктовался контекстом; в большинстве случаев² выбирался генитив (т.к. примеры содержат определенное предупомянутое ПД). В целом, в большом контексте участник в позиции ПД неизбежно должен быть употреблен несколько раз, из-за чего он становится если не определенным, то как минимум выделенным участником дискурса, и это свойство определяет его маркирование во всем отрывке.

Таким образом, даже если широкий контекст может оказывать влияние на оформление ПД, чаще всего другие факторы оказываются важнее, нивелируя влияние контекста.

5. Выводы

В работе ставилась задача выявить факторы, влияющие на ДОМ в осетинском языке. Мы проверили релевантность лексических свойств существительного в позиции ПД — размер, одомашненность и тип организмов (зве-

---

² А именно, в 23 контекстах от 4 носителей (уточним, что для двоих из этих четырех носителей контекст оказался важен в (29) и (30)).

ри, насекомые, рыбы, птицы), а также лексические свойства глагола — лексические классы и подклассы в классификации [Апресян 2003] и ролевой состав ядерных актантов глагола согласно [Dowty 1991]. Было показано, что ни свойства ПД, ни свойства глагола как таковые не объясняют маркирование ПД. На материале элицитированных примеров, собранных для разных лексических классов глаголов и ПД, подтвердилась релевантность фактора агентивности ПД, которая была обнаружена в пилотных исследованиях текстов художественной литературы в [Тужик 2024a, b]. В настоящей работе мы попытались уточнить, какими средствами выражается агентивность — через ингерентные свойства ПД, через свойства глагола, или же агентивность задается более крупными единицами — парой «глагол+ПД» или всем контекстом. Мы показали, что важны свойства именно пары «глагол+ПД» наряду с референциальным статусом (фактором, влияние которого было доказано в предшествующих работах). Если широкий контекст и оказывает влияние, то гораздо более слабое по сравнению с влиянием референциального статуса и свойств пары «глагол+ПД».

Агентивность при этом определяется как соотношение агентивных и пациентивных свойств, перечисленных в работе [Dowty 1991]: движение, восприятие или эмоции, волитивность, каузация события или изменения состояния и т.д. Если число агентивных свойств больше или равно числу пациентивных, то участник в позиции ПД классифицируется как агентивный; в противном случае — как пациентивный.

Следует уточнить, что для одушевленных личных и неличных ПД данные два фактора имеют различный вес. Как показывает таблица 1, для одушевленных личных референциальный статус «перевешивает» фактор агентивности: в случае статусов определенного, родового, универсального статусов и свободного выбора предпочтителен генитив, вне зависимости от агентивности. Если же одушевленное личное имеет неопределенный (специфичный или неспецифичный) или отрицательный референциальный статус (включая выражения отрицательной полярности), более важным является фактор агентивности. Напротив, для неличных ПД агентивность всегда «перевешивает» референциальный статус (отсюда высокая вариативность в таблице 2). Большая вероятность номинатива для неопределенных ПД связана не с влиянием референциального статуса, а с тем, что примеры на неопределенные неличные ПД, подобранные в [Serdobolskaya, Tuzhik 2025], включали неагентивных участников.

Таким образом, правила выбора оформления одушевленных ПД в осетинском языке, предложенные в данной работе, должны быть модифицированы следующим образом:

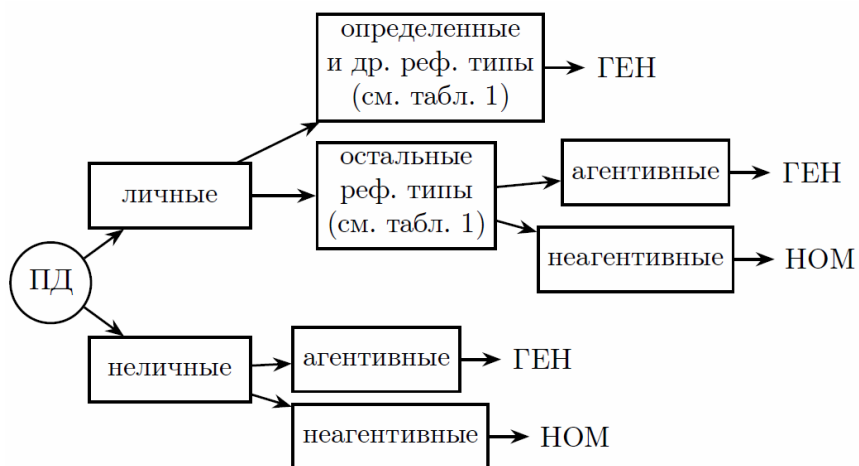

Рисунок 1. Правило выбора оформления одушевленных ПД.

Данное правило не является строгим, и при прочих равных референциальный статус для неличных ПД может оказывать влияние на выбор оформления, перевешивая фактор агентивности. В зависимости от носителя вес данных двух параметров может варьировать, в особенности если в данной паре «глагол + ПД» число агентивных свойств равно числу пациентивных.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; ADD — аддитивная частица; CMPR — компаратив; DEM — детерминатив; EXST — экзистенциальная связка; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IN — иннесив; INF — инфинитив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PL — множественное число; PREP — предлог; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PV — преверб; SG — единственное число; SUBJ — конъюнктив; SUPER — суперлатив.

ДОМ — дифференцированное объектное маркирование; ПД — прямое дополнение.

Список источников / References

Абаев 1959 — Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. [Abaev V. I. Grammaticheskii ocherk ossetinskogo yazyka [Grammar sketch of Ossetic]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1959.]

- Апресян 2003 — Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. — СПб: ИЛИ РАН, 2003. — С. 7-21. [Apresyan Yu. D. Fundamental'naya klassifikatsiya predikato-
tov i sistemnaya leksikografiya [Fundamental classification of predicates and systemic lexi-
cography] // Grammaticheskie kategorii: ierarhii, svyazi, vzaimodejstvie. — Saint Peters-
burg: ILS RAS, 2003. — P. 7-21.]
- Багаев 1965 — Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. [Bagaev N.K. Sovre-
menniyi osetinskiy yazyk [Modern Ossetian language]. Ch. 1. Ordzhonikidze, Severo-
Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1965. 488 p.]
- Гагкаев 1952 — Гагкаев К. Е. Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау: Госу-
дарственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1952. [Gagkaev K. E. Ocherk
grammatiki osetinskogo yazyka [Sketch of Ossetic grammar]. Dzaudzhikau: State Press of
the North Ossetian ASSR, 1952.]
- Гагкаев 1956 — Гагкаев К. Е. Синтаксис осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-
Осетинское книжное издательство, 1956. [Gagkaev K. E. Sintaksis osetinskogo yazyka
[Ossetic syntax]. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing, 1956.]
- Падучева 2017 — Падучева Е. В. Референциальный статус именной группы. Материалы
для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М. 2017.
(01.08.2024). [Paducheva E. V. Referentsial'nyi status imennoy gruppy [Referential types of
noun phrases]. In: Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki [Mate-
rials for the project of the corpus-based description of Russian grammar]. Moscow. 2017.
Accessed on 01.08.2024. (in Russian).]
- Тужик 2024a — Тужик О. В. Дифференцированное маркирование объекта в осетинских
переводах художественной литературы: какова роль прото-роли? // Ануфриев А. А.,
Буденная Е. В., Дьячков В. В., Груздева А. И., Давидюк Т. И., Здорова Н. С., Каплунова
М. Я., Мордашова Д. Д., Орлов В. А. (ред.). Проблемы языка: Сборник научных статей
по материалам Десятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых уче-
ных» (24–26 апреля 2024 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2024. С. 41–52. [Tuzhik O.
V. Differentsirovannoye markirovaniye ob'yekta v osetinskikh perevodakh khudozhestven-
noy literatury: kakova rol' proto-rol'i? [Differential object marking in Ossetic translations of
fiction: The role of the proto-role]. Anufriyev A. A., Budennaya E. V., Dyachkov V. V.,
Gruzdeva A. I., Davidiyuk T. I., Zdorova N. S., Kaplunova M. Ya., Mordashova D. D., Orlova
V. A. (eds.). Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statey po materialam Desyatoy konfer-
entsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh» (24–26 aprelya 2024 g.).
[Language issues: Collection of scientific articles based on the materials of the 10th Confer-
ence-School “Problems of Language: The View of Young Scientists” (April 24–26, 2024)].
Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2024. P. 41–52.]
- Тужик 2024b — Тужик О. В. Дифференцированное маркирование объекта в повести Э.
Хемингуэя «Старик и море» на иронском диалекте осетинского языка. Материалы Ме-
ждународного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2024». Отв. ред. И.А.
Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс] —
М.: МОО СИПНН Н.Д. Кондратьева, 2024. [Differential object marking in E. Hemingway's
novella "The Old Man and the Sea" in Iron Ossetic [Differentsirovannoye markirovaniye
obyekta v povesti E. Khemingueya «Starik i more» na ironskom dialekte osetinskogo
yazyka]. *Proceedings of the International Youth Scientific Forum "LOMONOSOV-2024"*. Ed.
Aleshkovsky I.A., Andriyanov A.V., Antipov E.A., Zimakova E.I. [Electronic resource] — М.:
МОО СИПНН Н.Д. Кондратьева, 2024.]

- Тужик, в печати — Тужик О. В. Свойства субъекта и дифференцированное маркирование объекта в иронском диалекте современного осетинского языка // Индоиранские языки. 2(1). [Tuzhik O. V. Svoystva subyektu i differentsirovannoye markirovaniye obyektu v ironskom dialekte sovremennogo osetinskogo yazyka. [Differential object marking in Iron Ossetic: The role of the subject's properties]. *Indo-Iranian Languages*. 2(1).]
- Bossong 1985 — Bossong G. Empirische Universalienforschung: differentielle Objektmarkierung in den neuiranischen Sprachen. G. Narr, 1985. T. 14.
- Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection. *Language*. 1991. T. 67. № 3. P. 547-619.
- García García 2018 — García García M. 2018. Nominal and verbal parameters in the diachrony of differential object marking in Spanish. Seržant I. A., Witzlack-Makarevich A. (eds.) *Diachronic typology of differential argument marking*. 185–214. Berlin: Language Science Press.
- Hayriyan In prep. — Hayriyan A. In prep. Differential Object Marking in Modern Eastern Armenian: a review of typological factors and their relevance.
- Herederó, García García 2023 — Herederó D. R., García García M. 2023. Differential object marking in Spanish: the effect of affectedness. *Caplletra* 74 (Primavera, 2023). 259–285.
- Linguistics 2014 — Special issue of *Linguistics* 52:2. Differential Object Marking: theoretical and empirical issues. Iemmolo G., Klumpp G. (eds.)
- Moravcsik 1978 — Moravcsik E. A. 1978. On the case marking of objects. Greenberg J. H. (ed.), *Universals of human language*, vol. 4: *Syntax*. 249–289. Stanford: Stanford University Press.
- Primus 2011 — Primus B. Animacy, generalized semantic roles, and differential object marking. Lamers M., de Swart P. (eds.). *Case, word order and prominence: Interacting cues in language production and comprehension*. Dordrecht: Springer, 2011. P. 65–90.
- Serdobolskaya, Tuzhik 2025 — Serdobolskaya N. V., Tuzhik O. V. Differential object marking in modern Ossetic: Referential properties and animacy // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2025. Vol. 48. Iss. 2. P. 91–107. DOI: 10.23951/2307-6119-2025-2-91-107.
- Sinnemäki 2014 — Sinnemäki K. 2014. A typological perspective on Differential Object Marking. *Linguistics* 52(2). 281–313.
- Şahingöz 2022 — Şahingöz E. Differential Object Marking in Ossetic: A corpus-based analysis. Conference presentation. 2022.
- Thordarson 2009 — F. Thordarson. *Ossetic grammatical studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 2009.
- Witzlack-Makarevich, Seržant 2017 — Witzlack-Makarevich A., Seržant I. A. 2017. Differential argument marking: Patterns of variation. Seržant I.A., Witzlack-Makarevich A. (eds.) *Diachrony of differential argument marking* (Studies in Diversity Linguistics 19). 1–40. Berlin: Language Science Press.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 25.11.2025; принята к публикации 12.12.2025.

The article was received on 21.11.2025; approved after reviewing 25.11.2025; accepted for publication 12.12.2025.

Ольга Викторовна Тужик✉

Институт языкознания РАН

Olga Tuzhik✉

Institute of Linguistics RAS

tuzhik@iling-ran.ru✉

Наталья Вадимовна Сердобольская

к.ф.н.; Институт языкознания РАН

Natalia Serdobolskaya

Ph.D.; Institute of Linguistics RAS

serdobolskaya@gmail.com

Типология морфосинтаксических параметров
том 8, выпуск 1

Сайт журнала:

<https://tmp.sc/>

Оригинал-макет: Кс.П. Семёнова

Подписано в печать 12.12.2025.

Формат 21*29.7 см. Гарнитура Charis SIL.

Электронное издание. Объём 154 стр.